

# Magna adsurgit: historia studiorum



Великая степь:  
исторические исследования

2018, №2



# Magna adsurgit: historia studiorum



Великая степь:  
исторические исследования

2018, №2

# **Magna adsurgit: historia studiorum**

*Научный журнал*

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

**№2, 2018**

ISSN 2541-9749

DOI 10.22162/2541-9749-2018-5-1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

E-mail: [ochirovub@kigiran.com](mailto:ochirovub@kigiran.com)

*Главный редактор:*

**Очиров У.Б.**, д.и.н., доцент

*Зам. главного редактора:*

**Бакаева Э. П.**, д.и.н., доцент,

**Лиджиева И.В.**, д.и.н.

*Ответственный секретарь:*

**Сартикова Е.В.**, д.и.н., доцент

*Члены редколлегии:*

**Бадмаева Е.Н.**, д.и.н., доцент,

**Батырева С.Г.**, д.иск., доцент

**Тепкеев В.Т.**, к.и.н.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста,  
ул. Илишкина, д. 8, оф. 144. КалмНЦ РАН.

E-mail: [magna-adsurgit@yandex.ru](mailto:magna-adsurgit@yandex.ru).

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

## СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям . . . . .	4
---------------------------------	---

### КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ ЮГА РОССИИ В XVIII в.

<i>Сень Д.В.</i> Распросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья . . . . .	7
<i>Тепкеев В.Т.</i> Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг. . . . .	15
<i>Белюсов С.С.</i> Участие нижеволжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773–1775 гг. . . .	35

### НАЦИОНАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ ЮГА РОССИИ В 1917–1943 гг.

<i>Сартикова Е.В.</i> Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии (1918–1924 гг.) . . . . .	49
<i>Оконов Б.А.</i> Участие комсомола Калмыкии в борьбе с голодом в 1921 г. . . . .	61
<i>Гунаев Е.А.</i> Калмыцкая автономная область в составе Нижневолжского и Сталинградского краев в 1928–1935 гг.: особенности политико-правового статуса . . . . .	71
<i>Бадмаева Е.Н.</i> Политические репрессии крестьян национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг. . . . .	81
<i>Заярный С.А., Очиров У.Б.</i> Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.	99

### ЭТНОГРАФИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ

<i>Батырева С.Г.</i> Декор войлока монгольских и тюркских народов (по материалам музейных коллекций Калмыкии). . .	135
--	-----

## *Дорогие читатели!*

*Вы читаете очередной номер научного журнала «Magna adsurgit: historia studiorum» (Великая степь: исторические исследования). Основателем и издателем журнала является Калмыцкий научный центр Российской академии наук.*

*Великая степь – это обширный степной макрорегион, протянувшийся в центре Евразийского материка на половину континента: от Карпатских гор через бывшее Дикое поле, Степное Предкавказье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Казахстан, южные равнины Западной Сибири, Джунгарию и Монголо-Манчжурскую степь почти до берегов Тихого океана. Бескрайние степи обусловили свои особенности развития общества, экономики, уклада жизни, быта, менталитета, материальной и духовной культуры, которые заметно отличались от аналогичных процессов у оседлых земледельцев. Некоторые сторонники цивилизационного подхода даже поставили вопрос об отдельной кочевой цивилизации со своими законами и этапами развития. На территории Великой степи зарождались, достигали апогея и переживали крушение могучие кочевые империи, здесь пролегали древние торговые пути, воздвигались и разрушались поселения и храмы с уникальной архитектурой. От многих государств, увы, не осталось ни духовного наследия, ни письменных источников (если не считать таковыми свидетельства соседей, которые не всегда могли правильно понимать особенности менталитета кочевников). Не менее интересными для изучения представляются особенности процессов модернизации и глобализации среди бывших кочевых народов, которые им пришлось пережить в XX веке.*

*На наш взгляд, без изучения истории народов и государств Великой степи невозможно комплексное, всеаспектное и полностью адекватное отображение как всеобщей, так и отечественной истории. Представляемый Вам журнал является одним из небольших «кирпичиков» возводимого здания Исторической Правды. На страницах этого журнала мы планируем публиковать научные статьи по проблемам истории, источниковедения, археологии, этнографии и других отраслей исторической науки, посвященных народам и государствам, проживавших и проживающих на территории Великой степи.*

*Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересовавшихся ученых.*

*Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8, оф. 146. КалмНЦ РАН. E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.*

*Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>*

*Главный редактор У.Б. Очиров*

**Кочевые народы  
юга России в XVIII в.**



## РАССПРОСНЫЕ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЮЖНОГО ПОГРАНИЧЬЯ\*

Сень Д.В.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: [dsen1974@mail.ru](mailto:dsen1974@mail.ru)

**Аннотация:** в статье исследуются актуальные вопросы, связанные с источниковедением истории кубанского казачества. Речь идет о казаках-старобрядцах, подданных крымских ханов, проживавших в кубанском регионе в период 1690-х – 1770-х гг. Акцент сделан на происхождении и на эвристическом потенциале расспросных речей разных категорий лиц, бывших очевидцами или современниками различных событий, относящихся к жизни кубанских казаков за анализируемый период. Кроме того, возникновение и бытование подобных источников рассмотрено на фоне более крупной исследовательской проблемы: истории информационного пространства южного пограничья, начиная с событий конца XVII в., в формировании которого приняли участие различные категории современников описываемых событий – чиновники, бывшие пленники, торговцы, разведчики, дипломаты и т.п. лица.

**Ключевые слова:** допросы, Крымское ханство, казачество, Кубань, расспросные речи, судебно-следственная документация.

История кубанского казачества\*\* в последние годы исследуется достаточно активно и результативно, с использованием новых для данного тематического направления исследовательских концептов, методик и, конечно, источников. Наметилась устойчивая тенденция к расширению источниковой базы по истории разных групп кубанского казачества

---

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

\*\* Автор употребляет здесь данное понятие для обозначения только тех казаков, которые проживали на Кубани до казаков-черноморцев и массово пребывали в крымском подданстве до конца 1770-х гг. Причем, речь идет не только о казаках-некрасовцах, но также о первых или так называемых «старых» кубанских казаках, пришедших с Дона на Кубань на рубеже 1680-х – 1690-х гг.

конца XVII–XVIII вв., что позволяет не только вводить в научный оборот новые источники [Аваков 2014; Аваков 2015; Мильчев, Сень 2012; Аваков, Сень 2016], но и делать первые обобщающие наблюдения над особенностями исторического формирования соответствующей документальной базы, ее выявления и интерпретации [Сень 2011; Сень 2013; Сень 2015]. Стало возможным предметно говорить о проблемах и перспективах поиска источников по данной теме, исходя из анализа актуализированной источниковой базы и намечая пути расширения наших данных о сохранившейся документальной базе.

Таким образом, источники по истории интересующих нас казачьих групп стали в последние годы объектом *самостоятельного* (здесь и далее курсив мой. – Д. С.) изучения не только с точки зрения использования их эвристического потенциала. Исследовательская рефлексия важна в таких научных публикациях еще и потому, что поиск новых источников нередко наталкивался на определенные трудности, еще недавно связанные со слабой изученностью многих аспектов казачьей истории на территории Крымского ханства. Соответствующий негативный «обратный эффект», таким образом, долгие годы сказывался на результатах обращения ученых к прошлому казаков-«изменников». Сейчас, однако, важнее сделать акцент на другом: на определенном этапе архивной эвристики было преждевременно ставить на повестку дня вопросы, связанные с выявлением общего и особенного в появлении и бытовании разных видов/разновидностей письменных исторических источников по теме исследования, с изучением вертикальных и горизонтальных связей в деятельности тех российских учреждений, документы которых вобрали в себя информацию о кубанских казаках, с дублированием однотипной (одной и той же) информации разными российскими ведомствами о казаках, и с тому подобными историко-ведческими аспектами.

В изучении прошлого первых кубанских казаков, а также казаков-некрасовцев, в 1990-е – 2000-е гг. появились новые научные результаты [Усенко 2000; Боук 2001; Сень 2009]. Не в последнюю очередь это оказалось связано с заметным пополнением документальной источниковой базы в указанные годы. Архивная эвристика была организована нами и другими коллегами-историками в архивных фондах и в коллекциях Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ), Государственного архива Воронежской области (ГАВО); Государственного архива Краснодарского края (ГАКК); Государственного архива Астраханской области (ГАО); Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПбИИ РАН), Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук (ОР БАН), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного архива

## Сень Д.В. Расспросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья

Военно-морского флота (РГА ВМФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН). Подавляющее число выявленных источников – это документы конца XVII в. – XVIII в. российского происхождения, в том числе отражающие документирование деятельности российских государственных учреждений и администраций высшего, центрального и местного уровней.

Заметное место среди подобной документации занимают расспросные речи, которые, по преимуществу, фиксировали устную речь разных лиц, видевших кубанских казаков, что-то слышавших о них или же лично общавшихся с казаками-ахреями/некрасовцами, либо же включали в себя рассказы самих кубанских казаков. Подробный анализ таких речей не представляется возможным реализовать в рамках небольшой журнальной статьи, поэтому ограничимся рядом замечаний и предварительных наблюдений. Подробное указание на архивные шифры единиц хранения, послуживших основой для авторских наблюдений, можно найти в ряде моих работ по истории казачества на территории Крымского ханства, находящихся в открытом доступе.

Методику изучения расспросных речей уместно связать с методикой анализа судебно-следственной документации, с влиянием «письменной» (официальной, книжной) культуры на народную, низовую культуру, с коммуникационными конфликтами в ходе передачи, фиксации и интерпретации информации от расспрашиваемого к служащему/чиновнику/следователю [Колесов 2008: 79–87; Панченко 2004: 45–53; Усенко 2005]. Антропологический подход к явлениям культуры вполне позволяет подойти к таким источникам как к *вынужденно актуализованным интервью*, когда обладатель информации излагал ее в условиях принудительного диалога и под воздействием чужой воли. Появление интересующих меня расспросных речей в российской делопроизводительной (бюрократической) практике необязательно было связано с розыскными мероприятиями властей и с ведением судебно-следственной документации. Но пересечение человеком (людьми) *границы* (как реальный повод к расспросу и к созданию документа), выход или бегство из плена, выкуп из плена и т. п. ситуации делали обязательным расспрос лица (лиц), совершившего(-их) подобные действия.

Например, такая практика стала обычным делом для царской администрации Азова после его завоевания летом 1696 г. Эвристический потенциал расспросных речей современников, в том числе так называемых «выходцев с Кубани», огромен [Грибовский 2014, 2015]. Расспросная документация содержит в себе различные пласты прямой и косвенной информации о жизни, об идентичностях и культурных представлениях главных участников расспросов, выявление и интерпретация которых требует учета ряда обстоятельств. Во-первых, необ-

ходимо учитывать *информационный повод*, послуживший основанием для создания документа(-ов). Для лица, рассказывавшего о себе, как правило, ситуация носила *экстраординарный* характер, побуждая память к рассказу и к актуализации различной информации о самом себе (включая идентичность и данные биографического характера). Во-вторых, что проистекает из первого, процесс сообщения человеком информации заведомо ставит его в невыгодное положение: он не в состоянии отказаться от навязанного ему алгоритма поведения в ходе «вспрашивания». В-третьих, фиксация на бумаге устной речи осуществлялась уполномоченным властным лицом, *конструировавшим* текст в соответствии со *своей* логикой, в пространстве привычных для него *самого* лексики, культурных понятий и символов, речевых оборотов и, в целом, вербальных и невербальных коммуникационных систем. В этом случае фиксатор устной речи участвовал не только в процессах идентификации информации и в извлечении из нее идентификационных маркеров. По аналогии с мыслью А.А. Панченко, такой человек моделировал специфический тип присвоения полученной информации и «*узурпации имманентных смыслов исследуемой культуры*» [Панченко 2004: 52].

Таким образом, если рассматривать подобные документы как результат коммуникации между носителем информации и тем, кто ее фиксировал, то необходимо говорить об их *со-участии* в письменном отображении определенной исторической реальности. Искажения были здесь почти неизбежны: прежде всего, на пути преобразования информации из устной формы в письменную форму. Подобное замечание тем более очевидно для фиксации на русском языке расспросных речей иноязычных лиц, например, ногайцев с Кубани. Мне уже приходилось писать о таком важном аспекте, как формы и способы письменной и иной коммуникации, возникшей между российской администрацией Азова и ногайской Кубанью на рубеже XVII–XVIII вв. Коммуникационных проблем было много: стороны в буквальном смысле не всегда понимали друг друга, не хватало переводчиков (о чем азовские власти забрасывали просьбами Москву) и пр. Это создавало дополнительные трудности и, конечно, информация искажалась при переводе и ее письменной фиксации. Любопытна ситуация, когда письмо с Кубани «*чол тюремного двора неволник турченин Алейка, а на русской язык переводил калмыцкой толмач Парфенко Мерген*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 17]; либо «*вышеписанные слова переводил с татарского на русской язык Николаева полку Васильева казак Максим Иванов*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 13].

На страницах приказной документации, в том числе зафиксировавшей *нерусскую* речь, сталкиваемся с употреблением такого «книжного» слова как «ахреяне», полагаем, незнакомого кубанским ногай-

## Сень Д.В. Расспросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья

цам. В частности, речь о тексте, отразившем слова «кубанских татар» в 1699 г. «...ахреяны, кои пришед ис казачьих донских городков казаки, живут у них на Кубани» [РГАДА. Ф. 1032. Оп. 1. Д. 2. Л. 6]. Обратим внимание на то, что вряд ли татары применяли указанное слово в своей речи, более того, по-русски они не говорили. Напротив, роль обстановки и людей (писарей, дьяков, имена которых мы находим в текстах), влиявших на характеристики перевода, очевидна. Именно эти служащие, составлявшие тексты, влияли на распространение информации о казаках-ахреянах и других «богооступниках», негативных образов, рождавшихся и транслировавшихся в сознании современников. Поэтому неудивительно, что нурадын-султан, тоже не говоривший по-русски, вдруг «заговорил» об ахреянах на страницах русского письменного источника [К истории 1920: 284].

Эти же приказные люди (дьяки и подьячие) активно участвовали в фиксации и в распространении в привычном для себя культурном пространстве этнической, топонимической, социальной и иной терминологии («кубанцы», «горские черкесы», «едисанцы» и пр.: [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12–13; Д. 244. Л. 16–17], воспринимая (в том числе искажая) ее сквозь призму привычных лингвистических и классификационных систем. Поэтому неудивительно, что в переводе одного из писем кубанского султана Каплан-Гирея в Азов встречаем: «*Ныне мы послали к вам дворенина* (выделено мной. – Д. С.) *Байрам Бейшача*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6]. Один из внешних для информанта (казак-некрасовца) «языков описания» зафиксировал (от его же имени!) его рождение на «*Фанагорийском острове*» (!) [ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19], о чем наш неграмотный казак, я уверен, даже не подозревал. В ряде случаев соционимы передавались по звучанию близко к оригиналу: «мурза», «уздень» [РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1. Л. 793 об.; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 17], а в других – по смыслу и по значению: «аталык/дядька» [НИА СПбИИ РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 543. Л. 3]. К слову, в последнем случае носитель информации – казак З. Иванов, владел турецким и татарским языками.

Важно также фиксировать – владел ли бывший невольник, а о них тоже говорилось выше, каким-то из языков, кроме русского. Безусловно, находясь в плену, некоторые из них осваивали ногайский язык, что тоже необходимо учитывать при анализе расспросной документации. Вот только один, далеко неединичный, пример за 1696 г.: «*Да он же де, Петрушка, слышел от хозяина своево и от иных нагаицов* (выделено мной. – Д. С.), *что собрание в Крыму туркам и будут под Азов на весну все крымцы и турки, и нагаицы, и кубанцы*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 12].

Что касается расспросных речей, содержащих информацию о казаках Крымского ханства, то в нашем распоряжении их все больше. Ситуация выглядит все более оптимистичной и, полагаю, общими усилиями

эта база данных пополнится новыми источниками. Среди информантов российских чиновников и служащих числятся как сами казаки, подданные Гиреев, так и их русские современники и представители других этнических групп. Первые из таких документов, нам известных, относятся к началу 1690-х гг., последние – к началу 1790-х гг.

Особое место среди такой документации занимают так называемые «эго-документы», создание которых было бы, полагаю, невозможным в другой ситуации, нежели принудительного «вспрашивания», например, казака-некрасовца Андрея Мазанова [ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19–22]. Уникальными здесь, помимо прочих информационных пластов, являются данные в области семейной генеалогии. Важно, что в предварительной сводке источников такого рода «эго-документы» имеются за весь интересующий меня период и отражают устную речь как первых кубанских казаков (ахреян), так и некрасовских казаков. Среди рассказов первых кубанских казаков, отложившихся в составе расспросной документации, выделим сообщения Д. Башмака, М. Тарасенко, А. Федорова [РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 176, 121; Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 4], а среди историй казаков-некрасовцев и историй о них – Н. Гусека, А. Мазанова, А. Маляра [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 77. Л. 1; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258; РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 44–49 и др.].

Необходимо также сказать о том, что значение расспросной документации важно еще потому, что восточных источников об этих казаках, живших на неподконтрольных России территориях, выявлено пока недостаточно. Тем тщательнее должны отнестись исследователи к анализу обстоятельств, побудивших и даже заставивших казаков-«изменников» рассказать о своей жизни, точнее, ее *версию*, зафиксированную на бумаге с участием российского представителя. Одновременно с этим перед нами – некоторые представления представителя(-ей) конкретного казачьего сообщества о своем положении и жизни своей группы, о своей же жизни – на фоне ее коллективной истории. Анализ таких рассказов-текстов в качестве «языков самоописания» представляет отдельную и практически неизученную (в контексте истории казачества на территории Крымского ханства) научную проблему.

#### Источники

- Государственный архив Воронежской области (ГАВО).
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).
- Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН).
- Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ).
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

### **Литература**

*Аваков П.А.* Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Мат-лы Всеросс. (с международным участием) научно-практич. конф. (4–5 апреля 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. С. 12–18.

*Аваков П.А.* «...И живут во всяком непорядке». Документы РГА ВМФ о жизни казаков-некрасовцев в Крымском ханстве. 1711 г. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 26–34.

*Аваков П.А., Сень Д.В.* После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / Ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 153–168.

*Боук Б.М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. № 4. С. 30–38.

[*Вернадский Г.В.*] К истории колонизации Азовского побережья. Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701 гг.), хранящиеся в Историческом архиве Таврической губернской ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 57. Симферополь: Тип. Таврич. Губ. Земства, 1920. С. 249–296.

*Грибовський В.В.* Протоколи допитів утікачів з ногайського полону в російському Азові 1696 р. (За документами державного архіву Воронізької області) // Архіви України. 2014. № 1 (289). С. 121–141.

*Грибовський В.В.* Полон, втеча з полону та ідентичність наприкінці XVII ст. (за документами Державного архіву Воронізької області) // По той бік Дніпра: вплив контрверсійних образів «іншого українця» на формування ментальних кордонів: Науковий збірник / за загальною ред. М.О. Фролова. Запоріжжя: Інтер-М, 2015. С. 37–42.

*Колесов В.И.* Документы, идентификация, граница: земли Черноморского казачьего войска и этническая история закубанских армян // Армения и армяне в контексте мировой культуры. Мат-лы регион. науч. конф. (Краснодар, 25 апреля 2006 г.) / Отв. ред. А.А. Кочергин. Краснодар: [б. и], 2008. С. 73–88.

*Мильчев В.И., Сень Д.В.* Расспросные речи как источник по истории некрасовских казаков последней четверти XVIII в. (по материалам РГАДА) // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура. Сб. науч. статей / Отв. ред. акад. Г.Г. Машишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 244–260.

*Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 544 с.

*Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 280 с.

*Сень Д.В.* Источники по истории казачьего населения Дона и Северного Кавказа конца XVII – начала XVIII в.: проблемы поиска и интерпретации // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 2011. № 12 (74). С. 131–144.

*Сень Д.В.* Исследования по истории казачьих сообществ Северного Кавказа конца XVII в. – начала XVIII в.: достижения и проблемы архивной эвристики // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века: Мат-лы Всеросс. науч. конф. (Волгоград, 17–18 октября 2013 г.) / Отв. ред. И.О. Тюменцев. Волгоград: РАНХиГС, 2013. С. 176–184.

*Сень Д.В.* Документальные источники по истории казачьих сообществ Северного Кавказа (Крымского ханства) конца XVII в. – начала XVIII в.: результаты и перспективы архивной эвристики // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Мат-лы Всеросс. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.) / Отв. ред. Д.В. Сень, Д.П. Исаев, М.Е. Шалак. Ростов н/Д.: Foundation, 2015. С. 42–60.

*Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь: ТвГУ, 2000. Вып. 2. С. 63–67.

*Усенко О.Г.* Комплексная методология изучения судебно-следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (25–26 февраля 2005 г. Нижний Новгород): Нижний Новгород: НГПУ, 2005. Ч. 2. С. 18–25.

## **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА И КУБАНСКОЙ ОРДЫ В 1712–1715 ГГ.\***

*Тепкеев В.Т.<sup>1</sup>*

*<sup>1</sup> кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)*

*E-mail: [tvt75@mail.ru](mailto:tvt75@mail.ru)*

**Аннотация.** В статье рассматриваются взаимоотношения калмыков с кубанскими ногайцами в 1712–1715 гг. Особое внимание уделено набегу кубанцев на калмыцкие улусы под Астрахань в феврале 1715 г. На основе новых и известных архивных материалов автор восполняет пробелы в освещении этого события и приходит к выводу, что участие калмыков в русско-турецкой войне 1710–1713 гг. серьезно подорвало их отношения с Крымом и Кубанской ордой, так как создало условия для ответного карательного набега со стороны кубанских ногайцев. Таким образом, Российская и Османская империи для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали приграничные народы друг с другом, вовлекая их в свои военные конфликты, что в конечном итоге приводило к огромным потерям и разрушениям у народов, проживающих в этом регионе. Стороны конфликта довольно скоро нашли возможность ее урегулирования путем переговоров и заключения мирного соглашения.

**Ключевые слова:** ногайцы, калмыки, Калмыцкое ханство, Кубанская орда, Крымское ханство, Астрахань, Аюка.

**В** истории Калмыцкого ханства ногайский вопрос был одним из ключевых, особенно в отношениях с Крымом и Кубанской ордой. Известно, что в середине XVII в. часть ногайцев из Большой орды вошла в состав калмыцкого объединения. В дальнейшем они периодически мигрировали с Волги на Кубань и обратно, создавая напряженность в калмыцко-крымских отношениях. Кубанская орда являлась частью Крымского ханства и ближайшим соседом волжских калмыков. Поскольку основную массу ее населения составляли ногайцы (известные в исторической литературе как «кубанские татары» или «кубанцы»), то именно «ногайский вопрос» часто вставал камнем преткновения в кал-

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII века» (№ госрегистрации АААА-А16-116053010036-2).

мыцко-крымских отношениях. Так, в 1696 г. с Волги на Кубань бежала основная масса джембулукских и едисанских ногайцев, подданных калмыцкого хана Аюки. В 1711 г. в ходе Кубанского похода П.М. Апраксина, в котором приняла участие 20-тысячная калмыцкая конница под командой Чагдорджаба, калмыки вернули кибитки джембулуков и едисан обратно на Волгу.

Вопросы взаимоотношений калмыков с кубанскими ногайцами в начале XVIII в. привлекали внимание российских исследователей [Батмаев 1976; Бутков 1869; Новолетов 1884; Пальмов 1932; Пальмов 1992; Торопицын 2008]. Несмотря на достаточно хорошую изученность темы, в ней до сих пор остается ряд невыясненных вопросов, освещение которых и является главной целью данной работы. К их числу можно отнести поход кубанских ногайцев под Астрахань в 1715 г., в результате которого калмыки потерпели тяжелое поражение и потеряли большую часть ногайских кибиток, возвращенных с Кубани в 1711 г. В статье большое внимание уделено событиям, предшествующим этому набегу и свидетельствующим о его длительной подготовке.

После подписания Прутского мирного договора 1711 г. на Кубани не забыли о роли калмыков в походе П.М. Апраксина. Но все приготовления к ответному набегу на калмыцкие улусы кубанцам пришлось отложить по приказу турецкого султана и воле крымского хана. В 1712 г. кубанцы участвовали в набегах против России и выслали большой отряд Джан-Арсланбека в набег на русскую пограничную линию, возможно, с прицелом на последующее вторжение в калмыцкие улусы. Но Аюка ожидал подобного хода развития событий. Получив первые достоверные сведения о готовящемся нападении, он, собрав войска, выступил на встречу противнику. В 35 верстах выше устья реки Калаус Аюка разбил кубанцев. Джан-Арсланбек был убит до этого в одной из стычек с калмыцкими передовыми отрядами [Пальмов 1992: 17].

После удачной кубанской кампании 1711 г. российское правительство высоко оценило действия калмыцкой конницы и стало более активно привлекать ее на военную службу. 2 января 1712 г. главнокомандующий южной обсервационной армии фельдмаршал Б.П. Шереметев обратился к канцлеру Г.И. Головкину с проектом, согласно которому в его распоряжение должны были быть предоставлены 15–20 тыс. калмыков и 5 тыс. донских казаков. Объясняя их необходимость, он писал, что *«если татары, разделясь на разные пути в землю нашу пойдут, тогда регулярные никакой противности татарам учинить не смогут»* [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 16. Л. 1об.–2]. В условиях территориальных потерь южное направление нуждалось в серьезном укреплении протяженной границы, и на Аюку, несомненно, в Петербурге возлагали большие надежды, так как в ходе кубанской кампании калмыцкая конница продемонстрировала свой высокий потенциал. В царской грамоте от 2 фев-

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

раля 1712 г. Аюке указывалось отправить 15-тысячное войско под командование П.М. Апраксина, которому было поручено охранять южные границы в Азовской губернии. Также, следуя этому же указу, калмыки должны были отправить еще один контингент в армию фельдмаршала Б.П. Шереметева [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 7–7об.].

Отправка столь крупного калмыцкого войска на Украину в тех условиях была весьма затруднительной. По сведениям Аюки, на Кубани сосредоточилась крупная крымско-кубанская группировка, намеревающаяся атаковать улусы калмыков. Крымский хан и кубанский калга неоднократно присылали к Аюке своих посланцев «с великими грозами», требуя вернуть захваченный в ходе Кубанского похода 1711 г. ногайский полон. В противном случае они обещали открыть против калмыков военные действия, причем в этом их поддерживал и турецкий султан. В этих условиях, по мнению Аюки, отправка калмыцкого войска на Украину давала им хорошую возможность претворить свои угрозы в реальность. Единственное, что удержало крымцев и кубанцев от нападения на калмыков прошедшей зимой, это были полученные ими сведения о присылке от казанского губернатора П.М. Апраксина к Аюке нескольких полков для поддержки [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 3об.].

Аюка жаловался П.М. Апраксину на тяжелое положение калмыков. По его мнению, если бы с кубанцами они могли и самостоятельно справиться, то «*против всего Крыму нашей мочи не будет*». Калмыцкий хан надеялся на поддержку российских войск, в противном случае, как он считал, «*мы весьма пропадем*». Аюка был благодарен П.М. Апраксину за то, что тот приказал зимой отправить из Астрахани полк для поддержки калмыков. Н.П. Беклемишев заверил хана в дальнейшей поддержке казанского губернатора. Со своей стороны Аюка также выразил свою надежду на дальнейшее содействие: «*я на ево, великого государя, милость надежен, потом и на брата своего, Петра Матвеевича, дружбу имею надежду*» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 5об.–6].

Одновременно калмыцкие владельцы внимательно отслеживали информацию о ходе русско-турецких мирных переговоров. 5 декабря 1712 г. между Россией и Турцией был заключен Константинопольский мирный договор, который подтвердил основные положения Прутского мирного договора. 5 марта 1712 г. хан Аюка писал в Астрахань, будто он слышал, «*что Государь с турецким султаном помирился, и как он с крымцами и кубанцами находится не в миру, то просил дать знать*» [цит. по: Новолетов 1884: 11]. Аюка не просто так запрашивал точные сведения об окончании русско-турецкой войны. Следуя договору с Крымским ханством, в случае прекращения военных действий между Россией и Турцией хан собирался послать калмыцкое посольство в Крым для начала собственных мирных переговоров.

В государственной грамоте к Аюке от 28 марта 1712 г. прямо указывалось о заключении мира с Портой, поэтому запрещалось отправлять какие-либо войска против турецких подданных: «и никаких неприятельских ссор с подданными Порты Оттоманской не чинить» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 11–12]. В другой грамоте к калмыцкому хану от 12 мая Петр с благодарностью за службу отмечал: «Нам верный поданный Аюка хан, о службе вашей к нам мы известны, за что вас и благодарим. Показывай нам и впредь ваши верные службы, за что будете иметь нашу милость и награждение. Мы в надежде той пребываем к Вам, милостию склонный» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 15].

До конца 1712 г. в документах не отмечены какие-либо активные действия на русско-турецкой границе, в том числе и набеги кочевников. Но уже в январе 1713 г. начинают доходить новые слухи о подготовке кубанцев к нападению на калмыцкие кочевья. Аюка с тревогой начинает писать русским властям о том, что кубанское войско собирается «на калмыцкие улусы войною». Например, астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову он писал о необходимости держать в готовности вспомогательное русское войско, чтобы прислать его к калмыкам, когда оно окажется нужным. В феврале об этом же сообщал Чагдорджаб: «кубанские едисанцы поднялись войной» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 21; Пальмов 1932: 22].

Однако собравшаяся 12-тысячная кубанская конница во главе с Бахта-Гиреем в марте 1713 г. двинулась разорять деревни и слободы Воронежской губернии [Артамонов 1990: 138]. По сведениям калмыцкой стороны, только за одну весну кубанцы трижды совершили набеги под Саратов и Сызрань, разорили около 70 деревень и захватили русский полон [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 1об.].

17 марта 1713 г. к Аюке прибыл стольник Д.Е. Бахметев с государевым указом от 13 января, в котором от хана потребовали прислать крупное калмыцкое войско под Харьков к началу мая. Бахметев стал свидетелем приезда в калмыцкие улусы крымского посланника. В Крыму в это время также находились калмыцкие послы, отправленные еще в межвоенный период. Аюка пообещал информировать правительство о «крымских вестях». Сложное положение калмыков не давало Аюке уверенности рассчитывать только на свои силы. В случае нападения казахов, каракалпаков или кубанцев он рассчитывал на поддержку российских войск из близлежащих городов и яицких казаков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 3. Л. 8].

29 апреля в Москву прибыло посольство от Аюки, возглавляемое Ходжумом. Из ханского письма к государю стало известно, что его посол еще не прибыл из Крыма. Но ногаец, прибывший с Кубани, сообщил ему, что кубанское войско оказалось втянутым в междоусобное столкновение мирз на левом берегу Дона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 8. Л. 1–1об.].

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

Адрианопольский мир сроком на 25 лет, заключенный 13 июня 1713 г. положил конец войне России с Османской Портой и, соответственно, между их вассалами (по крайней мере, формально). На деле все обстояло несколько иначе. При заключении мира турецкая и российская стороны осознавали значимую роль калмыков в военных конфликтах между их государствами. Неудивительно, что девятый из одиннадцати пунктов мирного трактата был посвящен именно калмыцкой проблеме: *«Ежели народ Калмыцкой, показав неприязнь, учинит убытки и вред народу Крымскому, принадлежащему блистательной Порте, и також и народу Нагайскому и Черкасскому, принадлежащим Крыму; и между оными Калмыками не имеет обретатися ни кто из Россиян, ниже подданный Российской; равенственно и Крымцы, також и народы Татарские, под отговоркою Калмыцкою, не имеют чинить убытку ко вреду Россиян и землям их; а ежели учинятся какие вреды и убытки между обеими сторонами: надлежит наказывать и накрепко удерживать тех злых людей, и должно возвращать со обеих сторон вещи и скот похищенные...»* [ПСЗРИ-I 1830, т. V: 42]. С одной стороны, этот документ признавал определенную политическую независимость Калмыцкого ханства. С другой стороны, Россия имела право применить все доступные ей политические и военные средства, чтобы ограничить калмыцкие набеги на подданных Порты.

Кубанская орда, являвшаяся частью Крымского ханства, обладала определенной автономией. В 1713 г. хана Девлет-Гирея II сменил вновь назначенный Стамбулом Каплан-Гирей. В Бахчисарай с целью поздравить нового хана с восшествием на престол и провести с ним переговоры об установлении мирных отношений в связи с окончанием русско-турецкой войны прибыло калмыцкое посольство от Чагдорджаба. Крымский хан подтвердил калмыцким послам, что отныне *«они в миру»*. Однако хан не гарантировал калмыцкой стороне, что его ногайские подданные будут соблюдать этот договор [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 17]. Новый хан не желал портить отношения с кубанскими ногайцами, поскольку по приказу турецкого султана Ахмеда III для подчинения Кабарды он открыл военные действия против кабардинцев и нуждался в поддержке кубанцев.

Действительно, летом 1713 г. кубанский Бахта-Гирей начал подготовку к крупномасштабному походу на калмыков. В августе это известие достигло и Калмыцкого ханства. Чагдорджаб немедленно сообщил об этом русским властям, причем в своем письме привел вполне реальную цифру численности кубанского войска – 30 тысяч воинов [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, 45]. Это стало серьезным доводом для российского правительства, поэтому оно приняло решение не отправлять крупный воинский контингент калмыков под Харьков, оставив его на прежнем месте дислокации для охраны приграничных городов от возможного набега кубанцев [ПСЗРИ-I 1830, т. V: 49].

В августе того же года кубанцы собрали большое конное войско, по одним сведениям в 30 тыс., по другим – в 50 тыс. человек, и двинулись в поход на калмыков. Калмыки встречали отдельные отряды кубанцев в разных местах по нагорной стороне Волги: ниже Черного Яра, на урочище Сал и выше Енотаевского Яра. Чагдорджаб обратился к М.И. Чирикову с просьбой поставить крепкие караулы в урочищах Казыяр, Чимбирский и Енотаевский Яр. Вероятно, кубанцы рассчитывали напасть на калмыков врасплох, поэтому, когда они увидели, что те готовы к встрече, то остановились и с полдороги повернули назад [Пальмов 1932: 22]. Посол Аюки, Ходжум, спустя год после этих событий, сообщал о том, что на Волгу, ниже Царицына, приходила 20-тысячная кубанская конница, но калмыцкое войско во главе с ханом не позволило кубанцам перейти реку и вынудило их отступить [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 3].

31 августа вышел государев указ, в котором повелевалось в связи с заключением мирного трактата с Турцией калмыцкое войско на Украину не отправлять, а калмыкам Аюки запрещалось вступать в какие-либо конфликты с турецкими подданными. Данный указ привез к Аюке 1 октября саратовский комендант Никифор Беклемишев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 10. Л. 13]. Ставка хана в это время находилась на левом берегу Волги, в урочище Камыш-Самара. Со своей стороны Аюка попросил правительство и государя отправить к турецкому султану нарочного, чтобы тот отправил в Кубанскую орду указ об установлении мира, а уже с Кубани – подтверждение мирного договора для калмыцкой стороны. Аюка подчеркнул: *«а ежели того не будет, то де он, хан, сему не верит»*. По его стойкому мнению, кубанцы – *«люди непостоянные и безстрашные»*, и они в своем стремлении совершать набеги против калмыков не остановятся, несмотря на заключение русско-турецкого мира [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 17].

При содействии российских войск Чагдорджаб активно принялся за проведение оборонительных мероприятий. С этой целью он расставил крупные отряды в трех местах на нагорной стороне Волги: близ Черного Яра, урочища Сал и Енотаевского Яра. Бахта-Гирей, получив сведения о готовящемся отпоре и, по-видимому, не желая вступать в столкновение с объединенными войсками, принял решение о возвращении на Кубань. Дойдя до урочища Сал, кубанское войско, следуя приказу, повернуло назад. Лишь небольшие отряды кубанцев остались для грабежа сел под Царицыным и Саратовом [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 49].

После этого в калмыцко-кубанских отношениях воцарилось затишье. Однако в ноябре 1713 г. хан Аюка и Чагдорджаб вновь пишут в Астрахань о движущемся на них кубанском войске. 20 ноября Чагдорджаб получил известие, доставленное из Царицына дербетским тайшой Четерем: *«будто кубанское войско, седиши на кони, идут против калмыков»*. Они

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

просили срочно прислать пороха, свинца и русские отряды, в которых *«пушек было немалое число»*. Также выражалось пожелание, чтобы это войско возглавил полковник Зажарский и один из братьев Карейтовых – Михаил или Борис [Пальмов 1932: 22–23]. К этим командирам у калмыцких правителей было особое доверие, так как во время Астраханского восстания 1705–1706 гг. они нашли надежное прибежище у калмыков. Сборным пунктом военных сил Чагдорджаб назначил урочище Казыяр, ниже Черного Яра [Пальмов 1932: 23]. Но кубанцы из-за необычайно сильных морозов и слухов о большом русском войске, идущем на защиту калмыков, снова повернули обратно.

В начале января 1714 г. Чагдорджаб также из-за наступления холодов был вынужден отпустить русское войско обратно в Астрахань. Однако собственных сил оказалось достаточно, чтобы нанести по Кубанской орде превентивный удар. Чагдорджаб преследовал и другую цель: вернуть в калмыцкие улусы тех подвластных ему ногайцев, которые стали бежать на Кубань при появлении в степи кубанцев. Во главе отряда из 2 500 человек Чагдорджаб стал на заставе в степи у реки Кума, в трех днях пути от Кубани, *«чтоб впредь кубанцов под государевы города не допустить»*. Он отправил своего посланца в Москву с целью получить *«подлинную ведомость»* о состоянии русско-турецкого мира [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 1об.–2об.; Д. 7. Л. 5об.].

Не дождавшись ответа, в феврале калмыцкая конница выдвинулась в сторону Кубани, но, как 19 февраля письменно сообщал Чагдорджаб Чирикову: *«Пошли было в поход, и за грязью поворотились»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 29–29об.; Пальмов 1932: 23]. Опасаясь, что его отступление на Кубани посчитают бегством, Чагдорджаб отправил туда своего представителя с устным посланием, что мы *«не затем раздумали [идти], что нельзя их взять»*. Через ногайских представителей, явившихся к нему для переговоров, он передал кубанцам следующее: *«Напред сего приходили мы к ним с русскими людьми, и они видели нашу силу»*, поэтому *«буде хотят в миру быть, и они прислали б от себя нарочатого мурзу; а буде не хотят в миру быть, чтоб сказали нам подлинно»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 29–29об.; Пальмов 1932: 23]. Однако эти предложения мира вперемежку с угрозами не достигли результата. 23 февраля Чагдорджаб еще раз предупредил астраханские власти о необходимости держать свое войско в боевой готовности.

Грамотой от 19 марта 1714 г. государь известил Аюку, что турецкому султану было отправлено послание о набегах кубанцев, в котором просили отправить в Крым и на Кубань запретительные грамоты от имени султана [Батмаев 1976: 137].

Однако кубанские мирзы продолжили свои набеги, и в марте кубанцы добились успеха, захватив у калмыков 230 кибиток [Пальмов 1932: 23–24]. В письме к казанскому губернатору П.С. Салтыкову Аюка со-

общил о потере более ста кибиток. По сообщению его посланца Ходжума, кубанское войско насчитывало 3 тыс. человек. Кубанцам удалось захватить большое количество скота. Однако преследовать отступающего противника калмыки не могли, поскольку их лошади были сильно ослаблены в результате прошедшей снежной зимы и наступившей бескормицы. Аюка просил казанского губернатора сообщить турецкой стороне, что кубанцы продолжают совершать нападения на калмыков без ведома султана и крымского хана. Также калмыцкий хан просил содействия в возвращении захваченного кубанцами полона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 9. Л. 5–5об.]. Характерно, что Бахта-Гирей, стремясь избежать осложнений в отношениях с астраханскими властями, вернул им захваченный ранее русский полон. Аюка предложил обер-коменданту Чирикову принять на себя посредничество в переговорах с кубанцами о возвращении вместе с русским полонем и калмыцких ясырей [Пальмов 1932: 23–24].

После этого кубанцы не беспокоили калмыков до осени. Но для улусов угроза возникла уже с восточного направления, откуда летом начались набеги каракалпаков. В летний период кочевья калмыков располагались на луговой или левой стороне Волги. Как сообщал 5 июня в Астрахани посланец хана Аюки – Бахан-Кечил, в то время, как ожидали удара кубанцев с запада, каракалпаки произвели неожиданное нападение на калмыцкие кочевья и отбили несколько улусов. Однако калмыки вскоре оправались, бросились в погоню за каракалпаками и разбили их, выручив свои улусы [Пальмов 1932: 24].

Дальнейшее преследование неприятеля Аюка поручил подвластным ногайским джембулукам, но те отказались исполнить это поручение. По этому поводу 19 июня Аюка сообщал Чирикову: *«Велел я против каракалпаков татарам своим идти войною, и те татары, енбулуки, училились мне послушны [и] не пошли»*. Подозревая в этом что-то недоброе, хан просил обер-коменданта предотвратить возможный уход ногайцев на Кубань и поставить для этого на всех *«приточных местах»* крепкие караулы, *«чтоб их [ногайцев] с луговой стороны на нагорную сторону отнюдь никого не перепускать»*. Калмыцкий посланец Муцан был очевидцем переправы улуса ногайского мирзы Карамусала через реку Бузан у Красного Яра. По мнению Муцана, указанный ногайский мирза замыслил побег на Кубань, поэтому он просил *«того Карамусала мурзу и с улусными людьми поворотить по прежнему чрез Бузан и за Красный Яр в калмыцкие улусы»*. Чириков приказал капитану Терентию Семичеву с 40 драгунами предотвратить возможный уход ногайцев [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83–83об; Пальмов 1932: 24].

Столкновения калмыков с каракалпаками прекратились, но впереди их ожидало несравненно более тяжелое по последствиям нападение со стороны кубанцев. 17 августа Чириков получил от Аюки известие о том,

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

что, по слухам, на правом берегу Волги действуют небольшие разведывательные отряды кубанцев, время от времени совершающие нападения на русских и калмыков. Очевидно, что кубанцам нужна была информация о состоянии дел на Волге, поэтому Аюка посоветовал обер-коменданту расставить от Астрахани до Черного Яра усиленные караулы [Пальмов 1932: 25].

Следуя пунктам договора 1710 г., калмыцкое войско с наступлением осени 1714 г. выступило на правый берег Волги для защиты русской границы. Переход происходил в обстановке крайней нервозности, так как по калмыцким улусам упорно циркулировали слухи о готовящемся набеге кубанцев. 8 сентября Аюка писал в Астрахань обер-коменданту М.И. Чирикову: *«Кубанцы с нами подлинно не в миру. Поэтому изволь послать знатного своего человека в Казань, чтоб прислали ко мне коннова войска десять тысяч, а буде невозможно хотя б шесть или пять тысяч. А буде из Казани войско ко мне прислать невозможно, чтобы о том писали к Великому Государю в Москву и чтоб то войско прислали до льду»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124].

12 сентября Аюка и Чагдорджаб известили Чирикова о том, что 1 сентября с Кубани на калмыков выступило 30-тысячное войско. По мнению Н.Н. Пальмова, одновременность движения каракалпаков и кубанцев на калмыков дает почву для предположений о согласовании плана их действий, и это обстоятельство, по-видимому, особенно волновало Аюку и Чагдорджаба. Хан также извещал Чирикова, что он отправляет посла к царю с письмом, в котором, надо полагать, изображалось трудное положение калмыков, ввиду угрозы нападения на них с двух сторон, и излагалась просьба о подаче своевременной помощи калмыкам ратными людьми [Пальмов 1932: 25–26]. Чагдорджаб в своем письме в Астрахань с тревогой спрашивает Чирикова: *«вы нам дадите войско иль нет, и будете ль за нас стоять?»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 233].

Действительно, 9 октября в Москву прибыл посланец Аюки – Ходжум с письмом хана, в котором с тревогою сообщалось: *«кубанцы на наши юрты войною конечно поднимаютца»*. На этом основании Аюка просил прислать к нему 10-тысячное русское войско или 7–8 тысяч солдат. В крайнем случае, он соглашался и на 5-тысячную конницу, которую можно было держать в зимний период в Астрахани, при условии, что она будет подчиняться Аюке. В личной беседе Ходжум признался, что калмыцкий хан готов был принять любую военную помощь со стороны российского правительства, так как опасался повторить недавнюю судьбу терских ногайцев, подвергшихся нападению кубанцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 6, 6об., 8].

Однако Россия, занятая войной со Швецией, не могла выделить калмыкам столь большое количество войска. В государевой грамоте

от 17 ноября на указанный запрос Аюки был дан прямой ответ: *«за настоящим с турками мирным утверждением посылать к тебе, подданному нашему, войск наших не надлежит»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 1. Л. 17–18].

В конце сентября и октябре отмечаются передвижения калмыцких отрядов на правобережье Волги. Дмитриевский комендант Иван Немков встречался с дербетским владельцем Четером, который двигался *«наспех»* на заставу против кубанцев. 28 сентября 5-тысячное войско дербетов Четера и Солом-Дорджи выдвинулось на Кубань, несмотря на напоминание правительства о мире с турками. *«Доношение»* о движении калмыцкого войска на Кубань 31 декабря было заслушано в Сенате [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 2об.].

Результаты этого похода нам известны из войсковой отписки донского атамана Петра Емельянова. В конце октября в Черкасск прибыли посланцы Четера и сообщили, что на правобережье Кубани, у реки Кунгур, их войско разбило ногайский улус, убив 1 тыс. кубанцев, захватив 2 тыс. человек и 20 тыс. голов лошадей и скота. Среди пленников оказались 13-летний сын нурэддина, жена, две дочери и снохи Арсланбека-мирзы. Отступив к Волге, Четер оставил на заставе Солом-Дорджи с отрядом в 400 человек. Однако кубанцы, собрав 2 тыс. человек, напали на калмыцкую заставу и заставили калмыков отступить [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 14. Л. 20об.–21].

Чагдорджаб также весь ноябрь провел в разведывательном рейде на правобережье Волги. 10 ноября он просил астраханские власти прислать ему большое количество пороха и свинца для похода к границам Кубанской орды. Ханский наследник намеревался вступить в личные переговоры с Бахта-Гиреем и выяснить, каковы на самом деле намерения кубанцев по отношению к калмыкам: хотят ли они поддерживать мир или готовятся идти войной. Опасаясь, что подвластные ему едиганы и джембулуки могут присоединиться к единоверцам и уйти на Кубань, он письменно просил обер-коменданта не пропускать ногайцев на правый берег Волги [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 207]. Но встретиться Чагдорджабу с Бахта-Гиреем так и не пришлось, поскольку калга в срочном порядке выехал с Кубани в Бахчисарай, доказывая лояльность вернувшемуся на крымский престол дяде – Каплан-Гирею I [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 233].

По сообщению калмыцкого посла Болдан-Замсы в начале декабря, кубанцы якобы пожелали заключить с калмыками мир: *«и по своей вере в том божатца»*. Но калмыцкие владельцы скептически отнеслись к этой информации и посчитали, что это дезинформация, готовясь к худшему развитию событий. На границе неоднократно происходили случаи, когда доверившиеся кубанцам калмыки были убиты [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 17–18].

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

С возвращением в свои улусы Чагдорджаб получил вести о возвращении Бахта-Гирея из Крыма и возобновлении им подготовки к походу. 10 декабря ханский наследник сообщил Чирикову: *«С Кубани подлинныя ведомости, а прибежал ко мне калмык и татарин от крымского хана: приехал на Кубань салтан, и те, калмык и татарин, видели, что подлинно кубанцы поднимаются»*. Осознавая серьезность надвигающейся на калмыков опасности и понимая, что с кубанцами без поддержки русских войск справиться будет сложно, Чагдорджаб снова ставил перед астраханским властями все те же вопросы: *«И вы нам ныне дадите ль войска или нет? И будете ль за нас стоять?»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 233; Пальмов 1932: 26].

11 декабря Аюка письменно подтвердил астраханскому обер-коменданту сведения Чагдорджаба: *«Кубанское войско подлинно поднимается. А видели мои, которые взяты были в полон и ныне с Кубани ушли. И я с войском поднялся. Также и вы свое войско готовьте»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 221; Пальмов 1932: 26]. В другом письме калмыцкий хан просил Чирикова немедленно отправить к государю посланца с подробным письменным описанием этой опасности, нависшей над калмыками [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 235; Пальмов 1932: 26]. Как видно, Аюка ждал помощи от правительства и не терял надежды на присылку к калмыкам русского войска.

В Москве получили письмо Аюки, где сообщалось, что в ходе переговоров жертвой кубанских ногайцев оказался один из его подвластных ногайских мирз – «лучший человек». Очевидно, что из-за действий Четера калмыцко-кубанские переговоры зашли в тупик, а калмыцкий посланник, отправленный Аюкой на Кубань, был задержан. В ответ 10-тысячное кубанское войско подошло к Волге, но калмыки не позволили им перейти реку, и кубанцам ни с чем пришлось повернуть обратно. Более успешно кубанцы действовали на Тереке, где им удалось захватить ногайцев из владения Аюки, а также посланца Аюки с казной. В плен к кубанским ногайцам попал и посланец Чагдорджаба, который возвращался после переговоров с кабардинцами, но его впоследствии удалось выкупить [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 20–21].

С наступлением 1715 г. ситуация на калмыцко-кубанской границе продолжала оставаться напряженной. Так, 25 января Чагдорджаб сообщил астраханскому коменданту: *«В осень послан был от нас в Черкасской казачий городок посыльщик, и ныне к нам приехал, и сказал подлинныя вести, что кубанцы сели на кони и в нынешнем месяце будут к нам. Пороху и свинцу довольно пришли»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 14; Пальмов 1932: 26, 27].

На правом берегу Волги действовал разведывательный отряд калмыков, которому удалось захватить шестерых кубанцев и отогнать две тысячи лошадей. По всей видимости, разведке удалось раздобыть какую-

то информацию, и 30 января Чагдорджаб сообщил в Астрахань: «Сего месяца с пятого дня кубанцы на их, калмык, подымутся». На этом основании тайша просил прислать хотя бы «небольшое войско» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 29; Пальмов 1932: 27].

В начале февраля Чагдорджаб с войском уже стоял в урочище Коровья Лука, откуда снова просил коменданта М.И. Чирикова прислать к нему хотя бы небольшой отряд, который должен был сыграть роль тактической уловки: «А которое от вас прислано ко мне войско будет, и при них отпущу своего человека и кубанского татарина, – и те посыльщики скажут на Кубани, что при мне есть русское войско... И услыша, что ваше войско при мне есть, и, чаю, что неприятели и не будут, а хотя и будут, о том буду у бога милости просить». На кубанском направлении он расставил заставы в трех местах, одна из которых насчитывала полторы тысячи человек [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–21об.; Пальмов 1932: 27].

11 февраля Чагдорджаб в очередной раз сообщил Чирикову о приближении кубанцев: «Из Черкасского к нам пришло письмо – кубанцы поднялись тому де ныне шестнадцатой день. Пожалуй, пришли ко мне войска немедленно». Посланец Чагдорджаба словесно сообщил обер-коменданту, что на заставе, где стоит Дондук-Омбо, калмыки от проезжающих русских людей слышали известия о кубанцах, аналогичные полученным из Черкаска [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 26; Пальмов 1932: 27].

15 февраля Бахта-Гирей с большим войском внезапно атаковал калмыцкие улусы и ставку хана Аюки. Кубанцы разорили несколько оставшихся без защиты улусов. В спешном бегстве Аюка лишился кибитки с имуществом и спасся лишь под защитой русского отряда А. Бековича-Черкасского. Подробности этого набега мы находим в сведениях очевидцев, поступивших в Казанскую губернскую канцелярию в марте 1715 г. и отложившихся в материалах Российского государственного архива древних актов. Документы являются копиями с подлинных писем, которые были отправлены из Казани в Сенат за подписью казанского вице-губернатора Н.А. Кудрявцева. Некоторые из этих материалов в своей работе впервые ввел в научный оборот И.В. Торопицын [Торопицын 2008]. Особый интерес представляют донесение прапорщика Якова Долгова, письма подполковника Ивана Немкова и лейб-гвардии капитана А. Бековича-Черкасского – непосредственных очевидцев набега кубанцев на калмыцкие улусы.

В марте 1715 г. из Астрахани в Казань прибыл прапорщик Я. Долгов с письменными посланиями от подполковника И. Немкова и капитана А. Бековича-Черкасского к губернатору П.С. Салтыкову. Из устного сообщения Долгова известно, что он с подполковником Немковым 16 февраля, в начале первого часа дня, прибыл в ставку хана Аюки, располагавшуюся на Болдинском острове, в 6 верстах к востоку от Астрахани.

**Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства  
и Кубанской орды в 1712–1715 гг.**

С ханом в это время был только кабардинский князь Алди-Гирей, незадолго до этого прибывший к нему из ссылки, и 30 калмыков. Очевидно, что калмыцкий хан не ожидал в этот момент кубанского наступления, поскольку его ставка состояла только из двух кибиток, а охрана практически отсутствовала: *«а караулу никакова у него, Аюки, на том острове не было»*. Основная часть калмыцкого войска с Чагдорджабом находилась на другом острове за рекой Малая Болда, вокруг Корабельной пристани, где стоял полк А. Бековича-Черкасского [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 2].

По сообщению Долгова, в день их приезда, в четвертом часу дня, на Аюку совершило внезапное нападение 30-тысячное кубанское войско, в которое входили и казаки-некрасовцы. Кубанцы перешли Волгу в двух верстах от Астрахани и стали лагерем в степи напротив Болдинского острова. А. Бекович-Черкасский немедленно отправил к Аюке гонца с сообщением, чтобы тот *«ехал скоро до ево полков и к сыну своему Чагдорджабу»*. Хан приказал своим людям немедленно собрать его кибитку и двигаться вслед за ним. Не успел Аюка вместе с подполковником И. Немковым и еще одним *«ханским человеком»* отъехать от остальной группы калмыков на 20 сажень, как сотня кубанцев, заметив их, в ту же минуту бросились за ними в погоню. Ситуация была настолько критической, что, по мнению князя А. Бековича-Черкасского, если бы Аюка *«часа не убрался, то бы и сам у них в руках был»*. Некоторые из кубанцев бросились на ханскую ставку и *«взяли кибитку его со всеми пожитки, при том взяли печать ево ханскую»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 4об.; Торопицын 2008: 73].

Отряд калмыков от Корабельной крепости выступил навстречу этой сотне, и в завязавшейся вооруженной схватке они *«закололи кубанцов копьями 50 человек»*, потеряв 13 человек [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 2об.]. А. Бекович-Черкасский сообщил, что в этой стычке калмыками был убит знатный кубанский мирза, а *«мы принуждены были стеречь своих и калмык, мало что в дело не вступили»*. Как писал И. Немков, *«больше того калмыцкого бою с кубанцами не было»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 4об.]. Таким образом, вовремя поступившее предупреждение А. Бековича-Черкасского и вооруженное прикрытие помогли Аюке избежать гибели или плена. По мнению князя, калмыцкий хан *«в крепости Болдинской спасся русскими людьми»* [Цит. по: Торопицын 2008: 74].

Из донесения Долгова известно, что Чагдорджаб с *«немногими людьми»* на момент вторжения кубанцев находился в Астрахани у обер-коменданта М. Чирикова: *«а зачем, того не ведает»*. И только после набега он присоединился к своему войску у Корабельной крепости [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 2об.–3]. По мнению А. Бековича-Черкасского, *«такое несчастье»* калмыки потерпели потому, *«что они все*

*в розности были, и неосторожно ведали, что кубанцы на них идут, а не умели собратца заранее»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5]. Таким образом, калмыцкое войско, по крайней мере, в начале кубанского вторжения было рассредоточено и находилось без своего командующего, что, возможно, и объясняет некую растерянность и дезорганизацию калмыков в первые часы набега.

Также имело значение и превосходство в численности кубанского войска, во главе которого стояли Бахта-Гирей и четверо султанов. Для того времени оно представляло весьма внушительную силу, и впоследствии пленные кубанцы говорили: *«будто не осталось на Кубани ни одного человека»*. Именно это и позволило кубанцам держаться вполне уверенно под Астраханью, и, как сообщал Долгов, они стояли три дня и только на четвертый день отошли за Волгу, захватив без боя 10 тыс. кибиток джембулуков и едисан, которые кочевали между р. Кутум и Красным Яром. По мнению подполковника Немкова, Бахта-Гирей, по всей видимости, имел с ними какой-то тайный сговор: *«знатно шли прямо на них с ними по согласию»*. Добровольно с ними ушли и 500 юртовских татар во главе с мирзой Тинбаевым, который изменил российским властям и бежал на Кубань. По рыболовным учугам кубанцами были захвачены еще около 2 тыс. юртовских татар и *«торублены»* множество русских людей. Бахта-Гирей вполне уверенно чувствовал себя под Астраханью, о чем говорит следующий факт: кубанцы вместе с присоединившимися ногайцами собрались возле Ивановского монастыря, переночевали и только затем пошли вниз к учугам, взяв с собой в проводники двух юртовских татар [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 3; Горопицын 2008: 75].

Спустя двадцать лет после этих событий вице-канцлер А.И. Остерман в письме к турецкому визирю напоминал, что кубанцы в 1715 г. нанесли российским подданным огромный ущерб и *«увели с собой из-под Астрахани 1 220 кибиток ясаиных татар, 1 000 кибиток юртовских татар во главе с Эльмурзой и Мамбет-Мурзой Тимбаевыми, а также 10 300 кибиток едисанцев и джембуйлуковцев»* [Бутков 1869: 366].

Что касается калмыцких потерь, то пленные кубанцы сообщали, что от основных сил Бахта-Гирей отделил под Красным Яром 5 тыс. ногайцев, которые убили и взяли в плен около 2 тыс. калмыков. Затем они двинулись вдоль моря к Гурьеву городку, в устье Яика [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 3–3об.]. Аюка сообщил подполковнику Немкову примерно такую же оценку потерь калмыков: 1–2 тысячи человек. Также он сообщил, что очень много калмыков кочевало около моря, и, по его мнению, кубанцы, двигавшиеся к Гурьеву, многих побили и на этом направлении. Большинство калмыцких владельцев спасли свои улусы только благодаря тому, что вовремя сумели предпринять меры по их защите: *«во всю кубанскую бытность ни один [калмыцкий] владелец с людьми своими с места не уступил, токмо огородили себя кошмами*

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

*и поклались верблюдами, покамест кубанцы были тут, и просидели»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5–7]. Позже в Казани о потерях калмыков под Красным Яром общей численностью в 2 тыс. человек общал и астраханский дворянин Иван Воронин [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 12].

По данным подполковника Немкова, только на шестой день калмыцкое командование перешло к активным действиям. Чагдорджаб направил 10-тысячную конницу во главе с сыном Досангом против кубанцев, направленных к Гурьеву. Однако калмыки так и не решились вступить с ними в бой: *«только на них посмотрели и воротились на побег»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5–7]. Подобное робкое поведение калмыков во время набега кубанцев отмечал и князь А. Бекович-Черкасский: *«в великом страхе были, покамест кубанцы не отошли, однако в надеянии были на государевых людей, которые с нами»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5; Торопицын 2008: 75].

Сведения о том, что калмыцкий хан требовал от А. Бековича-Черкасского открыть огонь по кубанскому войску и получил отказ, как это было принято считать в отечественной историографии, в документах не встречаются. Подполковник Немков особо подчеркнул роль командира Хивинской экспедиции, который защитил не только калмыков под Астраханью, но и татарские юрты: *«Князь Александр Бекович своим охранением стоя сам за юртами на карауле сутки, а не уступя от строю был четверы сутки, не имея себе малого покоя, и хан и калмыки спасение получили им же...»* [Цит. по: Торопицын 2008: 75].

Таким образом, приведенные документы показывают, что наступление кубанцев, готовившееся с 1712 г., не было таким уж неожиданным. Аюка и Чагдорджаб заблаговременно писали о кубанской опасности не только в Астрахань, но и в Москву. Чагдорджаб всячески старался предотвратить поход кубанцев и присутствие русского войска при калмыках считал верным средством, чтобы остановить кубанцев. Однако астраханские власти оставили просьбу калмыков о военной помощи без удовлетворения, и Чагдорджабу из Астрахани не послали даже небольшого отряда [Пальмов 1992: 24–25].

По мнению И.В. Торопицына, нападение на хана Аюку следует отнести к элементу случайности, а не к запланированному акту. Поскольку калмыцкий хан появился на Болдинском острове всего за два дня до нападения кубанцев, приехав от Красноярской крепости, и, учитывая большое расстояние от Кубани до Волги, которое следовало пройти 30-тысячному войску, то очевидно, что Бахты-Гирей никак не смог бы рассчитать с такой точностью направление удара по ставке калмыцкого хана [Торопицын 2008: 73].

Однако с вышеприведенным мнением трудно согласиться. Бахта-Гирей на момент вторжения имел полные и достоверные сведения о рас-

становке сил в калмыцких кочевьях. Удар кубанцев произошел именно в тот момент, когда Чагдорджаб находился по делам в Астрахани, а Аюка с малочисленной охраной был на Болдинском острове. Таким образом, калмыцкое войско в момент нападения было без главного командира и не предприняло каких-либо ответных действий в первые часы кубанского вторжения. Также Бахта-Гирей правильно предположил, что калмыкам не окажут военной помощи в отражении неприятеля, поскольку астраханский гарнизон был малочисленным, а войско А. Бековича-Черкасского не посмеет нарушить русско-турецкий мир. Наличие такой подробной информации и позволило Бахта-Гирею успешно произвести нападение на калмыков. Всем этим разведанным он был обязан юртовским татарам, которые были крепко связаны родственными, религиозными и торговыми связями с кубанскими ногайцами, являясь надежным источником информации о делах в калмыцких кочевьях.

Последние события вынудили Аюку срочно отправить своего посланца Чихир-кашку в Казань и столицу. 21 марта он прибыл в Казань и передал губернатору П.С. Салтыкову письмо Аюки с описанием кубанского вторжения и просьбой оказать военную помощь [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 8]. 23 апреля калмыцкий посол прибыл в Петербург, куда также привез несколько писем хана. В одном из них Аюка просил расширить полномочия астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова и назначить его исполнять «Калмыцкие дела» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 2–3]. Как видно, между Аюкой и Чириковым сложились вполне доверительные отношения. Именно обер-комендант первым оказал поддержку хану, выделив ему личную охрану, состоящую из роты солдат с офицером астраханского гарнизона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 11–11об.].

Особый интерес вызывает письмо Аюки, адресованное казанскому вице-губернатору Нефеду Кудрявцеву, с которым, по всей видимости, у него также были доверительные отношения. Приведем лишь основную часть его послания: *«По указу Великого Государя и ради многих русских людей хочу з башкирами супротивитца. И с Крымом, и с Кубаном, и з донскими казаками я не в миру. А в прежних годах я и с Астраханью был не в миру ж. И с каракалпаками и с Казачьею ордою я не в миру ж. И я теперь со всеми не в миру. Мне кажется и я с вами не в миру. Со все стороны боюсь и покою мне промеж Волги и Яика не будет. Авось неведома откуды супостат с войском будет. А мне друзей со всей стороны нет. И мои и посторонние мне супостаты. Для того государю послал я посланника. Буде впредь войска не пожалует, и я дамся в мысль великую»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 3–3об.].

Текст русского перевода письма Аюки отчетливо показывает сложность внешнеполитической ситуации, в которой оказался калмыцкий хан, и насколько важна была для него военная поддержка России. Участие

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

калмыков в русско-турецких войнах и подавлении антиправительственных восстаний на юге страны еще более увеличило количество недругов Аюки. Проблемы с соседями калмыки часто решали самостоятельно, и не всегда они достигали положительного результата. Понятно, что в данном письме калмыцкий хан прибег к шантажу правительства, обещая удариться в «мысль великую». Под этой формулировкой Аюка мог подразумевать все, что угодно: от союза со вчерашними противниками России до ухода калмыков из российских пределов. По мнению Н.Н. Пальмова, просьбу о военной помощи нельзя было оставить без удовлетворения – это означало бы оскорбить калмыков и толкнуть их на какой-нибудь нежелательный шаг. Правительству было известно, что калмыки давно уже поговаривали об уходе с Волги на восток [Пальмов 1932: 33].

Указанное письмо все-таки достигло своей цели, и 5 мая Петр I лично заслушал его в Адмиралтействе. Он распорядился отправить Аюке указ, в котором ему предписывалось и далее продолжать кочевать возле Волги. Для охраны калмыцкого хана было указано стольнику Дмитрию Бахметеву со служилыми людьми в количестве 600 человек круглогодично находиться при Аюке. 300 воинов должны были набираться из регулярных полков Астрахани и Казани, и 300 воинов – из нерегулярных полков (яицких и гребенских казаков). В случае нападения неприятеля на калмыцкие улусы приказывалось немедленно оказывать военную помощь из ближайших городов и военных укреплений Казанской губернии. При этом государь дал указание отправить турецкому султану письмо с требованием возврата калмыцких пленных с Кубани. Аюке также было указано не вступать ни в какие конфликты с турецкими подданными и «под жестоким страхом» удерживать своих людей от набегов на владения султана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 4–6].

Кандидатура стольника Д.Е. Бахметева на этой должности была не случайной. Он являлся одним из немногих российских должностных лиц, пользовавшихся доверием Аюки. Именно калмыцкий хан через своего посланца Чихир-кашку всячески лоббировал в Москве и Казани кандидатуру Бахметева на должность саратовского обер-коменданта. Однако в его обязанности входила не только военная защита калмыцкого хана. В четвертом пункте инструкции от 24 мая 1715 г. ему прямо предписывалось: «*Подавать ему, господину Бахметеву, хану Аюке о всяких делах советы свои и приводить к всякой верности. И калмыкам владения своего приказывал, дабы они с кубанцы и с крымцы и с сынами турецкими подданными никаких задоров и досад не чинили и никакой причины к себе не подавали. И ежели, когда б они похотели то делать для отыскания своих обид, от того их удерживать*» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 14об.–15].

Кроме того, Бахметев должен был вести тайную деятельность по недопущению внешних контактов калмыков с турецкими подданными. В пя-

том пункте инструкции об этом сказано следующее: *«ни в ссоры, ни в мирные договоры ни с кем не вступать и посылки тайных ни письменных пересылок с турки не имели; и о том проведывать и держать сие тайно и никому не объявлять»* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 15].

Зимний поход Бахты-Гирея в Нижнее Поволжье и на Яик продемонстрировал серьезную уязвимость южных российских границ. 18 мая кубанские ногайцы повторили набег на окрестности Астрахани, но на этот раз их было значительно меньше – всего 350 человек. Возглавлял их кубанский Мусал-мирза, и пришел он к Волге *«для взятия остальных едисанов и ембулуков»*. Но астраханские власти *«по многим переговорам»* сумели убедить Мусала отказаться от этой затеи и вернуться со своими людьми на Кубань [Торопицын 2008: 75]. По сведениям обер-коменданта М.И. Чирикова ногайцы якобы заключили перемирие с калмыками, но им запретили торговать и отказались выдать оставшихся джембулуков и едисан [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 20–20об.].

Русское правительство стало прилагать все усилия по налаживанию мирных отношений калмыков с Кубанской ордой. Постоянные столкновения кубанцев и калмыков были нарушением мирного договора с Османской Портой, а Россия, участвовавшая в Северной войне, не могла позволить себе обострения отношений со Стамбулом, особенно после тяжелых условий Прутского мира. Именно это и стало причиной отправки в Стамбул майора И. Натали. Он должен был передать новому турецкому визирю Дамад-Али-паше царскую грамоту с требованием выплатить ущерб от последних набегов кубанцев и дать им указ, чтобы впредь такие набеги не совершались. Все эти задачи были изложены в специальной инструкции канцлера Г.И. Головкина [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 6. Л. 16–18об].

Астраханский обер-коменданта М.И. Чириков, капитан А. Бекович-Черкасский и хан Аюка направили на Кубань владельцев Ямана и Норбо с дворянином К. Ворониным. Последний выступил главным посредником и руководил переговорами враждующих сторон. Воронин несколько раз ездил к Бахты-Гирею и добился заключения мирного договора: *«мирное постановление учинили и Коран меж себя целовали в том, чтоб оному Бахты-Гирею Салтану от них калмык отъехав и впредь войны не чинить, а ясырей выкупать меж собою по тридцати рублей за человека»* [Цит. по: Пальмов 1932: 34].

Таким образом, договор хотя и был подтвержден обеими сторонами, но при сильном давлении российского правительства, которое фактически навязало калмыкам мирное решение конфликта. По мнению И.В. Торопицына, данный договор, скорее всего, носил локальный характер и касался только взаимоотношений между Бахта-Гиреем, ханом Аюкой и астраханскими властями и не распространялся на другие территории России [Торопицын 2008: 77]. Как считал Н.Н. Пальмов,

## Тепкеев В.Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг.

этот договор мало устраивал калмыков, так как кубанцы не вернули джембулуков и едисанов. Калмыки не готовы были смириться с их потерей, поэтому всегда оставался повод к новому столкновению между двумя кочевыми народами. Правительство, в свою очередь, понимало, что калмыки не откажутся от мысли возвратить ногайцев, но совсем не было склонно помогать калмыкам в данном случае. Напротив, предостерегая их от ссор с кубанцами, оно как бы подчеркивало, к обиде калмыков, их слабость и запугивало еще большими потерями в случае войны с кубанцами [Пальмов 1932: 34].

В урегулировании отношений калмыков с кубанскими ногайцами был заинтересован и крымский хан Каплан-Гирей, который отправил свое посольство к Аюке с одной целью: *«чтоб калмыцкой хан содержал с крымским ханом многую любовь и братство, и для таковой бы их любви, чтоб калмыки и с кубанцами мир содержали»*. Примерно в конце мая двое крымских послов прибыли к Аюке и одного из них хан оставил у себя, а другого со своим человеком отправил в Крым. По этому случаю состоялся съезд всех калмыцких владельцев: *«и в тех разговорах и содержании мира было помешательство от одного Четеря владельца»*. Аюка, Чагдорджаб и другие владельцы были готовы к заключению мира с кубанцами, и они уговорили Четеря, *«чтоб обще учинить мир с ханом крымским и с кубанцы»*. Отправив своего представителя с одним из крымских послов в Крым, Аюка дал ему всего 35 дней на то, чтобы тот вернулся с *«подлинным известием от крымского хана о мире»*. Каплан-Гирей пообещал, что будет соблюдать нейтралитет в случае, если кубанцы вновь пойдут войной на калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 27об.–28об.].

Таким образом, мы видим, что на Аюку, как главного военного союзника в южном регионе, российское правительство возлагало большие надежды, поскольку в ходе Кубанской кампании калмыцкая конница в полной мере продемонстрировала свой военный потенциал. Однако из-за участия в русско-турецкой войне калмыки оказались перед новой угрозой, так как ответный карательный набег со стороны кубанцев стал лишь вопросом времени. И он произошел в 1715 г. с тяжелыми для калмыков последствиями. Таким образом, Российская и Османская империи для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали приграничные народы друг с другом, вовлекая их в свои военные конфликты, что в конечном итоге приводило к огромным потерям и разрушениям у народов, проживающих в этом регионе. В калмыцко-крымских отношениях неурегулированным остался вопрос ногайцев – бывших подданных калмыцкого хана, сбежавших к единоверцам. Эта проблема в последующем решалась силовыми действиями, путем самостоятельных набегов или участия в военных кампаниях своих сюзеренов.

**Источники:**

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Полное собрание законов Российской империи. [Собрание I]. Т. V. 1713–1719. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. 781 с. (ПСЗРИ-I).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

**Литература:**

*Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М.: Наука, 1990. 205 с.

*Батмаев М.М.* Политическое и экономическое положение Калмыцкого ханства в составе России в конце XVII – начале XVIII веков. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976. 205 с.

*Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. XXVI+548 с.

*Новолетов М.Г.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.

*Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.

*Пальмов Н.Н.* Этюды по истории волжских калмыков. Ч. III–IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калм. обл. исполн. ком-т, 1932. 391 с.

*Торопицын И.В.* Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // Козацька Спадщина. Вып. 4. Днепропетровск: Пороги, 2008. С. 72–78.

## УЧАСТИЕ НИЖНЕВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ В СОБЫТИЯХ КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКОГО ВОССТАНИЯ ПУГАЧЕВА 1773–1775 гг.\*

Белоусов С.С.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник отдела истории, археологии,  
этнографии Калмыцкого научного центра Российской академии наук  
(г. Элиста).

старший научный сотрудник отдела научно-исследовательских  
работ и прикладных исследований Южного научного центра  
Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: [sbelousovelista@mail.ru](mailto:sbelousovelista@mail.ru)

**Аннотация.** В статье рассматривается роль калмыков Нижнего Поволжья в восстании Е.И. Пугачева. На основе различных источников реконструирована хронология участия калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания, рассмотрены причины и мотивы, приведшие их в лагерь противоборствующих сторон, проанализирована политика властей по отношению к калмыкам в период военных действий на территории Астраханской губернии. Автор пришел к выводу, что в период военных действий отрядов Пугачева в Астраханской губернии калмыцкий фактор играл большую роль, как для властей, так и для повстанцев, которые стремились привлечь калмыков на свою сторону. Вождь восставших не имел продуманного плана привлечения калмыцкого населения в ряды своих войск, хотя и придавал этому большое значение. У калмыков не было объективных причин участвовать в событиях на какой-либо стороне, и вовлеченность их в восстание или занятие нейтральной позиции в условиях отсутствия у них единого национального центра власти определялись позицией их знати.

**Ключевые слова:** восстание Е.И. Пугачева, нижеволжские калмыки, Астраханская губерния, А.Ф. Дондуков, Ценден-Доржи, дербеты, волжские казаки.

Пугачевское восстание, охватившее огромную территорию от Урала до Волги, вовлекло в свою орбиту и проживавшие там нерусские народы. Наиболее активное участие в нем приняли башкиры и проживавшие в крепости Ставрополе-на-Волге и в его окрестностях крещеные

\* Статья выполнена в рамках проекта РНФ 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

калмыки-казаки. По истории Пугачевского бунта опубликованы ряд монографий и большое количество статей, позволяющие в целом восстановить панораму тех далеких событий [Дубровин 1884, т. 1–3; Грот 1875; Андрущенко 1969; Мавродин 1961; Крестьянская война 1966; 1970; Овчинников 1980; Александер 2012 и др.]. Вместе с тем в отечественной историографии «Пугачевского бунта» остаются недостаточно исследованными вопросы участия в нем отдельных региональных этнических групп. К числу таких групп можно отнести нижеволжских калмыков (наиболее многочисленной группы калмыцкого народа в России), принявших участие в пугачевском восстании на завершающем этапе. Целью данной статьи является попытка осветить участие калмыков Астраханской губернии в казацко-крестьянском восстании, как на стороне Пугачева, так и на стороне правительственных войск.

Накануне вторжения войск Пугачева в пределы Астраханской губернии политическая ситуация в кочевьях нижеволжских калмыков была относительно спокойной и контролируемой со стороны астраханской администрации, хотя незадолго до этого в связи с откочевкой в 1771 г. большинства калмыков в Джунгарию ей пришлось приложить большие усилия по ее стабилизации.

После перенесения в 1774 г. боевых действий на территорию Поволжья политическая обстановка в калмыцких улусах вновь начала осложняться. Приход Пугачева в Нижнее Поволжье носил вынужденный характер, вызванный поражением повстанцев под Казанью и неудачной попыткой похода на Москву. Направляясь через Нижнее Поволжье на Дон, Пугачев рассчитывал там отдохнуть, пополнить свои поредевшие отряды новыми людьми, чтобы затем продолжить борьбу с правительственными войсками.

7 августа 1774 г. в результате перехода гарнизона на сторону пугачевских войск почти без сопротивления был занят самый северный укрепленный пункт Астраханской губернии – Саратов. Быстрое и легкое взятие Саратова пугачевцами всерьез обеспокоило губернские власти, так как после него вплоть до Астрахани не имелось ни одной сильной крепости, кроме Царицына, равно как и крупных частей регулярных войск, способных надежно прикрыть край. Здесь на тот момент наиболее значимой военной силой были волжские казаки и калмыки, но рассчитывать на их помощь не приходилось. Волжские казаки были крайне недовольны тяжестью своей службы, многие из них намеревались примкнуть к Пугачеву. Неизвестно было, как поведут себя астраханские калмыки при непосредственном соприкосновении с пугачевскими отрядами, в которых служило много ставропольских калмыков. Не доверяя в полной мере нижеволжским калмыкам, астраханская администрация в то же время испытывала острую нужду в воинских силах и поэтому было вынуждена привлечь их к защите края. Еще до вторжения Пугаче-

## Белоусов С.С. Участие нижеволжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773–1775 гг.

ва в пределы края, 23 ноября 1773 г. Астраханская губернская канцелярия издала указ «О привлечении дербетовых калмыков на защиту губернии от Пугачева», предписывавший правителю дербетов Ценден-Доржи выделить 2 000 хорошо вооруженных людей и держать их наготове на случай возможных боевых действий [Беликов 1971: 139]. В мае 1774 г. распоряжение подготовить 3 000 человек получил и торгутский нойон полковник А.Ф. Дондуков [Беликов 1971: 141].

Получив известия о появлении повстанцев в Нижнем Поволжье, астраханский губернатор П.Н. Кречетников направил трехтысячный отряд Дондукова в Царицын, в распоряжение его коменданта И. Цыплетева. Там отряд был усилен артиллерийской командой из 7 орудий на колесных лафетах и получил приказ немедленно выступить на помощь гарнизону города Дмитриевска (Камышина). Перед ним также была поставлена задача отслеживать все передвижения противника и пресекать его попытки обхода правительственных войск с целью прорыва на Дон. Для усиления дондуковского отряда Кречетников запросил у донского начальства казаков и попросил генерал-майора И.В. Багратиона, идущего с отрядом на подкрепление войск Астраханской губернии, ускорить движение.

12 августа Дондуков двинулся в путь, но прежде он отправил ко всем владельцам улусов нарочных с требованием поспешить к нему со своими отрядами [Дубровин 1884, т. 3: 227]. Во время отдыха в расположенной на полпути к Дмитриевску слободе Дубовке к нему присоединились полковник Ф. Кутейников с 350 донскими казаками и правитель дербетских улусов Ценден-Доржи с 3 000 калмыков. Находясь в Дубовке, Дондуков и Кутейников узнали о взятии пугачевцами Дмитриевска и, обсудив оперативную обстановку, решили занять лежавшую к северу от Дубовки и занимавшую удобное географическое положение станицу Балыклейскую [Беликов 1971: 142].

15 августа высланная вперед разведка донесла, что с севера к станице приближаются войска Пугачева. Дондуков попытался опередить противника и направил в нее отряд под командованием поручика Климова. Однако жители станицы Балыклейской встретили правительственные войска предупредительным пушечным огнем и перешли на сторону Пугачева. Не сумев войти в станицу, донские казаки климовского отряда вступили в переговоры со своими земляками из повстанческого лагеря и попросили у них манифест. Пугачев незамедлительно откликнулся на просьбу донцов и повелел составить от своего имени манифест, который сразу же был отправлен с двумя калмыками-пугачевцами к Дондукову [Емельян Пугачев 1997: 209]. Этот эпизод дал Дондукову основание заподозрить донцов в измене и запросить у царицынского коменданта дополнительные воинские подкрепления. Однако тот ничем не мог помочь.

Без поддержки артиллерии, оставшей во время перехода, Дондуков не решился штурмовать раскинувшуюся на возвышенности и окру-

женную топами станицу. Он отступил к речке Пролейке и, перейдя ее, остановился на дороге, перекрыв этим маневром возможность движения по ней пугачевского войска. Впоследствии, на допросе 14 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Е.И. Пугачев показал, что первоначально в его планы не входило ввязываться в сражение с правительственными войсками. Он хотел обойти их другой дорогой и двинуться в направлении Царицына, однако оказался перехвачен Дондуковым и вынужден был вступить в бой [Восстание 1935: 174].

Далее события, судя по официальным документам, развивались следующим образом: Дондуков, расположив в центре артиллерию, на правом фланге – калмыков, на левом – донских казаков, утром 16 августа нанес левым флангом мощный удар по противнику, от которого мятежники пришли в замешательство и начали отступать под защиту своих орудий [Дон и Нижнее Поволжье 1961: 89]. Правительственные войска попытались развить успех, но этого им не удалось сделать из-за действий калмыков, которые покинули поле боя после открытия противником артиллерийского огня. На допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. Е.И. Пугачев свидетельствовал, что причиной внезапного бегства калмыков, а затем и других отрядов стало удачное попадание одного из снарядов в пороховой ящик правительственных войск, вызвавшее мощный взрыв и, как следствие, панику в рядах калмыков [Емельян Пугачев 1997: 209]. Воспользовавшись этим обстоятельством, пугачевцы ворвались на правый фланг и начали окружать казаков. Те, опасаясь быть отрезанными, ударились в бегство, бросив на произвол судьбы пушки с прислугой. Лишившись прикрытия с флангов, артиллерийская команда не смогла оказать серьезного сопротивления и была частично уничтожена, частично взята в плен вместе с орудиями [Дон и Нижнее Поволжье 1961: 97].

После поражения на Пролейке Дондуков с оставшимися казаками и 50 калмыками отошел на 40 верст от места сражения к речке Царицынская Пичуга и там заночевал. Продолжать сопротивление с воодушевленными победой пугачевцами столь малыми силами и без артиллерии не имело смысла, поэтому Дондуков принял решение возвратиться в Царицын, разрешив донским казакам вернуться на Дон, а волжским – в уже занятую противником Дубовку, как говорилось в документе, «*для сохранения жен и детей своих*» [Дон и Нижнее Поволжье 1961: 89].

17 августа 1774 г. Пугачев беспрепятственно вошел в административный центр Волжского казачьего войска – слободу Дубовку. Здесь он пробыл три дня, дав войскам отдых. На третий день его пребывания в Дубовке к нему явилась делегация от Ценден-Доржи, заявившая о желании дербетов перейти на сторону повстанцев. Казачко-крестьянский вождь благосклонно принял предложение дербетов и щедро одарил Ценден-Доржи и его людей деньгами и разными товарами с разграбленного

## Белоусов С.С. Участие нижеволжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773–1775 гг.

накануне купеческого корабля. Для повстанцев переход дербетов на их сторону стал последней крупной удачей в борьбе с правительственными войсками. Сам Пугачев оценивал это событие очень высоко. Очевидец случившегося купец И.С. Трофимов впоследствии на допросе показал, что посланный к дербетам для переговоров казак П. Алексеев после их благополучного завершения получил от Пугачева в качестве награды сразу чин полковника [Пугачевщина 1929: 222]. Присоединившиеся к повстанцам в Дубовке калмыки заметно усилили военный потенциал Пугачева, что вызвало серьезную обеспокоенность в правительственном лагере. Положение усугубилось тем, что не принявшие участия в походе с Ценден-Доржи дербеты уже через три дня после его ухода приблизились к Царицынской линии и занялись грабежами населения. Ко всему прочему, 18 августа 1774 г. дербетский пристав М. Везелев получил от своих осведомителей в улусе информацию о намерении дербетской знати перейти на сторону Пугачева.

Теплый прием, устроенный Пугачевым перешедшим к нему дербетам, заразительно подействовал на некоторых других калмыцких нойонов и зайсангов. Вскоре астраханский губернатор получил из икицохуровских (торгутских) улусов нойонов Асархо и Маши тревожные вести об их намерении присоединиться к Пугачеву в случае его подхода к местам кочевий. Стало также известно, что эркетеневские зайсанги послали для переговоров к вождю двух разведчиков [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 259. Л. 7об.]. Словно в подтверждение полученных известий икицохуровцы неожиданно вторглись в район Черного Яра и ограбили жителей окрестных хуторов и рыболовецких станов.

Переходу части калмыцкой знати на сторону восставших предшествовала определенная подготовительная работа, проделанная штабом Пугачева. Еще находясь на Урале, он предпринял через казахского султана Аблая попытку связаться с ушедшими из России калмыками. Направляя в 1773 г. к султану четверых посланцев, он напутствовал их, *«чтоб они Аблая от него попросили, чтоб он, ежели близко, где кочуют бежавшие из России калмыки, то б он дал им весть, чтоб оне, как можно скорее сюда, к нему приезжали»* [Восстание 1935: 161]. Хотя послы пропали бесследно, сам факт обращения казацко-крестьянского вождя за помощью к калмыкам весьма показателен и свидетельствует о понимании им значимости калмыцкого фактора.

Когда армия Пугачева вошла в пределы Астраханской губернии, 6–9 августа 1774 г. в Покровской слободе (ныне г. Энгельс) был подготовлен специальный указ на имя торгутского нойона Бамбура (Бамбара). Последнего в то время в России уже не было, поскольку он откочевал в Джунгарию вместе с Убаши в 1771 г., о чем, очевидно, повстанцы не знали. Полностью текст упомянутого указа не сохранился, но, судя по его уцелевшему фрагменту, приведенному во втором указе Пугачева

(от 14 августа 1774 г.), в нем содержался призыв к борьбе с дворянами. Пугачев обещал освободить калмыков от притеснений дворян, а также заявлял, что «*учиняет свободную вольность*» калмыцкому народу [Дон и Нижнее Поволжье 1961: 66]. Заявленная в указе в качестве главной цели идея освобождения от гнета российских дворян не была актуальной для калмыков, в подавляющем большинстве своем не связанных с ними узами личной зависимости или иными отношениями. Приходится констатировать, что у восставших не имелось тщательно и умело разработанной программы привлечения нижеволжских калмыков на свою сторону, как, впрочем, и по другим вопросам.

Второй указ Пугачева, обращенный к нижеволжским калмыкам, был написан накануне сражения на Пролейке – 14 августа 1774 г. Также адресованный Бамбуру, он предписывал ему прибыть на правый берег Волги, в район напротив Камышина, где для его людей якобы были приготовлены провизия и плавсредства для переправы. Для координации действий Пугачев предлагал нойону прислать трех своих представителей и объявил о назначении калмыкам жалованья в размере 10 рублей на человека [Дон и Нижнее Поволжье 1961: 67]. Любопытна дальнейшая судьба данного указа. Когда он попал в руки командующего правительственными войсками генерал-аншефа П.И. Панина, то он приказал снять с указа от 14 августа 1774 г. и еще с двух указов пугачевской Военной коллегии копии, а над оригиналами устроить символическую казнь. В 1774 г. их сжег палач под виселицей, специально сооруженной для этих целей на площади г. Щацка [Документы 1975: 391].

Приглашение Пугачева присоединиться к нему и обещание вознаграждения в итоге склонили чашу весов в пользу перехода на сторону восставших у некоторых представителей калмыцкой знати. Вместе с тем будет неверным упрощать ситуацию и сводить все исключительно к материальному фактору. На настроения калмыцкой знати, безусловно, наложили свой отпечаток недовольство политикой российского руководства, продолжавшее сохраняться после откочевки наместника в Джунгарию, отсутствие в улусах сильной нойонской власти и, несомненно, внезапная смерть в период поездки в Санкт-Петербург трех авторитетных нойонов. Нельзя, наконец, полностью сбрасывать со счетов и военные успехи повстанцев, которые сопутствовали им на начальном этапе вторжения в пределы Астраханской губернии.

Перешедший на сторону мятежников правитель дербетских улусов Ценден-Доржи впоследствии объяснял свой поступок астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову боязнью разорения пугачевцами его улусов, кочевавших вблизи района военных действий. По его словам, когда улусы удалились от повстанцев, он со своими воинами покинул Пугачева. Данная версия выглядит малоубедительной, особенно в свете показаний арестованных повстанцев, рассказавших, что сражавшие-

## Белоусов С.С. Участие нижеволжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773–1775 гг.

ся на стороне Пугачева дербеты покинули его только после неудачного штурма Царицына, после того, как получили от него на это согласие, и на «срочное время».

В сентябре 1774 г., отправляя пристава М. Везелева к дербетам для исполнения своих обязанностей, П.Н. Кречетников в качестве одной из задач поставил ему *«секретно и безприметным образом разведать, от кого больше у них дербетей, соблазн и покушение к предательству известному злодею последовало»* [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 259. Л. 18об.]. Вскоре пристав сообщил, что инициатива перехода на сторону мятежников принадлежала 4 знатым и наиболее авторитетным зайсангам, которые, не посоветовавшись с Ценден-Доржи и с другими зайсангами, выехали в ставку повстанцев и от имени дербетов заявили своим желанием служить Пугачеву. Ценден-Доржи не решился перечить зайсангам и последовал за ними. Данный факт свидетельствует о слабости позиций Ценден-Доржи как правителя дербетских улусов. Впоследствии он жаловался русским властям на своих подданных, которые не признавали его своим «природным» правителем, нередко отказывались выполнять его указания и платить ему подати. В свете изложенных фактов версия Везелева выглядит предпочтительнее, чем та, которую представили дербеты. Действительно, нойон Ценден-Доржи не пользовался авторитетом у дербетов, и его позиции в качестве правителя были неустойчивыми. Во многом это обуславливалось тем, что он принадлежал к боковой ветви правящей дербетской династии и согласно калмыцкой традиции наследования власти не обладал правами на руководство дербетскими улусами. Руководить дербетам его поставили русские власти после смерти в начале 1774 г. во время поездки на аудиенцию к императрице Екатерины II законного правителя дербетов нойона Цебек-Убаши. У последнего в силу его молодого возраста детей не было, поэтому старшая линия дербетских правителей пресеклась. Дербетские улусы были отданы Ценден-Доржи во временное управление и по протекции русского правительства, поэтому личных оснований для перехода на сторону Пугачева у нойона, надо полагать, не было.

Переход на сторону Пугачева поддержали далеко не все представители калмыцкой знати. Верность императрице Екатерине II сохранили, например, дербетские нойон Доржин и зайсанг Гунап: они с одной тысячей кибиток своих подвластных покинули лагерь Ценден-Доржи сразу же, как узнали о готовящемся переходе. Не присоединилась к восставшим и группа калмыков, возглавляемая зайсангами Шунгурциком и Ороком. Они привели своих людей на помощь гарнизону Царицына [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 257. Л. 32].

После отдыха в Дубовке Пугачев со своими войсками направился к Царицыну. Этот город-крепость занимал ключевое геополитическое положение на юго-востоке России, и обладание им сулило каждой

из противоборствующих сторон большие стратегические выгоды. Между тем обстановка в городе и в его округе сложилась очень напряженная. Подкрепления к Царицыну еще не подошли, а своих сил для отражения нападения гарнизону явно не хватало. Окрестности города контролировали сочувствующие Пугачеву калмыки, да и в самом городе было немало таких, кто готов был перейти на его сторону.

Первое сражение за Царицын произошло вечером 20 августа, в 15 верстах от города при речке Мечетной. В нем приняли участие с правительственной стороны донские и линейные казаки, с пугачевской – яицкие, донские казаки и калмыки. Сражение носило ожесточенный характер, но победу не удалось одержать никому. Не сумев в ходе трех атак отбросить повстанцев от города, правительственные войска отошли под защиту его стен. На следующий день начался штурм непосредственно Царицына, в котором также участвовали калмыки. Однако взять город не удалось. Пугачевцы стали готовиться к повторному штурму, но он не состоялся: прибывшая из Дубовки разведка доложила о движении к Царицыну правительственных войск, и Пугачев, не желая оказаться между двух огней, принял решение идти к Черному Яру, а затем в Яицкий городок на Урале, где он надеялся перезимовать. Перед уходом у Пугачева состоялся разговор с Ценден-Доржи, после которого дербеты покинули армию и удалились в степь [Беликов 1971: 150]. Так закончилось кратковременное пребывание дербетов в рядах пугачевцев.

Покинув окрестности Царицына, Пугачев с войском двинулся к немецкой колонии Сарепта, расположенной к югу от города. К моменту его прихода колония уже была покинута населением и разорена дербетами. В Сарепте Пугачев задержался всего на сутки, так как преследовавшие его войска И.И. Михельсона уже были близко. Из колонии повстанцы направились на Сальниковскую ватагу, расположенную в 70 верстах от Царицына. Здесь 24 августа 1774 г. произошло решающее сражение, в результате которого пугачевцы были разгромлены. Сам вождь с остатками войск в количестве 400 человек бежал в сторону Черного Яра и, переправившись на левый берег Волги, ушел в полупустынные, безлюдные степи.

Еще до переправы Пугачева на левую сторону Волги астраханский губернатор П.Н. Кречетников, опасаясь соединения пугачевцев с калмыками, приказал калмыцким нойонам прислать в Астрахань *«сколько можно более калмык»* для усиления правительственных войск, а самим приступить к переправе улусов на волжские острова и на луговой берег Волги. При этом он приказал комендантам крепостей и старшинам казачьих станиц оказывать калмыкам всяческое содействие в обеспечении плавучими средствами [НАРК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 87. Л. 2]. Калмыцкие владельцы выполнили распоряжение губернатора: 30 августа 1774 г. ученик переводчика Свистунов доложил в Астраханскую губернскую канцелярию о том,

## Белоусов С.С. Участие нижеволжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773–1775 гг.

что все калмыцкие улусы, за исключением Харахусовского, находятся на левом берегу Волги [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 259. Л. 4–4об.]. Помимо Харахусовского улуса на правобережье оставались еще дербетские улусы, но они после неудавшегося штурма Царицына поспешно откочевали вглубь Ергеней на большое расстояние от Волги, поэтому никакой опасности их соединения с повстанцами на тот момент не было.

Разгром Пугачева вблизи Сальниковской ватаги и последовавший затем уход его на левобережье вновь создал угрозу непосредственного соединения повстанцев с калмыками-торгутами, что побудило астраханского губернатора пересмотреть свое решение от 24 августа 1774 г. и отдать приказ об обратной переправе калмыков на нагорную (правую) сторону реки. Кроме того, на решение явно Кречетникова повлияли тревожные сообщения о вторжении казахов в Волго-Яицкое междуречье, которые, узнав о скоплении калмыков на левобережье, собирались напасть на них с целью грабежа. Новость о повторной переправе калмыцкая знать восприняла отрицательно: подобные акции требовали от кочевников большого напряжения сил, особенно страдал от них скот, который при переправе сильно терял в весе. Нойонам обещали, что после того, как минует опасность, они смогут возвратиться со своими улусами на луговую сторону и, более того, намекнули о том, что они *«без удовольствия не останутся»* [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 259. Л. 4об.]. После этого улусы приступили к переправе, завершив ее к середине сентября.

В первых числах сентября 1774 г. к Волге неожиданно прикочевали дербетские улусы, что вызвало у властей подозрение в их намерении соединиться с остатками пугачевских войск. Чтобы не допустить этого, к Черному Яру из Царицына в спешном порядке были переброшены два эскадрона карабинеров и сотня казаков. Их командир – ротмистр Мажаров получил приказ организовать совместно с черныярским комендантом подполковником Айдаровым патрулирование волжского берега в этом районе и не допускать дербетов к переправе, но при этом *«не чиня с ними драки»* [НАРК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 87. Л. 94].

Дербетцы, однако, вели себя спокойно и не обнаруживали признаков приготовлений к переправе. Все это внесло успокоение в среду военных и сняло напряжение, возникшее после прихода дербетов к Волге. Очевидно, у дербетской знати на этот раз действительно не было желания примыкать к Пугачеву. Прикочевка к Волге, по-видимому, была вызвана стремлением Ценден-Доржи уладить отношения с астраханским губернатором. В начале сентября 1774 г. дербетский правитель направил П.Н. Кречетникову письмо, где он изложил мотивы и обстоятельства перехода к Пугачеву. Губернатор ответил, что не осуждает его поступок и желает с ним встретиться, чтобы наметить меры по стабилизации положения в дербетских улусах [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 259. Л. 7об.]. При-

мирительный тон ответа П.Н. Кречетникова свидетельствовал о том, что он реалистично оценивал ситуацию в улусах и считал нецелесообразным прибегать к репрессиям. Для него в это время главной задачей была нормализация обстановки в улусах, успокоение их населения и возврат дербетов под контроль астраханской администрации, что было невозможно без восстановления отношений с калмыцкой знатью.

После победы Михельсона на Сальниковской ватаге началась охота на разрозненные отряды повстанцев и их вождя. Сзади пугачевцев неотступно преследовала конница Михельсона, а навстречу им, со стороны Астрахани, выступил сводный отряд, состоявший из легкой полевой команды, 300 солдат, 450 астраханских и красноярских казаков, калмыков Икицохуровского и Эркетеневского улусов под командованием полковника А.Ф. Дондукова. Астраханский отряд должен был разместиться в Красном Яре и Черном Яре и осуществлять преследование рассеянных по степи мелких групп повстанцев от Эльтонского озера до Гурьева. Помимо дондуковского отряда на завершающем этапе восстания калмыки-торгуты привлекались к борьбе с Пугачевым и в составе других подразделений правительственных войск. Известно, например, что в отряде майора Дегостидия воевали 100 человек из Хошеутовского и 200 человек из Яндыковского улусов [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 259. Л. 6об.].

Некоторые из калмыков отличились в боях с повстанцами и получили различного рода награды. Высокая оценка была дана графом П.И. Паниным действиям отряда Дондукова. В составленной им ведомости побед, одержанных правительственными войсками, говорилось: «Князь Дондуков выше Селитряного городка на луговой стороне Волги 31 августа разбил злодейское скопище и многих положил на месте» [Грот 1875: 137]. В середине сентября 1774 г. также отличился отряд из 100 калмыков под командованием Н.П. Рычкова. В местечке под названием «Камышлацкие вершины» он обнаружил группу пугачевцев и вступил с ними в бой. В результате перестрелки повстанцев рассеяли, захватив в плен 38 человек, в том числе близкого сподвижника Пугачева А. Перфильева. Из Эркетеневского улуса особенно хорошо проявил себя в боях зайсанг Джамчи. Свидетели его доблести – нойоны Дондуков и Маши ходатайствовали перед Кречетниковым о возвращении ему аймака, отобранного у него за попытку откочевать в Джунгарию в 1771 г. В награду Джамчи вернули аймак и восстановили в правах зайсанга.

После разгрома у Сальниковской ватаги армия Пугачева перестала существовать и разделилась на небольшие группы, которые без особого труда уничтожали и вылавливали отряды правительственных войск. Спустя некоторое время в руки военных попал и сам Пугачев.

## Белоусов С.С. Участие нижеволжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773–1775 гг.

### Источники

- Восстание Е. Пугачева. Сб. документов. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935. 216 с.
- Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773–1774 гг. Сб. документов. М.: Наука, 1975. 527 с.
- Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского облисполкома, 1961. 231 с.
- Емельян Пугачев на следствии. Сб. документов и материалов. М.: Языки русской культуры, 1997. 467 с.
- Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).  
Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).  
Пугачевщина. Сб. документов. Т. II. М.-Л.: Госиздат РСФСР, 1929. 494 с.

### Литература

- Александр Дж.Т.* Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 237 с.
- Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969. 360 с.
- Беликов Т.И.* Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1971. 167 с.
- Грот Я.К.* Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева // Приложение к XXV тому Записок Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1875. № 4. 144 с.
- Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. СПб.: тип. Н.И. Скороходова, 1884. Т. I. 414 с.; Т. II. 424 с.; Т. III. 416 с.
- Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. II / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 512 с.
- Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. III / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. 488 с.
- Мавродин В.В.* Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 588 с.
- Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М.: Наука, 1980. 280 с.



**Национальные автономии  
юга России в 1917–1943 гг.**



## НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (1918–1924 гг.)\*

Сартикова Е.В.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: [sartikova\\_evgeniya@mail.ru](mailto:sartikova_evgeniya@mail.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена изучению начального этапа становления партийной организации Кабардино-Балкарии. Как свидетельствуют архивные документы, формирование партийной организации затянулось на несколько лет: от бюро Нальчикской окружной организации РСДРП(б), возникшей в 1918 г., до создания единой Кабардино-Балкарской партийной организации, завершившейся 21 октября 1922 г. на III областной партийной конференции. В заключении автор делает вывод о том, что экономическая отсталость Кабардино-Балкарии и безграмотность ее населения, Гражданская война и малочисленность подготовленных кадров – все это препятствовало развертыванию партийной работы. Однако организация партийных ячеек подготовила почву для их объединения и образования Кабардино-Балкарской партийной организации. Уже к 1924 г. организация количественно увеличилась, главным образом, благодаря ускоренному приему.

**Ключевые слова:** Великая российская революция, Кабарда, Гражданская война, Горская Республика, советская власть, партийное строительство, автономия.

Ядром советской политической системы, государственных и общественных организаций нашей страны являлась большевистская (коммунистическая) партия, поэтому партийному строительству в советские годы всегда уделялось серьезное внимание. Для решения этой задачи создавались партийные организации в национальных районах [Бугаев, Алхастова 2015; Сартикова 2017], в том числе и в Кабардино-Балкарии [Очерки истории 1971]. Кабардино-Балкарская областная партийная организация имеет богатую историю, а начало ее организационному оформлению положила I областная партийная конференция (ноябрь 1921 г.).

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Основным методом исследования послужил историко-системный метод, основанный на принципах системного подхода к анализу процессов и явлений прошлого. Научная новизна исследования определяется тем, что автор комплексно рассматривает историю региональной организации компартии, ее специфику в конкретных исторических условиях.

История Кабардино-Балкарской партийной организации в разное время привлекала внимание ряда исследователей [Медалиев 1972; Сабанчиев 1973; Тетуев 1975; Филькин 1975; Бетрзова, Апажева 2011]. В литературе советского периода в основном освещалась деятельность областной партийной организации по экономическому, социально-культурному возрождению республики, по решению сложнейших вопросов, обусловленных местными специфическими особенностями: ликвидации неграмотности населения, подготовке национальных кадров и др. Ценность этих исследований заключается в том, что авторы обобщили опыт работы областной партийной организации, осмыслили деятельность областного комитета партии по руководству хозяйственным развитием республики. Историография советского периода показывала лишь положительные моменты во всех сферах общественной жизни республики в соответствии с существовавшей марксистской методологией, программными документами КПСС, господствовавшей идеологией. Современная литература по данной теме независима от времени создания, опирается на объективные научные подходы и методы, располагает новыми сведениями, богатым фактическим материалом. Она существенно расширилась за счет трудов, созданных на основе новых источников, свежих взглядов и концепций.

Основными источниками данной работы послужили документы, отложившиеся в партийном фонде (Ф. П-1) Управления Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ КБР). Это протоколы заседаний обкома РКП(б), пленумов и президиумов обкома партии, переписка ЦК РКП(б) с Кабардинским обкомом, информационные отчеты, доклады, протоколы областных партийных конференций, сводки обкома РКП(б) о деятельности областного обкома. Данные материалы сообщают много ценных сведений о состоянии и развитии самой партийной организации. Особое внимание в данной статье уделено учредительной первой партийной конференции.

Великая российская революция 1917 г. открыла новый этап в исторических судьбах народов Юга России, в том числе и Кабардино-Балкарии. Под руководством большевиков началась борьба горских народов Северного Кавказа за установление советской власти. Но построение нового общества усугублялось рядом трудностей, таких как экономическая разруха, вызванная Первой мировой и Гражданской войнами, отсутствие пролетариата и культурная отсталость населения.

## Сартикова Е.В. Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии (1918–1924 гг.)

Большое влияние на историю коммунистической региональной организации оказали события, происходившие в те годы в Кабардино-Балкарии. Летом 1918 г. на Северном Кавказе вспыхнуло Терское восстание, охватившее в том числе и территорию Нальчикского округа. В.Б. Лобанов, описывая это восстание, подчеркнул, что «в каждом регионе России были свои отличительные особенности вооруженного противостояния новой власти и ее противников» [Лобанов 2013: 56]. Подводя итоги восстания, В.Б. Лобанов указал на то, «что оно... отражало сильные антибольшевистские настроения в регионе» [Лобанов 2013: 63]. Непосредственный участник антисоветского восстания на Тереке К. Чхеидзе связывал причины антибольшевистского выступления не только с желанием свергнутых элит вернуть утраченные позиции, но и с реакцией на «красный террор». В своих воспоминаниях К. Чхеидзе писал не только о насилии, чинимом большевиками, но и без прикрас описывал белый лагерь, упоминая о погромах и реквизициях среди местного населения, осуждая самоуправство некоторых деникинских офицеров [Жанситов 2017: 24, 27].

16 ноября 1918 г. Красная армия освободила Нальчик, а к концу ноября – весь Нальчикский округ. 28 ноября 1918 г. во Владикавказе открылся V съезд народов Терека, который принял решение об укреплении советской власти и частей Красной армии на Тереке, наметил мероприятия по земельному вопросу. Однако выполнению этих решений помешало вторжение деникинских войск в пределы Терской республики [История 1967: 72]. В начале 1919 г. 11-я армия РККА была разгромлена, Северный Кавказ оказался под контролем деникинцев. Тем не менее, остатки красных отрядов, отступившие в горы, продолжили партизанскую борьбу.

21 января 1920 г. по указанию Кавказского краевого комитета партии все красные повстанческие войска были объединены под общим командованием члена крайкома Н.Ф. Гикало и сведены в Терскую областную группу красных повстанческих войск. За короткий срок отряд Н.Ф. Гикало совершил несколько вылазок против превосходящих сил противника [История 1967: 87]. В решающих боях за советскую власть на Тереке участвовали красные воинские формирования и отряды, созданные в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Ставрополье.

В начале февраля 1920 г. было создано Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе под председательством Г.К. Орджоникидзе, которое развернуло широкую агитационно-пропагандистскую работу среди населения края [Кармов 2016: 34]. В решении задач социалистического строительства на Северном Кавказе огромную роль сыграло создание национальной государственности горских народов. «Поскольку обретение начал государственности каждым из малочисленных народов Северного Кавказа на деле означало дробление его на

*множество автономных территориальных единиц, что могло затруднить экономическое развитие, был взят курс на создание многонациональных государственных образований»* [Тетуев 2016: 11]. 17 ноября 1920 г. на съезде народов Терека во Владикавказе была образована Горская АССР. 20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР принял постановления «Об Автономной Горской Социалистической Республике», состоявшей из шести административных округов: Чеченского, Ингушского, Осетинского, Кабардинского, Балкарского и Карачаевского.

Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина отмечали, что *«в силу своего специфического положения Горская республика строилась на территориальной, а не национальной основе. Она не носила название, соответствующее преобладающей по численности нации, как другие республики. Данное обстоятельство как раз и послужило поводом к весьма противоречивой оценке самой автономии и причин ее образования»* [Кринко, Хлынина 2009: 29]. Неудивительно, что национальные округа стали стремиться к выделению в самостоятельные регионы почти сразу же после образования Горской АССР. И первой из них стала Кабарда.

21 мая 1921 г. вопрос о выделении из Горской АССР в самостоятельную автономную область обсуждался на объединенном заседании Кабардинских окружных исполкома и парткома. 1 сентября 1921 г. ВЦИК РСФСР постановил выделить из территории Горской АССР Кабардинскую автономную область. Организационное образование нового региона было завершено в конце ноября 1921 г. Так, Кабарда впервые была провозглашена полноправным субъектом РСФСР со статусом автономной области. Вскоре назрел вопрос и о выделении Балкарии из Горской АССР. Постановлением ВЦИК от 16 января 1922 г. Балкарский округ выделился из состава Горской АССР и объединился с Кабардинской автономной областью в Кабардино-Балкарскую автономную область.

В таких условиях зарождалась большевистская организация в Кабардино-Балкарии. Как следует из документальных источников, фундамент Кабардино-Балкарской партийной организации РКП(б) начал складываться еще до образования Кабардино-Балкарской автономной области. Его основой стала Нальчикская окружная организация РСДРП(б), созданная в 1918 г. [Путеводитель 2016: 299]. В середине января 1918 г. на квартире у Г.С. Русакова состоялось организационное собрание, которое решило создать нальчикскую окружную организацию РСДРП(б). В бюро организации были избраны Георгий Русаков, Тембот Ахохов, Алексей Шевцов, Федор Герасимов и Александр Коган. В организацию были приняты еще 20 человек, в том числе А. Филатов, два брата Саврасовых, А. Кокожев, Е. Полунин, М. Фанзиев, С. Пархоменко, С. Хачатурян, П. Бахунов, А. Зацепилин, М. Кудашев, Е. Терещенко и другие активные участники революционного движения в Кабардино-Балкарии. Вскоре в руководящее звено большевистской организации вошли кре-

## Сартикова Е.В. Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии (1918–1924 гг.)

стьянские вожаки Б. Калмыков, А. Мусукаев, Х. Бесланеев, Ф. Фаддеев, Д. Шекихачев, А. Пшуков, Ю. Настуев, Л. Бозиев, Т. Молов и др. [История 1967: 36]. Создание первой большевистской организации в Кабардино-Балкарии имело огромное значение, так как проходило в условиях активизации контрреволюции на Тереке.

В марте 1920 г. после окончательного установления Советской власти в Кабардино-Балкарии было образовано оргбюро партийной организации, выполнявшее функции областного партийного комитета. Его работа ограничивалась, главным образом, подготовкой и проведением окружных и областных партконференций и партийной «чисткой». Для этой цели в округа и аулы посылались ответственные работники [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1].

Осенью 1921 г. была создана нальчикская партийная организация. Имеются сведения о ее численном составе за ноябрь 1921 г. В городе числилось 9 ячеек (1 – в транспортных учреждениях, 3 – в военных частях, 5 – в советских учреждениях) и 85 коммунистов. В уезде числилось, соответственно, 36 ячеек и 372 коммуниста [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–7]. Таким образом, всего было 457 коммунистов. В число ответственных работников комитета входили: управделами Николай Логин, инструктор Лаврентий Бугулов, зав. учетно-информационным отделом Александров, зав. отделом по работе среди женщин А. Рейн-Костина.

В октябре 1921 г. прошли первые партийные конференции в округах Кабарды. 16–18 ноября состоялась первая Кабардинская областная партийная конференция, избравшая первый областной комитет партии. В повестке дня работы конференции рассматривались следующие вопросы: доклад о работе оргбюро, доклады с мест, организационный вопрос и методы партийной работы в Кабарде, очередные задачи советского строительства в Кабарде, выборы комитета и ревизионной комиссии [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 21].

С докладом о работе оргбюро выступил Васильев, который указал на недостаточность работы, которую бюро проделало за время своего существования, и на возможность развернуть ее гораздо шире. Главной и основной причиной, мешавшей работе оргбюро, была двухмесячная «чистка» организации, которая дала определенные результаты, хотя она еще не завершилась, и оргбюро продолжало работу в этом направлении. Кроме того, одним из тормозов в работе являлся недостаток ответственных и технических работников. Несмотря на все трудности, оргбюро старалось связываться с местами, посылая туда ответственных работников. Со связью оргбюро с высшими органами дело обстояло не очень хорошо, ввиду того, что этот орган при выделении Кабарды подчинили Кавбюро (Кавказскому Бюро ЦК РКП(б)). Оргбюро долго с ним не мог связаться, а когда связь стала налаживаться, его передали в подчинение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в Ростове-на-Дону.

Далее заслушивались доклады о состоянии на местах партийных организаций и их работе. Выступили представители ячеек: из Урванского округа – Губочиев, Дзыгуров, Алцагиров, Налоев; из Аргуданской ячейки – Суйдимов, Бохунов [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 23] и др. По окончании докладов от ячеек слово предоставили представителям окружных парткомов. Первым выступил член Мало-Кабардинского парткома Х.Т. Карашаев, который указал на недостатки в его работе, тормозившие работу. Представитель городской организации Н. Логин, выступивший за ним, подчеркнул, что городская организация выделась в самостоятельную единицу только недавно и за это время ничего не могла сделать. Оргбюро наметило следующий план дальнейшей работы: реорганизация ячеек на основе правильного распределения ответственных работников, открытие курсов политического воспитания, организация фракции и др. мероприятия.

С докладом на кабардинском языке об очередных задачах советского строительства Кабардинской автономной области выступил Б.Э. Калмыков. По этому докладу высказались представители с мест, которые сообщили, что в Нальчике были отпущены бандиты, арестованные в округах ячейками (братья Мамхеговы), и что Какиев продал сенокосные участки за 18 млн руб. Поступило предложение избрать комиссию из состава конференции по расследованию дела Шекихачева, а его самого временно отстранить от всех советских и партийных постов. С докладом по организационному вопросу и методах партийной работы в Кабарде выступил Васильев, который отметил, что очередная задача после конференции – это политическое воспитание членов организации в Кабарде, создание партийного аппарата как на местах, так и в округах с прикреплением к ним постоянных работников.

Далее конференция приступила к выборам областного комитета партии и ревизионной комиссии. За неимением свободных работников контрольную комиссию решили не избирать. В состав обкома от имени оргбюро предложили следующие кандидатуры: Б.Э. Калмыкова, Ф.И. Фаддеева, И.Н. Боровицкого, А.О. Павловича, А.Х. Кокожева, а также двух представителей из участников конференции. В ревизионную комиссию были предложены Прохоров от оргбюро и два кандидата от конференции. В итоге единогласно были избраны: в обком – Б.Э. Калмыков, Ф.И. Фаддеев, А.О. Павлович, И.Н. Боровицкий, А.Х. Кокожев, З. Зигалов, Б. Катханов, Шорогиев. В ревизионную комиссию были избраны Прохоров, О. Суйдимов и Бохунов [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 26].

В резолюции, принятой на I Областной партийной конференции, отмечалось, что деятельность оргбюро была признана удовлетворительной. Для укрепления организационной стороны партии в Кабарде необходимо было создать более или менее постоянные партийные аппараты как в области, так и на местах, с прикреплением к ним работни-

## Сартикова Е.В. Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии (1918–1924 гг.)

ков на продолжительный срок. Для точного определения партийных сил в Кабарде следовало наладить в кратчайший срок точный учет членов партии с подробной характеристикой каждого из них. Это необходимо было для выдвижения рядовых коммунистов на ту или иную работу для периодического и рационального распределения сил. В целях регулярной связи областной организации с окружными предлагалось создать при партийных аппаратах коллегии инструкторов (при организационно-инструкторском отделе), хотя бы в небольшом количестве, но постоянных. При отсутствии соответствующих работников и, в первую очередь, самих членов обкома инструкторам надлежало периодически выезжать на места. Для связи с ячейками и вовлечения местных работников в работу областного масштаба было решено периодически проводить совещания секретарей. С той же целью окружным комитетам было предписано периодически собирать на местах заседания секретарей аульских, сельских и прочих ячеек, на которых, помимо узкопартийных вопросов, рассматривать вопросы по советскому строительству. Эти заседания могли быть расширены до небольших конференций.

В резолюции о методах партийной работы отмечалось: *«Принимая во внимание полнейшее отсутствие в Кабарде соответствующих работников, признать основным методом политического развития членов партии – активные действия в советской работе всех отраслей»* [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 29]. С этой целью партийных работников всеми средствами вовлекали в советскую работу путем введения их в Советы, в кооперативы, призыва к образцовому участию во всех кампаниях и проч., считая, что только так можно усилить и поднять авторитет партии в беспартийных трудящихся массах. Чтобы ячейки не переходили границ в своей работе, партийные органы усилили контроль за их деятельностью и вели среди них соответствующую работу, готовя из коммунистов сознательных советских работников. Для подготовки опытных работников необходимо было в кратчайший срок создать советско-партийные школы, в которых следовало обучить наиболее способных коммунистов.

Таким образом, I областная партийная конференция сыграла важную роль в улучшении деятельности партийных и советских организаций. Конференция обсудила ряд важных вопросов и избрала областной комитет партии. Секретарем обкома был избран Б.И. Павлович.

Сохранились следующие сведения о членах обкома Кабардинской автономной области:

1. Павлович Болеслав Исидорович, секретарь обкома, председатель ЧК и член революционного трибунала, партстаж с 1918 г., крестьянин, образование домашнее;
2. Калмыков Бетал Эдыкович, член обкома, председатель облисполкома, партстаж с 1918 г., образование ниже среднего;

3. Фаддеев Федор Иванович, член обкома, зав. организационно-инструкторским отделом, зав. областной продовольственной комиссией, партстаж с 1917 г., образование – 6 классов гимназии;

4. Зигалов Заламгери, член обкома, член Урванского окружного парткома, партстаж с 1921 г., малограмотный;

5. Кокожев Ахматхан Хабижевич, член обкома, зав. финотделом, партстаж с 1918 г., образование сельское;

6. Боровицкий Иван Николаевич, член обкома, партстаж с 1917 г., рабочий;

7. Катханов Башир Адильгериевич, член обкома, партстаж с 1920 г., крестьянин [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 15]

Партийная организация на 1 декабря 1921 г. состояла из 457 членов (448 мужчин и 9 женщин), объединенных в 36 ячеек [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 17, 27]. По социальному происхождению члены организации распределялись так: рабочие – 42, крестьян – 383, служащих – 20. Вся организация по своему составу (за исключением городской) была однородной. Связь городской организации с деревней была слабой и только позже стала усиливаться.

На совместном заседании Кабардинского областного и Балкарского окружного комитетов РКП(б), состоявшемся 17 сентября 1922 г., было принято «Положение по объединению Кабарды и Балкарии». В нем указывалось, что Кабарда и Балкария должны организовать единую партийную организацию и единый советский аппарат управления [История 1967: 110]. Областной съезд Советов в декабре 1922 г. окончательно оформил образование Кабардино-Балкарской автономной области. Съезд избрал 30 членов облисполкома. Председателем облисполкома стал Б.Э. Калмыков, а его заместителем – М.А. Энеев.

Основные положения о партийном строительстве и задачах членов РКП(б) Кабардино-Балкарской автономной области содержались в резолюции II областной партийной конференции, состоявшейся 13 марта 1922 г., на которой присутствовало 35 делегатов с правом решающего голоса [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. Учитывая общие условия, в которых протекала работа комитета партии, II областная конференция РКП(б) Кабардино-Балкарской автономной области постановила признать работу обкома удовлетворительной. Новому составу комитета пожелали углубить работу, перенести центр тяжести на места, для чего следовало: просить центр прислать соответствующее количество ответственных партработников, наладить связь с местами, поднять работу среди молодежи и женщин, обратить внимание на чрезвычайно низкий уровень политического самосознания членов партии, провести полную реорганизацию парторганизации на местах в целях качественного улучшения ее состава с учетом материалов переписи членов РКП(б) 1921–1922 гг. [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 3].

## Сартикова Е.В. Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии (1918–1924 гг.)

Тяжелая экономическая ситуация, связанная с послевоенной разрухой, неурожаем и голодом, заставляла многих неимущих и безработных заниматься грабежами населения из-за отсутствия других источников заработка. Поэтому главным направлением в деятельности партийных и советских органов в начале 1920-х гг. оставалась борьба с бандитизмом. II областная конференция РКП(б), заслушав доклад о борьбе с бандитизмом, призвала всех членов партийной организации быть начеку, обратила внимание партийных и советских органов на реорганизацию частей милиции в округах [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 3].

На конференции был избран новый состав областного комитета партии. Членами обкома стали: Б.Э. Калмыков, Б.И. Павлович, З.Б. Мидов, З.Т. Зигалов, Л.Т. Бозиев, Б.А. Катханов, Ф.И. Фадеев, Г.З. Гурфов; кандидатами в члены обкома: И.Н. Боровицкий и Абрамов. В ревизионную комиссию избрали А.Х. Кокожева и Дмитриеву. На XI съезд РКП(б) делегатом от Кабардинской партийной организации был избран Б.Э. Калмыков с правом решающего голоса.

III областная партийная конференция, состоявшаяся 21 октября 1922 г., завершила создание единой Кабардино-Балкарской партийной организации.

В 1922–1923 гг. в структуру аппарата обкома партии входили отделы: агитационно-пропагандистский, организационно-инструкторский, общий, по работе с женщинами, по работе в деревне. Такая структура партийного аппарата существовала в Кабардино-Балкарском обкоме партии вплоть до XVII съезда ВКП(б) в 1934 г.

Что касается ячеек на местах, то фабрично-заводских коммунистических ячеек не имелось, так как фабрики и заводы в Кабардино-Балкарии фактически отсутствовали. Крестьянские ячейки вели на местах агитацию по продналогу, оказывали помощь голодающим, принимали участие в других кампаниях. Организационная связь с ячейками осуществлялась посредством конференций и собраний. Красноармейские ячейки, за исключением ячейки военкомата и штаба 6-го трудполка, отсутствовали. В связи с «чисткой» партии коммунистические ячейки занимались обсуждением кандидатур на собраниях.

В 1924 г. среди 70 % членов организации в аульских ячейках была ликвидирована неграмотность, в городе функционировали 2 школы поллитграмоты, которые посещали члены организации, вступившие в партию по «ленинскому призыву», и политически неграмотные. В железнодорожной ячейке открыли школу поллитграмоты, которую посещали члены ячейки и беспартийные рабочие. Организационная работа сводилась к проверке организации, ее оформлению и укреплению аппарата. Окружные аппараты были количественно доведены до штатной численности, но качество их работы оставалось слабым [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15. Л. 16]. Агитационно-пропагандистский отдел про-

вел до 20 крупнейших агиткампаний и выпускал газету на 3 языках: русском, кабардинском и балкарском [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15. Л. 17]. В некоторых округах имелись женские отделы, действовало несколько женских кружков, особенно хорошо работали кружки в Мало-Кабардинском округе.

Кабардино-Балкарская партийная организация на 1 сентября 1924 г. состояла из 373 членов и 407 кандидатов, объединенных в 49 аульских, 8 советских ячеек и одной ячейке при учебном заведении. По социальному происхождению организация большей частью была крестьянский, о чем свидетельствовали следующие данные: рабочие – 31 член, 40 кандидатов; крестьяне – 282 члена, 321 кандидат; служащие – 60 членов, 46 кандидатов. По партийному стажу организация была очень молодой: стаж до 1918 г. имело всего 5 чел., с 1918 г. – 19, с 1919 г. – 51, с 1920 г. – 53, с 1921 г. – 71, с 1922 г. – 6, с 1923 г. – 43, с 1924 г. – 79 [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 25. Л. 4]. По национальному составу организация выглядела так: кабардинцев – 260 членов, 308 кандидатов; балкарцев – 32 члена, 42 кандидата; русских – 69 членов, 50 кандидатов; других национальностей – 12 членов и 7 кандидатов [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 25. Л. 5]. В организации было крайне незначительное количество женщин: 10 членов и 6 кандидатов. Само собой разумеется, что все 16 женщин были из города Нальчик.

По возрасту члены организации распределялись следующим образом: до 20 лет – 4 члена, 15 кандидатов; от 20 до 30 лет – 129 членов, 219 кандидатов; от 30 до 40 лет – 136 членов, 95 кандидатов; от 40 до 50 лет – 72 члена, 53 кандидата; от 50 до 60 лет – 22 члена, 26 кандидатов. Обращает на себя внимание сравнительно зрелый возраст членов партии. Так, например, 35,6 % членов партии были в возрасте 30 лет и ниже, тогда как кандидаты в члены партии этого же возраста составляли 57 %. Это объяснялось тем, что в партию принимались не только активные участники Гражданской войны, но и уважаемые односельчане, т. е. имеющие зрелый возраст. Наряду с ними стала вливаться в партию и молодежь, главным образом, через комсомол.

В протоколе VI областной партийной конференции (10 ноября 1924 г.) отмечалось, что областному комитету партии приходилось работать в не совсем благоприятных условиях. Саму областную конференцию пришлось начать, не закончив проведение окружных конференций. Главным вопросом дня была ликвидация банд, действующих в области. Одним из неблагоприятных факторов работы являлся земельный спор с Карачаем, который претендовал на часть Зольских пастбищ. Третий вопрос был связан с неурожаем, постигшим область и грозивший голодом. Положение сложилось тяжелое, в Малой Кабарде не было никаких надежд на урожай. Было решено поднять всю партийную организацию на борьбу с неурожаем [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 2].

## Сартикова Е.В. Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии (1918–1924 гг.)

Согласно документам, парторганизация в этот период насчитывала 412 членов (всего с кандидатами в члены партии – 1 370 чел.). По национальности члены организации распределялись так: 288 кабардинцев, 37 балкарцев, 72 русских, 15 представителей других национальностей. Среди кандидатов: 699 кабардинцев, 74 балкарца, 174 русских и т. д. По социальному составу по-прежнему преобладали крестьяне – 87,2 %. По образованию распределение было следующим: 1 чел. с высшим образованием, 28 – со средним, 54 – с низшим, 115 малограмотных, 214 неграмотных (57,3 %). В городе функционировала одна школа политграмоты, курсы ленинизма, кружок права и профдвижения. В округах работали политические кружки [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 3], 2 клуба – профсоюзный и комсомольский, 4 сельхозшколы, 78 изб-читален. Выходила газета «Карахалк» на 3 языках, тиражом 800–1000 экз. [УЦДНИ КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 4]. Организация количественно увеличилась. Рост происходил вследствие перевеса прибывающих из других организаций над выбывающими в другие организации, но, главным образом, вследствие ускоренного приема. Таким образом, к 1924 г. ядро коммунистической организации было создано.

Начальный этап партийного строительства в Кабардино-Балкарии проходил в сложных социально-политических и экономических условиях: Великая Российская революция, Гражданская война, голод и разруха, бандитизм. Значительное место в процессе объединения большевистской организации Кабардино-Балкарии отводилось областным конференциям РКП(б), которые оформили создание партийной организации, избрали руководящие партийные органы.

### Источники

Управление Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ КБР).

### Литература

*Бетрова М.А., Анажева Е.Х.* Система подготовки партийных и советских кадров Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 12. С. 14–20.

*Бугаев А.М., Алхастова З.М.* Формирование партийной организации Чечни (1920–1925 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 200–204.

*Жанситов О.А.* Революция в национальных округах Северного Кавказа: отражение в белоэмигрантских источниках // Вестник КБИГИ. 2017. № 2 (33). С. 22–28.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1967. 439 с.

*Кармов А.Х.* Общественно-политическая ситуация в Кабарде и Балкарии и начало борьбы с политическим бандитизмом в 1920 г. // Кабардино-Балкария в XX – начале XXI в.: политические и социокультурные преобразования. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 33–50.

*Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 309 с.

*Лобанов В.Б.* К истории гражданской войны на Северном Кавказе: Терское восстание 1918 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 56–64.

*Медалиев Х.Т.* Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Нальчик, 1972. 259 с.

Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1971. 393 с.

Путеводитель по архивным фондам Кабардино-Балкарской Республики (1589–2015 гг.). Нальчик: Изд-во «Принт Центр», 2016. 656 с.

*Сабанчиев Х.М.* Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по осуществлению культурной революции. Нальчик: Эльбрус, 1973. 80 с.

*Сартикова Е.В.* Организационное оформление Калмыцкой областной партийной организации (1920–1921) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 52–64.

*Тетуев А.И.* Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по осуществлению аграрной политики КПСС (1965–1970 гг.): Автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 1975. 25 с.

*Тетуев А.И.* Национальная политика на Северном Кавказе в период Советской власти: общая характеристика (1917–1985 гг.) // Кабардино-Балкария в XX – начале XXI в.: политические и социокультурные преобразования. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 7–32.

*Филькин В.И.* Северокавказская краевая организация ВКП(б) в период строительства социализма (1926–1937 годы). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1975. 422 с.

## УЧАСТИЕ КОМСОМОЛА КАЛМЫКИИ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 1921 г.\*

Оконов Б.А.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии  
Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: [vostok80@mail.ru](mailto:vostok80@mail.ru)

**Аннотация:** В данной статье рассмотрены принятые комсомолом Калмыкии меры по спасению голодающих в 1921 г.

Формирование и работа комсомольских ячеек в Калмыкии осложнялось активизацией белых и «зеленых» банд. Наступившая засуха 1921 г. усугубила проблемы Калмыцкой автономной области. Мероприятия, проводимые немногочисленными комсомольскими организациями, сводились к агитационной пропаганде среди рабочего, крестьянского и калмыцкого населения, постановкам платных спектаклей, вечеров, бесед, а также материальной помощи – отчисление пайка, жалования и т. д.

**Ключевые слова:** Калмыцкая автономная область, Гражданская война, комсомол, голод в Поволжье 1921 года.

В данной работе рассмотрены принятые комсомолом Калмыкии меры по спасению голодающих в 1921 г. Этот период достаточно хорошо изучен в региональной историографии. История становления Советской власти, осложненное хозяйственной разрухой, бандитизмом и вспыхнувшим голодом на территории Поволжья, подробно освещена К.Н. Максимовым [Максимов 2002; Максимов, Лиджиева 2017]. Объектом исследований Е.Н. Бадмаевой стали голодные бедствия в Нижнем Поволжье. Она попыталась выявить причины и социально-экономические последствия, общее и особенное массового голода 1921 и 1933 гг. [Бадмаева 2010: 47–59]. В работе У.Б. Очирова рассматривались общественно-политические, социально-экономические и духовно-культурные процессы Калмыкии в период революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны [Очиров 2007]. Однако деятельность комсомола в исследуемый период не являлась предметом самостоятельного исследования и рассматривалась косвенно, в связи с необходимостью освещения тех или иных вопросов.

---

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Начало Великой Российской революции в 1917 г. стимулировало развитие молодежного движения в России. Стали организационно объединяться различные категории молодежи. В этот период активизировались союзы рабочей молодежи, новый подъем приобрело движение студенческой и учащейся молодежи. На VI съезде РСДРП(б) (июль–август 1917 гг.) отмечался рост числа молодежных организаций, и, учитывая их перспективность, было решено *«содействовать созданию социалистической организации молодежи и вменить партийным организациям в обязанность уделить этой работе возможный максимум внимания»* [КПСС 1962: 3].

Значительную роль в молодежном движении России сыграл I съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи (28 октября – 4 ноября 1918 г.). Главной задачей съезда было создание всероссийской молодежной организации. На съезде присутствовало 175 делегатов, представлявших 22 100 человек. Рабочие и крестьяне составляли подавляющее большинство (80 %) делегатов. Среди делегатов оказалось 87 большевиков, 38 сочувствующих и 45 беспартийных, 1 эсер, 1 анархист, 3 социал-демократа. Съезд объединил большинство имевшихся на тот момент организаций, за исключением отрезанных от центра уже начавшейся гражданской войной. Наиболее полно были представлены обе столицы и центрально-промышленный район [Первый 1926: 27].

Первый Всероссийский съезд РКСМ принял Устав и Программу Союза молодежи. Основными целями Союза провозглашались:

- активное участие молодежи в строительстве советской России;
- защита правовых и экономических интересов молодежи;
- пропаганда среди трудящейся молодежи всех стран идей диктатуры пролетариата и создание Коммунистического интернационала молодежи.

Для достижения этих целей РКСМ был должен:

- устраивать митинги, собрания и демонстрации молодежи;
- издавать газеты, журналы, брошюры и прочую литературу для освещения жизни молодежи;
- создавать курсы, университеты, трудовые школы и студии, где молодежь могла развиваться и учиться строить новую жизнь;
- разрабатывать и способствовать проведению в жизнь законов, улучшающих положение молодежи [Первый 1926: 51].

Первая комсомольская ячейка в Калмыкии возникла в поселке Долбан (ныне поселок Лиман) Яндыко-Мочажного улуса. Ее создали в конце 1918 г., сразу же после организации первой партийной ячейки [Сборник 1978: 30]. В середине 1919 г. появилась комсомольская организация в Багацохуровском улусе. К середине 1920 г., после провозглашения автономии Калмыкии комсомольские ячейки работали в с. Долбан, Заветное, Лагань, Калмыцкий Базар, а также в Манычском

и Малодербетовском улусах. Делались попытки созыва собственными силами волостных и аймачных съездов комсомола. Однако в работе первых ячеек были большие трудности: сказывались оторванность от Астрахани и отсутствие единого руководящего центра. И все же первые комсомольские ячейки сыграли свою роль в создании калмыцкой комсомольской организации [Первые 1963: 8].

Формирование комсомольских ячеек в Калмыкии осложнялось активизацией банд из остатков белогвардейцев, «зеленых», дезертиров, грабивших местное население. На территории Калмыцкой автономной области в начале 1922 г. действовали 6 крупных банд. Борьба против бандитизма заняла около четырех лет после окончания Гражданской войны на территории Калмыцкой степи. *«Бандитизм как таковой был изжит лишь к началу 1925 года»*, указывалось в отчете Калмыцкого обкома партии [НАРК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 173. Л. 115].

В начале 1920-х гг. в отдельных регионах Советского государства появились признаки социально-политического и хозяйственного кризиса, порожденного политикой военного коммунизма и системой продразверстки. Положение усугубила наступившая засуха 1921 г., которая поразила многие зерновые регионы страны: Поволжье, Северный Кавказ, юг Украины.

Тяжелое положение наблюдалось и в Калмыцкой автономной области. Вот, что докладывал член облисполкома А.М. Амур-Санан, в августе 1921 г. командированный в Большедербетовский улус для сбора данных об урожае, голоде, о ходе взимания налога на хлеб, мясо, масло и т. д.: *«Я немедленно приступил к изучению продовольственного состояния улуса, причем сразу же выяснилось, что таковое находится в катастрофическом состоянии. Картина неурожая необычна: не уродился не только хлеб, но также нет ни картофеля, ни других огородных овощей, нет также ни сена, ни соломы. Засушливость лета была так велика, что не только не уродился хлеб, даже погибли травы и сорные травы, как-то: бурьян и прочее. Вся территория Большедербетовского улуса, как и соседнего Медвежинского уезда Ставропольской губернии представляет собой унылую, черную голую степь»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 2]. В сентябре 1921 г. чрезвычайный уездный съезд Советов Большедербетовского улуса, состоявшийся в Башанте, постановил собрать весь скот улуса в одно стадо и отогнать на озеро Маныч, где растут камыши. Для безопасности было решено создать особый отряд для охраны скота. У Калмыцкого обкома и ЦИК запросили сто винтовок с необходимым количеством патронов для улусного земельного отдела, на который возлагалась задача организации зимних выпасов скота с особым отрядом. Подчеркивалось, что если оружие не будет выдано, то погибнет весь скот, а вместе с ним и население [НАРК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6].

Для борьбы с голодом и спасения населения декретом ВЦИК от 18 июня 1921 г. была образована Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) – организация с чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения продовольствия. Возглавил ее председатель ВЦИК М.И. Калинин. Комиссии помощи голодающим создавались и при ЦИК автономных республик РСФСР, губернских, уездных и волостных исполкомах, при профсоюзах и крупных предприятиях. В августе была создана областная комиссия помощи голодающим в Калмыкии. 13 августа 1921 г. ЦК Помгол признал Калмыцкую автономную область голодающим регионом, и с этого времени она стала пользоваться соответствующими льготами [Бадмаева 2010: 49].

На борьбу с голодом в Поволжье были мобилизованы все молодежные организации Юга России. 12 августа 1921 г. прошло поволжское совещание РКСМ по борьбе с голодом. По содокладу секретаря саратовской комсомольской организации Я.С. Фейгельсона «Участие РКСМ в борьбе с голодом» была вынесена следующая резолюция с 4 основными тезисами:

*«Основными предпосылками успешности этой кампании участия РКСМ в борьбе с голодом являются:*

*а) перестройка всей работы в направлении концентрации максимума сил и внимания на борьбу с голодом;*

*б) вовлечение в активное участие в этой кампании в первую очередь членов РКСМ, а затем широких масс беспартийной молодежи;*

*в) согласованность и планомерность всех работ РКСМ в области борьбы с голодом;*

*г) установление тесной связи и контакта с соответствующими парткомами, а также государственными и общественными органами, ведущими непосредственную борьбу с голодом»* [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 105].

Первый тезис *«о переводе всей работы организаций РКСМ неурожайных губерний на рельсы борьбы с голодом»* было решено считать решенным в уже принятой резолюции по докладу секретаря ЦК РКСМ Риблина *«О направлениях работы организаций РКСМ в голодающих губерниях»*.

Второй тезис было решено реализовать в кратчайший срок (желательно в течение августа) путем проведения всеобщей агитационной кампании под лозунгом: *«Молодежь на борьбу с голодом»*. При этом предписывалось:

*«а) Кампания в порядке постепенности проводится среди:*

*1. Активных работников РКСМ.*

*2. Членов КСМ.*

*3. Беспартийной молодежи (привлечение ее на заседаниях ячеек, организация собраний по предприятиям, созыв, если позволяет политичес-*

*кая обстановка беспартийных конференций и т. д., причем агиткампания должна охватить не только рабочую молодежь, но и учащуюся).*

*б) Содержание агитации: выявление размеров бедствия, недопустимость и губительные последствия паники, противопоставление паники.*

*1) Государственная борьба с голодом. 2) Мобилизация всех сил населения, необходимость активного участия организации союза в борьбе с голодом и конкретный план участия.*

*в) Указанная агиткампания, конечно, не ограничивается одной молодежью, но параллельно охватывает в особенности в деревне взрослое население.*

*г) Агиткампания должна быть проведена в ударном и боевом порядке, концентрацией на ней всех сил и внимания союза.*

*д) Необходимо проведение и соответствующей печатной пропаганды, выпуск воззваний, тезисов, специальных газет» [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 105].*

Для реализации третьего тезиса (согласованность и планомерности всех работ РКСМ в сфере борьбы с голодом) было решено:

а) установить непосредственную связь ЦК РКСМ с обкомом по борьбе с голодом через выделение туда авторитетных представителей;

б) созывать по мере надобности областное поволжское совещание комитетов комсомола голодных губерний для определения дальнейшей линии участия РКСМ в борьбе с голодом;

в) все региональные комитеты РКСМ голодающих губерний Поволжья обязали каждые две недели информировать ЦК РКСМ о положении в губернии, проведенных и намеченных мероприятиях. На основе полученного материала ЦК РКСМ должен был организовать обмен опытом, выделяя из докладов все ценное и новое, рекомендуя их к проведению во всех голодающих губерниях.

Для решения четвертого тезиса (установление связи с соответствующими органами, ведущими борьбу с голодом) было решено послать туда представителей комитетов (в частности, в волостные и сельские комитеты взаимопомощи) для получения своевременной информации обо всех намеченных мероприятиях, выяснения характера и степени возможного участия членов РКСМ в их проведении. При этом предписывалось обратить большое внимание на регулярный и тщательный контроль работы этих представителей [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 106].

Совещание не только приняло указанную резолюцию и буквально «разжевало» содержание всех ее тезисов, но и наметило ряд практических мер по участию в борьбе с голодом. Было решено, что первой наиболее срочной мерой по борьбе с голодом станет участие в сборе продналога в тех частях неурожайных губерний, которые оказались сравнительно благоприятными по урожаю. Комсомольцы должны были провести агиткампанию о сущности и важности продналога

среди членов комсомола и беспартийной молодежи; мобилизовать необходимое количество членов комсомола для сбора продналога в урожайных районах; участвовать в охране и конвоировании собранного хлеба.

Дальнейшее участие в борьбе с голодом должно развернуться по двум направлениям: 1) в сравнительно благополучных по продовольственному положению уездах и городах; 2) в голодающих районах. По первому направлению особое значение придавалось широкой кампании по сбору продуктов голодающим, а также денег и предметов для создания товарообменного фонда через специальные отчисления из жалованья и пайков, организации «дней», «недель» и т. д. В голодающих местностях комсомольцы должны были вести следующую работу: выявлять места и степень бедствия, участвовать в организации общественного питания, особенно детского, в организации детской инспекции, в регулировании переселения, организовывать дома-коммуны для членов РКСМ и дружины для производства общественных работ [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 106].

В связи с голодом резко возросла роль кооперативного движения в поволжских губерниях, так как именно оно отвечало за организацию товарообмена. Однако аппарат кооперации работал неудовлетворительно, поэтому партийные и советские организации приняли срочные меры к его усилению. Комсомольским организациям было предписано принять деятельное участие в кооперативном движении путем привлечения туда комсомольцев, имеющих опыт работы в кооперации, направления комсомольцев и беспартийной молодежи на кооперативные курсы, организации новых кооперативов по своей инициативе, улучшения работы многолавок, поощрения расширения сферы деятельности кооперативов [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 106].

Кроме того, комсомольцы должны были принять активное участие в посевной кампании: *«Голодающим губерниям приходится сейчас концентрировать внимание не только на необходимость удовлетворения населения минимального количества продовольствия, но и на факты грядущей катастрофы сельского хозяйства, в случае провала посевной кампании. Однако в виду не совсем выяснившихся перспектив этой кампании сейчас можно указать лишь на следующие формы участия КСМ в кампании:*

- а) агитация за обращение озимой ржи на семена;*
- б) участие в сортировании семян;*
- в) взятие на себя инициативы в деле организации товарообмена для закупок семенного материала;*
- г) в заготовке древесного сена;*
- д) помощь семьям красноармейцев в деле засева полей путем воскресников;*

е) участие в кампании по сокращению совхозов (обеспечение увольнения молодежи, переброски ее в другие губернии, концентрация лучшей ее части в остающихся совхозах);

ж) участие в сельскохозяйственной мелиорации» [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 107].

Еще одной проблемой стали значительные сокращения рабочих мест в промышленности и массовые увольнения рабочей молодежи, что в условиях голода могло обернуться для нее тяжелыми последствиями. *«Сокращение промышленности и связанное с этим увольнение массы молодежи с других предприятий в условиях голода должно заставить нас громадную часть внимания организации КСМ обратить на борьбу с голодом среди этой молодежи. В связи с этим приобретает колоссальное значение профтехническое образование. Организациям КСМ необходимо немедленно начать подготовительную работу по открытию возможного количества профтехнических школ для определения туда хотя бы части уволенных подростков. Кроме того, необходимо применить принцип самоснабжения на основе превращения школ в производственные кооперативы. До начала учебного года для этой части уволенной молодежи, которой обеспечен прием в профтехучища, необходимо организовать сезонные работы»* [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 128. Л. 107].

Таким образом, поволжское совещание комсомола стало переломным моментом в деятельности комсомольских организаций по борьбе с голодом. Выработанные на нем стратегия и тактика органически сочетались с другими направлениями комсомольской работы, в том числе внутрисоюзной.

В августе 1921 г. в Астрахани открылся 1-й съезд комсомола Калмыкии. На съезд прибыло 48 делегатов от местных комсомольских ячеек. Делегаты отметили, что комсомольская работа в области только начинается, а в рядах комсомола числится только 240 человек. В резолюции съезда подчеркивалось, что главной задачей Калмыцкого обкома комсомола на ближайшее время должно было стать организационное оформление областной организации, создание улусных комитетов, налаживание связи обкома с местами. Ответственным (первым) секретарем обкома был избран Иван Уткин – представитель ЦК РКСМ. Также в обком вошли: Сукочев, Кадышев, Атуев, Варзин и кандидат Загорянский [НАРК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2].

Работа съезда, который проходил под непосредственным руководством Калмыцкого обкома РКП(б), началась в торжественной обстановке. Почетным председателем съезда был избран В.И. Ленин. По поручению обкома РКП(б) на съезде с докладом о международном и внутреннем положении Советской республики выступил Л. Михайловский, который значительное место в своем выступлении

отвел голоду. Заслушав доклад, делегаты постановили: *«Принимая во внимание тяжелое положение всей республики вообще, и Калмыцкой автономной области решили выполнить задачу, данную на РКСМ партией и Советским правительством. Мы очень сожалеем, что так поздно начинаем принимать участие в Советском строительстве, но думаем, что в настоящий момент со свежими силами можем принести большую пользу республике. Заслушав также доклад о новой правительственной политике со всеми силами будем стараться в скорейшем провести в жизнь кооперацию и натуралог. Принимая во внимание бедственное положение Поволжья, наш долг принести как можно больше пользы и оказать помощь голодающему Поволжью»* [НАРК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5].

Даная инициатива по помощи голодающим была подхвачена и Юго-Восточным бюро ЦК ВЛКСМ, руководившим горскими комсомольскими организациями, которое предложило губернским и областным комитетам комсомола принять участие в двухнедельнике Помгола [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 124. Л. 20].

Нужно отметить, что комсомольские организации в своей работе иногда сталкивались с отсутствием поддержки со стороны губернской организации. Так, на заседании обкома РКСМ 25 октября 1921 г., в котором участвовали Тришкиев, Сукочев, Уткин, Варзин, Кадушев и Атуев, выяснилось, что комиссия помощи голодающим, созданная обкомом в составе Атуева, Кадушева, Манцаева и двух представителей от ячейки РКСМ, к работе не приступила (за исключением нескольких шагов, предпринятых Атуевым) и даже протокольно не утверждена. Дело в том, что комиссия губкома решила работать самостоятельно. Проанализировав ситуацию, обком РКСМ постановил: *«Принимая во внимание, что старый член комиссии тов. Манцаев очень нагружен другой работой, а два других уехали, решили комиссию утвердить в составе Атуева и Кадушева и вновь назначенного тов. Тришкиева»* [НАРК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1а. Л. 13].

Комсомольские ячейки в Калмыкии в это время были немногочисленными и не могли оказать большой материальной помощи своим соотечественникам. Поэтому было решено, что комсомольцы окажут сильную помощь в соответствии с местными условиями, но основной упор будет сделан на агитационной работе. В январе 1922 г. Калмыцкий обком РКСМ совместно с обкомом РКП(б) принял постановление «О проведении недели помощи голодающему населению Поволжья»: *«...с 23 января по 6 февраля. Принимая во внимание важность организаций РКСМ в государственном масштабе, огромной роли их, каковая была достигнута многолетней борьбой РКСМ за свое право политическое и право существования, показали нам, что мы, молодежь, в настоящее время не потеряем престижа, мы, молодежь, первые должны от-*

*кликнуться на мольбы наших голодающих братьев, мы первые с чистой душой, должны осознать важность этой Недели помощи голодающим, должны помочь таким же существам, как и мы.*

*Обком РКСМ как руководящий орган молодежи Калмыцкой автономной области, этой обширной по территории местности, но в меньшей мере обширной по населению, предлагает всем улкам РКСМ области провести эту Неделю совместно с улками РКП(б). Неделю может проводиться по многим путям и направлениям, согласно с местными условиями и положением. В общем провести Неделю в порядке агитационной пропаганды среди рабочего, крестьянского и калмыцкого населения, постановкой платных спектаклей, вечеров, бесед и также материальной помощью, как-то отчислением пайка, жалования и т. д. Обком предлагает напрячь все силы организации РКСМ. Этим самым мы, молодежь, выдвинем громадное полчище против страшного врага – голода.*

*Для проведения Недели помощи голодающим мобилизуются все культурно-просветительные силы по приведению таковой. Весь сбор фонда помощи выслать в обком РКСМ, комиссии помощи голодающим» [Сборник 1978: 35].*

Таким образом, формирование комсомольских организаций происходило на фоне активизации местных банд. Наступившая засуха 1921 г. усугубила проблемы Калмыкии, в том числе и комсомола. Мероприятия, проводимые немногочисленными комсомольскими организациями, сводились к агитационной пропаганде среди рабочего, крестьянского и калмыцкого населения, постановке платных спектаклей, вечеров, бесед, а также материальной помощью – отчислением пайка, жалования и т. д.

### **Источники**

КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов (1917–1961 гг.). 3-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1962. 400 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации. (1921–1931 гг.). Документы, статьи, воспоминания / Сост. А.В. Мирошниченко, А.К. Зундугинов, А.И. Наберухин. Элиста: Калмиздат, 1963. 184 с.

Первый Всероссийский съезд РКСМ, 29 октября – 4 ноября 1918 г. 3-е изд. М.–Л.: Молодая гвардия, 1926. 102 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 256 с.

**Литература**

*Бадмаева Е.Н.* Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 4(26). С. 47–59.

*Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

*Максимов К.Н., Лиджиева И.В.* Калмыкия в XX веке. Исторический опыт и его значение. М.: Наука, 2017. 461 с.

*Очиров У.Б.* Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2007. 39 с.

## КАЛМЫЦКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ В СОСТАВЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО И СТАЛИНГРАДСКОГО КРАЕВ В 1928–1935 гг.: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА\*

Гунаев Е.А.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: [gunaeva@kigiran.com](mailto:gunaeva@kigiran.com)

**Аннотация:** В статье исследуются условия нахождения Калмыцкой автономной области в составе укрупненных регионов (Нижеволжского и Сталинградского краев) с 1928 г. до преобразования в автономную республику в 1935 г. Рассмотрена историография реформ административно-территориального устройства РСФСР данного периода, в первую очередь Калмыцкой автономной области. На основе анализа нормативных документов РСФСР сделан вывод, что автономии в составе укрупненных регионов на основе провозглашенного принципа национально-территориального устройства государства сохранили многие права отдельных территориальных единиц, за исключением полномочий в планово-хозяйственной, финансово-налоговой и отчасти бюджетных сферах.

**Ключевые слова:** Калмыцкая автономная область, районирование, РСФСР, Нижневолжский край, Сталинградский край, административно-территориальное устройство.

Опыт развития административно-территориального деления в РСФСР периода 1920–1930-х гг. представляет научный интерес не только с исторической точки зрения, но и с позиции современности, когда в выступлениях политиков, статьях исследователей вновь поднимаются вопросы о новом федеративном устройстве России, укрупнении регионов и т. д. К примеру, в 2010 г. выдвигалась идея о Нижневолжском крае в составе Волгоградской и Астраханской областей. Республика Калмыкия не включалась экспертами в проект нового региона в силу этнических и ряда других причин [см., напр.: Белоусов 2013; Серенко 2010].

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

В этой связи, на наш взгляд, следует еще раз рассмотреть исторический опыт нахождения Калмыкии в составе укрупненного региона в 1928–1934 гг. – Нижневолжском крае, в 1934–1935 гг. – Сталинградском крае. Цель статьи – исследовать особенности нахождения национальной автономии в составе края в указанный период. Для этого нами будет рассмотрена историография истории реформ административно-территориального устройства Калмыкии указанного периода, а также отдельные конституционные акты РСФСР второй половины 1920-х гг.

Приведем сначала хронологию административно-территориальных преобразований интересующего нас региона.

21 мая 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР была образована Нижневолжская область, в состав которой вошли Калмыцкая автономная область, Астраханская, Саратовская и Сталинградская губернии и часть Пугачевского уезда Самарской губернии, с переходом от губернского, уездного и волостного деления к окружному и районному.

11 июня 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР Нижневолжская область была переименована в Нижневолжский край.

28 июня 1928 г. постановлением ВЦИК было утверждено постановление V чрезвычайного съезда советов АССР Немцев Поволжья о вхождении ее в состав Нижневолжского края. Теперь в состав Нижневолжского края с центром в г. Саратове входили Калмыцкая автономная область, АССР Немцев Поволжья и 8 округов: Астраханский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Пугачевский, Саратовский, Сталинградский и Хоперский.

23 июля 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР округа были ликвидированы.

10 января 1932 г. постановлением ВЦИК центр Нижневолжского края был переведен из Саратова в Сталинград.

10 января 1934 г. постановлением ВЦИК Нижневолжский край был разделен на: Сталинградский край (центр – г. Сталинград) и Саратовский край (центр – г. Саратов) [История 2012: 6–7].

Вопросам развития административно-территориального устройства РСФСР посвящены научные работы и диссертации общего плана [Брылев 2018; Горбачев 2017; Клейтман 2018; Круглов 2015; Минеева 2018; Сухова, Филенкова 2017; Тархов 2005; Филимонов 2012; Ширяев 2011; Шульгина 2005]. Однако вопрос статуса национальных автономий в составе укрупненных краев и областей в период этих реформ с учетом нормативных актов РСФСР не отражен, на наш взгляд, в полной мере. Относительно Калмыкии данный вопрос также не был предметом специального рассмотрения, за исключением работ К.Н. Максимова общеисторического характера [Максимов 1970, 2002]. Кроме того, различные аспекты функционирования Калмыкии в Нижневолжском (Сталинградском) крае был рассмотрен в работах Е.Н. Бадмаевой [Бадмаева 2012а],

С.Г. Бадмаевой [Бадмаева 2012б], С.С. Белоусова [Белоусов 2012], И.В. Борисенко и С.И. Убушиевой [Борисенко, Убушиева 2000].

В работах советского периода вхождение Калмыкии в укрупненные регионы оценивалось, разумеется, положительно. Примером может служить следующее утверждение: *«Большую роль в строительстве социализма в Калмыкии, в ликвидации экономической и культурной отсталости калмыков, в укреплении дружбы и сотрудничества народов сыграли Нижне-Волжский и Сталинградский края, в которые входила Калмыцкая автономная область. При их всесторонней помощи была одержана победа социализма и подготовлено преобразование Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР»* [Орехов 1970: 89].

Согласно К.Н. Максимову, *«включение Калмыцкой автономной области в состав Нижне-Волжского края нисколько не ущемляло ее права и не ограничивало осуществление самостоятельной государственной власти. Наоборот, оно способствовало быстрому ее экономическому и культурному развитию»* [Максимов 1970: 14]. В подтверждение своих слов он указал на следующие факты. Взаимоотношения Калмыцкой автономной области с краем регулировались постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти» от 29 октября 1928 г. [Конституции 1940: 211–213]. Калмыцкая автономная область управлялась областным исполнительным комитетом, избираемом на областном съезде Советов, и пользовалась всеми правами, предоставленными Конституцией РСФСР, постановлениями ВЦИК, в том числе вышеназванным. Она была независима от краевых органов управления в области организационной и административной, народного образования и архивного дела, здравоохранения, социального обеспечения, юстиции, местного хозяйства, земельного управления и местного бюджета [Максимов 1970: 15].

В постсоветский период он сохранил свою точку зрения, но с некоторыми оговорками. К.Н. Максимов подчеркивал, что Калмыцкая автономная область, являясь составной частью Нижневолжского края, в административном отношении подчинялась центральным органам РСФСР. Защита интересов Калмыкии осуществлялось через представительство Калмыцкой автономной области при Президиуме ВЦИК, образованном в 1924 г. вместо ликвидированного одноименного органа при Наркомнаце РСФСР. Она была представлена также и в высшем органе государственной власти Союза ССР – ЦИК. В Совете Национальностей был один представитель от Калмыкии. Таким образом, формально Калмыцкая автономная область оставалась независимой от краевых органов.

В то же время законодательно она была ограничена во многих сферах: финансовой, налоговой, кадровой политики. В связи с установлени-

ем единства хозяйственного руководства на основе общих хозяйственных планов и бюджетов существенно суживались полномочия и компетенция автономной области. Включение органов власти автономной области в единую систему административного краевого управления, основанную на принципах демократического централизма, ограничивало самостоятельность государственных органов в решении многих вопросов, находившихся в их компетенции. В национальных областях были созданы органы государственной власти и управления общекраевого характера с полномочиями высшего органа государственной власти на территории края, постановления и решения которых имели верховенство на территориях автономий. Исполкомы советов края были наделены правом отменять, изменять и приостанавливать решения всех нижестоящих органов власти. В целях усиления контроля и надзора за деятельностью органов власти и управления автономий, исполнением ими законов в состав их государственных учреждений в обязательном порядке входили представители и руководители партийных и государственных органов края.

В результате, полагает К.Н. Максимов, фактически субъектами РСФСР стали краевые объединения, органы власти которых были наделены законодательной инициативой в центральных органах государственной власти РСФСР. Представители края могли участвовать с правом совещательного голоса в заседаниях центральных органов РСФСР, где рассматривались вопросы края, отдельных его составных частей. Важнейшие рычаги управления экономикой края и его субъектов (передвижение кредитов, перераспределение материальных ресурсов, дополнительное финансирование и т. п.) были сосредоточены в краевых органах государственной власти и управления [Максимов 2002: 295–297].

Аналогичная позиция отражена в исследованиях и других авторов постсоветского периода. Например, основной вывод С.Г. Бадмаевой заключается в том, что *«с вхождением Калмыцкой области в состав Нижне-Волжского края, Калмыкия сохранила за собой прежние права национальной автономной области, однако органы власти и управления автономии находились в подчинении органов власти и управления Нижне-Волжского края»* [Бадмаева 2012б: 44].

Е.Н. Бадмаева подчеркнула, что решение об образовании Нижне-волжского края с включением в него национальных автономий, в самих автономиях было встречено неоднозначно. *«Часть немецкого и калмыцкого населения, в основном представители интеллигенции, выступили против этого акта, не без оснований полагая, что он приведет к еще большему ущемлению прав автономии»* [Бадмаева 2012а: 54].

Как отмечает С.С. Белоусов, поскольку по проекту в состав укрупненного региона должны были войти две национальные автономии, то для центра большое значение имели также и мнения их управленческих

элит. «Судя по документам, проект объединения в Нижне-Волжскую область не вызвал у них энтузиазма, однако, в целях самосохранения, они вынуждены были проявлять известную осторожность, чтобы не быть обвиненными в несогласии с правительственной политикой по укрупнению регионов. Одоблив в целом данную политику, они в то же время предложили свои варианты укрупнения нижневолжского региона... Вопрос об объединении нижневолжских административно-территориальных образований в единую область вызвал оживленную дискуссию среди руководящих работников Калмыкии. На заседании 29 февраля 1924 г. 2-й сессии пленума ЦИК Автономной области 4-го созыва большинство руководящих работников высказались против включения автономии в Нижне-Волжскую область, сославшись на своеобразие хозяйственного и национального уклада жизни населения Калмыкии, удаленность ее от Саратова, различие природный условий. На сессии прозвучали предложения подумать о присоединении калмыцкой области к Киргизской (Казахской) АССР или к Северо-Кавказскому краю, часть руководящих работников склонялись к мысли об объединении с Астраханской и Букеевской губернией (Киргизская (Казахская) АССР)...

Для немецкой и калмыцкой элит главной задачей в процессе подготовки укрупнения региона являлось сохранение правового статуса их национальных автономий и по мере возможности их самостоятельности. Их создание преподносилось как пример правильного решения национального вопроса в России – образец для подражания народами других стран. Руководители немецкой и калмыцкой автономий постоянно подчеркивали международную значимость своих национальных административно-территориальных образований, прежде всего, с позиции инициирования развертывания освободительной борьбы трудящихся Германии и стран Востока против своих социальных и национальных угнетателей. В новом укрупненном регионе свой статус и почти все права сохранили АССР немцев Поволжья и Калмыцкая автономная область» [Белоусов 2012: 164–170].

В «Очерках исторической географии Калмыкии» отмечается, что «ни Немреспублика, ни Калмобласть не были включены в окружную систему края, делившуюся на 8 таких административных единиц...» [Борисенко, Убушиева 2000: 89].

Данные административно-территориального деления показывают, что национальные автономии действительно входили в состав Нижневолжского края обособленно [Административно-территориальное 1931: 114–115; 1934: 106–107].

Различные аспекты истории реформы административно-территориального устройства Калмыкии изучалась также учеными и из других регионов. Например, интерес волгоградского ученого А.Л. Клейтмана вызвал проект царицынских специалистов, которые в период подготов-

ки планов районирования предлагали создать Нижневолжскую область с центром в Царицыне. По этому проекту территория Калмыцкой автономной области без Ремонтненского уезда должна была составить Калмыцкий округ [Клейтман 2018]. При этом А.Л. Клейтман, указав, что *«Нижне-Волжская область была создана по проекту, разработанному, главным образом саратовскими исследователями...»*, подчеркнул, что *«в Нижнем Поволжье продолжались административно-территориальные реформы... в 1934 г. Нижне-Волжский край был разделен на Саратовский и Сталинградский края. Границы и внутреннее устройство Сталинградского края в основном соответствовали тем, которые были предложены царицынскими (сталинградскими) учеными в 1920-х гг.»* [Клейтман 2018: 75].

По мнению О.В. Шульгиной, принятая реформой 1929 г. система административно-территориального деления сочетала в себе три принципа: хозяйственный, политический и национальный [Шульгина 2005: 25]. Как переплетались хозяйственный и национальный принцип хорошо видно на примере вышеназванного постановления ВЦИК и СНК РСФСР *«О взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти»* от 29 октября 1928 г. С одной стороны, гарантировалось, что автономные области, вошедшие в состав краевых объединений, *«управляются согласно Конституции РСФСР областными исполнительными комитетами автономных областей, избираемыми на съездах советов этих областей, и пользуются всеми правами, предоставленными им постановлениями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об их образовании и положениями о каждой из названных областей, утверждаемыми в порядке, указанном в ст. 44 Конституции РСФСР, а также последующими узаконениями»* (п. 1). Исходя из этого, в ряде сфер, как было указано выше, автономии были независимы от краевых органов власти и управления.

Также на территории автономных областей действовали обособленно от краевых органы военного управления, суда и прокуратуры. Автономным областям было предоставлено право опротестовывать постановления и распоряжения краевых органов власти в Совнаркоме РСФСР или в Президиуме ВЦИК, или даже приостанавливать действие распоряжения краевого исполнительного комитета с последующим обжалованием в вышеназванных центральных органах власти. Автономные области сохраняли право непосредственного обращения в центральные органы власти – СНК РСФСР и Президиум ВЦИК, Экономический Совет и народные комиссариаты РСФСР (с уведомлением об этом краевых органов власти). Также они сохраняли за собой право непосредственного выбора на своих областных съездах советов делегатов на всероссийские съезды и совещания.

На краевой исполнительный комитет возлагались полномочия в основном в планово-хозяйственной, финансово-налоговой и бюджетных областях. Например, распределение (перераспределение) местных имуществ и предприятий к находящимся в ведении края или автономной области; установление для вошедших в край автономных областей размеров отчислений от общегосударственных налогов и доходов; определение размеров пособий из краевого фонда регулирования маломощным автономным областям; рассмотрение в порядке надзора бюджетов, утвержденных съездами советов автономных областей, входящих в край, а также свода бюджетов по каждой автономной области в случае их бездефицитности, *«в отношении соответствия их действующим узаконениям и увязки их с общекраевым хозяйственным планом»*. В последнем случае краевой исполком рассматривал и отчеты об исполнении бюджета автономной области, в том числе в случае его дефицитности, *«но лишь в целях преподания областному исполнительному комитету указания об общей цифре, на которую должна быть снижена расходная часть бюджета автономной области»* [Конституции 1940: 211–213].

Необходимо отметить, что в области общегосударственного бюджета автономные области пользовались всеми правами, установленными положением «О бюджетных правах автономных областей», утвержденным ВЦИК и СНК РСФСР 17 августа 1925 г. [Конституции 1940: 174–175]. В соответствии с п. 1 данного положения доходы и расходы автономных областей РСФСР включались в государственный бюджет РСФСР в составе смет доходов и расходов соответствующих народных комиссариатов. Отдельные финансовые сметы доходов и расходов по автономным областям могли составляться в самих областях. Затем эти сметы сообщались в соответствующие народные комиссариаты для последующей увязки их со сметами наркоматов (п. 2). Автономные области согласовывали свои хозяйственные планы в соответствии с общехозяйственными планами края. В случае разногласия по хозяйственным планам между автономными областями и краевым исполнительным комитетом разногласия эти разрешались Экономическим Советом и Совнаркомом РСФСР.

Опротестование краевым исполнительным комитетом постановлений исполнительного комитета автономной области производилось на общем основании, в соответствии с которым сначала краевой исполком обращался в областной исполком автономии с предложением пересмотреть спорный акт. В случае подтверждения областным исполкомом автономии своего постановления краевой исполком обращался в Совнарком РСФСР или Президиум ВЦИК с представлением об отмене указанного постановления областного исполкома автономной области [Конституции 1940: 211–213].

В области труда, рабоче-крестьянской инспекции, торговли, статистики и работы ГПУ, а также в финансово-налоговой области исполкомы автономных областей подчинялись директивам как центральных органов власти, так и краевых исполкомов и их президиумов. За президиумом краевого исполкома сохранялось право отвода должностных лиц указанных органов при их назначении исполкомом автономной области.

При распределении всех фондов и кредитов в центральных органах РСФСР устанавливалась доля в них автономных областей, входящих в состав края, вместе взятых, притом, что распределение ассигнований между отдельными автономными областями края производилось краевым исполкомом.

Транспорт общегосударственного значения и управление почтово-телеграфной сетью оставались в ведении уполномоченных соответствующих наркоматов при краевых исполкомах. Находящиеся на территории автономных областей фабрики, торговые заведения и иные производственные и торговые единицы, входящие в уставные капиталы общесоюзных, республиканских и общекраевых промышленных и торговых предприятий, находились в ведении и непосредственном управлении соответствующих центральных или краевых органов управления государственной промышленности и торговли и их уполномоченных на местах. За автономными областями обеспечивалось участие в рассмотрении организационных и производственных планов упомянутых фабрик, предприятий и единиц путем представления областным исполкомом заключений по существу этих планов в краевой исполком [Конституции 1940: 211–213].

*В литературе отмечается, что «устройство на основе экономических районов вступило в противоречие с нарастающей ведомственностью, установившимся в конце 1920-х гг. централизованным отраслевым принципом управления «народным хозяйством» (через систему союзных наркоматов и объединений). Последнее считалось наиболее соответствующим потребностям оперативного и эффективного проведения курса на индустриализацию и коллективизацию. Все это предопределило достаточно резкую смену вектора преобразований – и начало нового этапа (дробления)» [Круглов 2015: 223].*

Таким образом, при рассмотрении нормативных документов, регулирующих взаимоотношения органов власти и управления края и автономных областей в изучаемый период, можно сделать вывод о том, что автономии сохранили многие права отдельных территориальных единиц, за исключением полномочий в планово-хозяйственной, финансово-налоговой и отчасти бюджетных сферах. С другой стороны, как представляется, складывавшаяся административно-командная система нивелировала указанные права автономий, и краевые органы власти и

управления могли беспрепятственно вмешаться не только в хозяйственную, но и в иные сферы деятельности автономий.

Вместе с тем, провозглашавшийся в Конституциях СССР и РСФСР принцип национально-территориального устройства, а также сохранившееся за автономными областями бюджетное финансирование по отраслевому принципу, на наш взгляд, способствовало их сохранению в качестве отдельных национально-территориальных единиц, хотя и в составе укрупненных регионов, но с выходом напрямую на центральные органы власти РСФСР и СССР.

#### Источники

Административно-территориальное деление Союза ССР [с изменениями с 15 нояб. 1930 г. по 1 окт. 1931 г.]: Районы и города СССР. М.: Власть Советов, 1931. 311+6 с.

Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М.: Власть Советов, 1934. XXXII+350 с.

История административно-территориального деления Сталинградского (Нижневолжского) края. 1928–1936 гг.: Справочник / Сост. Д.В. Буянов, Н.С. Лобчук, С.А. Норицына. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 575 с.

Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918–1937 гг.: Сб. док-тов. М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета СССР». 1940. 299 с.

#### Литература

*Бадмаева Е.Н.* Советский опыт административно-территориального устройства и современность // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. научно-практич. конф., посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012а. С. 53–58.

*Бадмаева С.Г.* Калмыцкая автономная область в составе Нижне-Волжского края: роль и значение // Вестник Калмыцкого университета. 2012б. № 2(14). С. 41–44.

*Белоусов С.С.* К истории создания Нижневолжского края // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. С. 164–170.

*Белоусов С.С.* Реанимация проекта Нижне-Волжского края в начале XXI в. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 17–21.

*Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 90-х г. XX в. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 168 с.

*Брылев В.А.* Формирование территории Волгоградской области и агломерации в XX столетии: границы, административное устройство // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (128). С. 215–221.

*Горбачев О.В.* «Эй, губернии, снимайтесь с якорей!»: идея территориального освоения в большевистской мифологии // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 3. С. 675–692.

*Клейтман А.Л.* Проекты экономического районирования и административно-территориального устройства Нижнего Поволжья в трудах царицынских (сталинградских) ученых 1920-х гг. // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 3. С. 69–76.

*Круглов В.Н.* Формирование территориального устройства РСФСР: административные, экономические и национальные аспекты (1918–1992 гг.) // *Труды института российской истории РАН*. 2015. № 13. С. 217–240.

*Максимов К.Н.* Органы государственной власти и управления Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.). Элиста: [б. и.], 1970. 67 с.

*Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.

*Минеева Е.К.* Проблема экономического районирования в РСФСР в 1920–30-е гг. (на материалах Чувашской автономии) // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2018. № 1(45). С. 50–54.

*Орехов И.И.* За дальнейшую разработку истории Калмыцкой АССР советского периода // *Ученые записки. Сер. истор.* № 9. Элиста: Калм. НИИЯЛИ, 1970. С. 70–96.

*Серенко А.* Нижневолжское укрупнение // *Независимая газета*. 2010. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ng.ru/regions/2010-11-11/1\\_volga.html](http://www.ng.ru/regions/2010-11-11/1_volga.html) (дата обращения 07.09.2018 г.).

*Сухова О.А., Филенкова О.А.* Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // *Новейшая история России*. 2017. № 1(18). С. 62–77.

*Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // *Логос*. 2005. № 1(46). С. 65–101.

*Филимонов В.Я.* Проблемы сельскохозяйственного и административного районирования России в 1920-е гг. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. № 1. С. 390–402.

*Ширяев Е.А.* Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 1930-е годы // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2011. Вып. 26. С. 1–12.

*Шульгина О.В.* Административно-территориальное деление России в XX веке: Историко-географический аспект: автореферат дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. 42 с.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ КРЕСТЬЯН НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ ЮГА РОССИИ В 1920–1930-е гг.\*

Бадмаева Е.Н.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН

**Аннотация.** На материале национальных автономий юга России – Чечни, Кабардино-Балкарии и Калмыкии исследованы региональные особенности репрессивной политики советского государства. Такой подход позволил передать характер противоречий между новым режимом и крестьянством, в определенной степени позволил восстановить картину репрессий в хронологической последовательности, количественных аспектах и конкретных формах. На примере автономных образований юга России показаны применяемые властью методы репрессий и группы пострадавших среди крестьянства. Реальные факты, взятые из истории советского прошлого, дали возможность представить формы насилия и репрессий, механизм, размах и смысл массового террора в 1920–1930-е гг.

**Ключевые слова:** Крестьяне юга России, Чечня, Кабардино-Балкария Калмыкия, политика в отношении крестьянства, коллективизация сельского хозяйства, репрессии.

Репрессии власти против крестьянства в конце 1920-х–1930-е гг. – одна из трагических страниц социальной истории страны. Смысл нового массового террора в деревне, восходящего к началу демонтажа нэпа и коллективизации сельского хозяйства, состоял с точки зрения его организаторов в уничтожении остатков недобитых эксплуататорских классов, сопротивлявшихся социалистическим преобразованиям. Крестьянское сопротивление в 1928–1938 гг., безусловно, было слабее, чем в 1918–1922 гг., а государство стало сильнее, поскольку *«за время нэпа государство усилилось в большей степени, нежели восстановилась деревня»* [Грациози 2001: 41].

Большевистская партия после захвата власти сразу же определила круг своих классовых врагов, потенциально подлежащих репрессиям и дискриминации. В него попали представители дореволюционного дво-

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

рянства, бывшие капиталисты и белогвардейцы, служители культа и др. Люди, имевшие буржуазное прошлое, по социальному происхождению априори считались классовыми врагами, естественными противниками Советской власти. К таковым также причисляли представителей «старой интеллигенции», к услугам которых пришлось прибегнуть новой власти в условиях отсутствия необходимого количества подготовленных кадров для решения конкретных экономических задач. Центральное руководство обвиняло их в срыве сельскохозяйственных работ, неурожаях, случавшихся в те годы с завидным постоянством, и в сложившемся трудном продовольственном положении в стране. Власть, наверное, имела некоторое основание не доверять специалистам из «бывших», поскольку большинство из них негативно относились к большевистской программе общественно-политического и социально-экономического развития страны. Но говорить о том, что «бывшие» в целом на практике саботировали мероприятия советской власти, занимались «вредительством», видимо, будет все-таки неверно. С их стороны, конечно, выражался протест, но не открытый, а больше пассивный, особо не угрожавший власти. Дискриминации против этой части общества выражались в разных формах, в частности, в лишении избирательных прав.

Граждане, лишённые избирательных прав, сталкивались с определенными сложностями при приеме на работу, поступлении в учебные заведения, их не призывали в Красную армию, не принимали в партию и комсомол и т. д. Дети «лишенцев», в связи с утратой избирательного права их родителей, автоматически становились «неполноправными гражданами». Можно согласиться с утверждением Т.У. Эльбуздукаевой: *«лишение избирательных прав рассматривалось, как дополнительный вид репрессии, который одновременно мог рассматриваться, как условие применения к лицу политических репрессий»* [Эльбуздукаева 2015: 67].

В Калмыкии в 1924 г. в число лиц, подвергнутых политической дискриминации в виде лишения избирательных прав, попали служители церкви, бывшие офицеры, нойоны, зайсанги, а также некоторое количество кулаков. По приблизительным данным профессора К.Н. Максимова в указанном году *«по области... были исключены из списка избирателей по разным мотивам около 1 600–1 700 человек»*. Количество таких в разные годы варьировалось то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения: в 1925 г. в списке было 1 864 чел., в 1926 г. – 1 174 чел. В следующие годы происходит заметное увеличение количества лиц, лишённых избирательных прав (в 1927 г. – 4 719 чел.; в 1928 г. – 4 492 чел.). В процентном отношении «лишенцы» составили соответственно 6,2 и 5,6 % от общего количества избирателей Калмыцкой автономной области. По категории «бывшие» избирательных прав лишились в 1927 г. – 339 чел., в 1928 г. – 229 [Максимов 2004: 24].

В Кабардино-Балкарии избирательных прав лишались: 1) служители религиозного культа; 2) бывшие белогвардейцы; 3) торговцы; 4) ранее служившие в Красной армии, затем мобилизованные в Белую армию; 5) занимавшиеся и занимающиеся перепродажей скота; 6) использовавшие и использующие наемный труд. К 1927 г. доля «лишенцев» в возрасте старше 18 лет среди населения Кабардино-Балкарской области достигла 3,7 % [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 161]. Отдельные граждане попадали в число «лишенцев» в результате доноительства, ошибок бюрократической системы и иным причинам. «Лишенцы» в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны, отчаянно боролись в различных инстанциях за восстановление своих погранных прав и требовали исключить их из списка «порочных элементов». Некоторым гражданам автономных образований юга России удавалось восстановиться в правах, но в большинстве случаев им приходилось нести по жизни тяжкий крест «лишенца» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Своеобразной формой дискриминации по политическому признаку стали «чистки», периодически проводившиеся в партийных организациях страны. Массовые «чистки» коммунистов проводились в 1921, 1924–1925, 1925–1927, 1929–1930, 1933–1935 гг. Каждая из этих пяти «чисток» имела свои задачи, но постоянно присутствовали две главные цели: избавление от неугодных элементов и привлечение в свои ряды послушных, исполнительных «товарищей», слепо подчиняющихся указаниям вышестоящих органов партии, сталинского руководства. Главной задачей «чисток», как отмечает Е.В. Сартикова, было стремление: *«очистить эти организации от “чуждых и разложившихся элементов”»* [Сартикова 2018: 63]. Из калмыцкой партийной организации в результате пяти «чисток» были исключены сотни коммунистов, в том числе партийцы, признанные «чуждыми элементами». Из Чечено-Ингушской областной организации ВКП(б) только за период с 1934 по 1937 гг. было исключено свыше 3 500 чел. Еще 822 чел. лишились партийных билетов в 1937 г. и в начале 1938 г., 280 из них были объявлены «троцкистами» и «врагами народа». В октябре 1937 г. было арестовано 30 из 76 членов и кандидатов в члены Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), 20 из 28 секретарей райкомов партии, 77 членов райкомов партии [Ибрагимов 1998: 354]. Исключение из партии автоматически приводило к снятию с работы. До определенной поры все заканчивалось простым увольнением с работы, позже факт исключения из партии вкупе с другими обвинениями стал служить основанием для возбуждения уголовного дела по политической статье.

Если репрессии против «старой интеллигенции», «чуждых элементов», подпадающих по социальному происхождению под категорию «бывшие», как-то поддаются логике, то совсем нелогичными кажутся репрессии против служащих, работников всех сфер производства,

имевших пролетарские или крестьянские корни. В российской деревне это была «новая» интеллигенция, вышедшая из малообразованной крестьянской среды, возвращенная в большинстве своем уже при советской власти. На руководящие должности они были выдвинуты по партийному и социальному признаку, благодаря активной «пробольшевистской» жизненной позиции, выраженной в готовности неукоснительно осуществлять все мероприятия советской власти. Представителям «новой» интеллигенции не хватало профессионального и жизненного опыта. Например, авторы коллективной монографии «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы» подчеркивали, что уровень профессиональной подготовки «старой» производственной интеллигенции с ее глубокими знаниями, богатейшим трудовым опытом был заметно выше, чем у новой поросли советских хозяйственных и управленческих кадров. Мало того, они считали, что новоиспеченная интеллигенция – это *«полуобразованная прослойка “пламенных агитаторов и пропагандистов”»*, так как тоталитарная система, по их мнению, в принципе не формирует подлинную интеллигенцию, а *«готовит лишь специалистов узкого профиля в строгом соответствии с утилитарными потребностями бюрократического аппарата, определенных отраслей хозяйства, армии и т. д.»* [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 57].

Надо отметить, что большинство сельских руководителей действительно были люди, одаренные особым трудовым энтузиазмом и героизмом, искренне болеющие за порученное производство. Однако отвага и целеустремленность, неистовое рвение служить большевистской партии и советскому государству не всегда спасали их от гонений и преследований. При допущении каких-то промахов и недочетов в работе им наклеивался ярлык «вредителя», «саботажника», «контрреволюционера», чинившего «сознательно» препятствия и вред делу социалистического строительства. Во времена обострившейся внутрипартийной борьбы к прежним ярлыкам добавились еще клейма «троцкиста», «двурушника», «социально чуждого элемента» и т. п. Власти, организовывая судебные процессы над партийно-государственным, хозяйственным руководством в деревне, преследовали цель найти «козла отпущения» за провалы в аграрной сфере, взвалить на них вину, причем даже на тех, кто безоговорочно поддерживал линию партии и государства, самозабвенно участвовал в реализации всех мероприятий, инициированных большевиками и советской властью в деревне. В национальных автономиях юга России происхождение из крестьянской и пролетарской среды не спасало руководство колхозов и совхозов, МТС и других предприятий сельскохозяйственного назначения от репрессий и дискриминаций властей.

Однако самым главным врагом новой власти в деревне считался кулак, и борьба с ним оставалась неизменной в политике советского госу-

дарства на протяжении 1920–1930-х гг. В.И. Ленин почти сразу после октябрьского переворота в основу аграрной политики большевистского государства поставил решение триединой задачи: *«Уметь достигать соглашения с средним крестьянином – ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»* [Ленин 1950: 171]. Именно таким образом партия и советская власть, и при Ленине, и после него, выстраивала свои отношения с указанными слоями крестьянского населения, незначительно меняя их в зависимости от направленности стратегического курса ВКП(б).

До середины 1925 г. власть еще не выработала единой позиции по вопросу о признаках той или иной категории крестьянских хозяйств. Основным ключевым признаком кулацкого хозяйства, по определению властей, считалось применение наемной рабочей силы, систематическая сдача внаем сложных сельскохозяйственных машин, сдача земли в аренду и пр. По мнению В.А. Ильиных, *«по площади посева и поголовью скота т[ак] н[азываемые] кулаки мало чем отличались от остальных единоличников. Значительной была лишь разница в размерах неземледельческих заработков»* [Ильиных 2004: 27]. Н.С. Лаврова в основу подсчета кулацких хозяйств в Кабардино-Балкарии берет два показателя: наличие посевов и обеспечение живым и мертвым инвентарем сверх установленной государством нормы. Если смотреть по посевам, то в данной автономии имелось 7,7 % зажиточных хозяйств. В коллективных хозяйствах к 1927 г. доля зажиточных хозяйств по наличию живого и мертвого инвентаря в среднем составляла 4,5 %, тогда как бедняцких хозяйств – 53,7 %, середняцких – 41,8 %. В целом, доля кулацких хозяйств здесь составляла 1,9–3,3 % от общего числа крестьянских хозяйств, в зависимости от округа [Лаврова 2002: 30].

В Калмыкии, если придерживаться предложенной Н.С. Лавровой системы подсчета, зажиточных хозяйств по посевам (свыше 16 дес.) в 1926 г. было 12 % от общего количества частных крестьянских хозяйств, в 1928 г. – 12,29 % [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 15]. По скотоводческим хозяйствам в основу расчета зажиточных хозяйств нами берется наличие скота (свыше 40 голов). Таких хозяйств в 1926 г. среди скотоводческих хозяйств автономии было 2,61 %, в 1928 г. – 5,39 % [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 15; Д. 14. Л. 5, 11]. Таким образом, мы наблюдаем двукратное увеличение количества зажиточных хозяйств.

В Чечне в 1928 г. кулакам принадлежало около одной трети сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Удельный вес кулацких хозяйств составлял 6,7 % против 6 % в 1927 г. В Чечено-Ингушетии, по данным исследователей, насчитывалось свыше 4 тысяч кулацких хозяйств [Очерки истории 1967: 143].

Как видим, самый значительный рост зажиточных хозяйств произошел в годы нэпа, давшего экономическую и хозяйственную свободу

инициативным людям. «Новые» сельские богатеи, вместе с зажиточными крестьянами, накопившими капитал еще в дореволюционное время, представляли собой заметную прослойку в крестьянстве. Основная масса крестьян под воздействием большевистской пропаганды, в условиях непрекращающейся антикулацкой кампании, отрицательно относилась к кулакам, распространяла о них самые нелепые и неправдоподобные слухи. Так, крестьянин Б. Губанов из Калмыцкой автономной области с непонятной завистью отзывался о крестьянах, высланных на Дальний Восток: *«Кулаки, высланные из нижеволжского края, в частности, из Астрахани, живут там хорошо, ни в чем не нуждаются, разъезжают по морю»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 212].

Тем не менее, кулаки стали основными производителями сельскохозяйственной продукции в стране и главными объектами классового налогообложения. В годы нэпа в Калмыкии отмечается возрастающий рост репрессий против владельцев больших скотоводческих хозяйств. Местные власти относили их к кулакам, состоятельным хозяевам и в начале применяли к ним только экономические репрессии. Собственники крупных скотоводческих хозяйств и служители церкви являлись основными плательщиками «чрезвычайного единовременного революционного налога» и других налогов. В 1925–1926 гг. 579 зажиточных хозяйств Калмыкии облагались сельхозналогом, составлявшим 51,16 % всей суммы налога, тогда как все остальные животноводческие хозяйства оплатили только 16,7 % общей налоговой суммы [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 15; Д. 14, Л. 5, 11].

В 1928 г. Калмыцкий обком ВКП(б) и облисполком приняли совместное постановление о дифференцировании размера выпаса скота. Согласно документу, кулацкие хозяйства стали платить прогрессивную ставку за каждую голову скота, тогда как батрацкие, бедняцкие и середняцкие хозяйства полностью освобождались от платежа по налогам. Крепкие кулацкие скотоводческие хозяйства в Калмыкии в 1928 г. должны были выплатить 87 % всей суммы единого сельхозналога по области [Максимов 2004: 37]. В Северо-Кавказском крае, куда входили все северокавказские автономии, кулацкие хозяйства, составлявшие 15,4 % от общего числа всех крестьянских хозяйств, платили 59,1 % всей начисленной по краю суммы налога, то есть более половины [Бурда 2015: 402]. В целом по стране крестьяне-единоличники выплачивали львиную долю налогов.

Сбор налогов сопровождался арестами, побоями и другими репрессивными мерами. В жестких условиях классового налогообложения зажиточные крестьяне юга России находились в растерянности, не знали, что делать: развивать хозяйство и ждать репрессий со стороны властей или ничего не делать, тем самым обречь себя и семью на полуголодное существование, отказаться от того небольшого комфорта, который у них

**Бадмаева Е.Н. Политические репрессии крестьян  
национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.**

имелся. Так, в письме в адрес Калмоблисполкома середняк-скотовод Калюжный отмечал, что он *«благодаря усиленному налогу... чувствовал совершенную невыгодность своего хозяйства»* [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 99. Л. 217]. Из сомнений и переживаний обычного калмыцкого крестьянина становится очевидным, что основной причиной сокращения середняцких хозяйств в 1920-е гг. стала невыгодность ведения хозяйства, вызванная возрастающими налоговыми репрессиями.

Экономические притеснения зажиточных крестьян были только частью антикулацкой политики советского государства. Еще более трагическими стали события, связанные с выселением зажиточных хозяев, которые проводились в соответствии с общей политикой советского государства. После обнародования в 1925 г. декрета ЦИК и СНК СССР *«О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах»* в национальных образованиях юга России были созданы специальные комиссии, которые провели опись жилища, отчуждаемых средств производства, сельхозинвентаря, находившихся в собственности кулаков, определили предметы и ценности, денежные средства и пр., подлежащие конфискации, выработали системообразующие признаки кулацких хозяйств на своих территориях. Комиссии должны были взять на учет крупные эксплуататорские хозяйства. Высылке предполагалось подвергнуть и тех дворян, которые по состоянию своего экономического положения, наличию *«усадеб, движимого и недвижимого имущества»* ничем не отличались от простых крестьян.

Власти Кабардино-Балкарской автономной области в 1926 г. приняли решение о лишении 231 бывшего помещика прав на землепользование и проживание в принадлежавших им домах. Правда, через несколько месяцев 48 из них были реабилитированы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 14. Л. 199–201]. В Калмыкии еще в 1918 г. Второй чрезвычайный съезд Советов трудового калмыцкого народа принял решение о национализации всех крупнейших имений, скота и иного имущества богатых землевладельцев и скотоводов. Декрет ВЦИК от 20 мая 1924 г. *«О выселении бывших землевладельцев из числа князей и дворян»* стал своеобразным катализатором предстоящей акции по выселению *«экспроприаторов»*. Калмыцкие областной комитет партии и областная контрольная комиссия разработали инструкцию, в котором отмечалось, что *«часть имений бывших нойонов, зайсангов и русских крупных кулаков... до сего времени не подвергалась полной национализации и фактически до сих пор остается в руках прежних владельцев»*. В документе предлагалось, *«учитывая политическую важность правильного разрешения этого вопроса... устранить прежних владельцев от фактического пользования и управления своими бывшими имениями»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 55].

Практическая реализация государственной политики «ликвидации кулачества как класса» в виде выселения кулаков в Калмыцкой автономной области по разным причинам несколько раз откладывалась, но, в конце концов, 17 октября 1929 г. эта зловещая операция репрессивного характера против крестьянства региона была осуществлена. Перед ее началом глав кулацких хозяйств собрали на сборном пункте, огороженном колючей проволокой, а затем в сопровождении вооруженной охраны препроводили на железнодорожные станции для отправки к месту высылки. Выселяемые семьи имели право взять с собой небольшой набор кухонных принадлежностей, продуктовый запас на три месяца, а также на каждые пять семей по одной лошади, телеге, плугу, бороне и пр. Хозяйство, скот, сельхозинвентарь, продукты питания раскулаченных крестьян передавались бедняцким хозяйствам. В пользу государства были экспропрированы денежные знаки, золотые и серебряные монеты, облигации, изделия из золота и серебра, мануфактура, обувь, одежда, шерсть и кожа. Общая стоимость изъятых вещей составила свыше 200 тыс. руб. [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 10–11; Д. 328. Л. 35]. Взрослые члены семей лишались активных и пассивных избирательных прав, не могли свободно передвигаться в районе нового места проживания, покидать его и т. д. В Калмыкии выселили 231 чел. за пределы области, 86 чел. были переселены из одного улуса в другой [Максимов 2004: 44].

6 июля 1931 г. Президиум Калмыцкого облисполкома вновь постановил выселить кулацкие хозяйства за пределы области, конфисковать их скот и имущество и передать его колхозам. Это постановление распространялось и на бывших калмыцких феодалов, не выселенных в 1929 г.

Областная политтройка на основании материалов, представленных улусными тройками в июне–июле 1933 г., приняла решение раскулачить 327 кулацких семей, из которых 241 была выселена за пределы области, 86 – переселены в «спецкулацкие» поселки Калмыкии. Депортация 241 семьи (1 138 чел.) была осуществлена в ноябре–декабре 1933 г. в основном на Урал и Казахстан [Максимов 2004: 96].

Областная политтройка при президиуме Калмоблисполкома в первой половине 1934 г. рассмотрела и утвердила к раскулачиванию и выселению списки еще 228 крестьянских семей в составе 1 068 чел. [Максимов 2004: 100]. Под удар карательных органов, к примеру, попал род будущего народного поэта Калмыкии, Героя Социалистического Труда Давида Никитича Кугультинова. Начальник Калмыцкого отдела ОГПУ П.И. Кишкин и начальник 1-го отделения Полетаев в донесении обкому партии от 13 сентября 1933 г. писали: *«сообщаем, отец Кугультинова Хермя – Кугультинов Абе до революции имел хозяйство: крупного рогатого скота от 20 до 25 гол., рабочих быков 4–5 пар, лошадей 5–6 гол., овец от 70 до 80 гол., посеvy убирал скопщиной. После революции хозяйство Кугультинова в 1920, 1927, 1928 гг. было следующее: КРС – 15 гол.,*

**Бадмаева Е.Н. Политические репрессии крестьян  
национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.**

*быков 3–4 пары, посев производил от 30 до 40 га. Применял наемную рабочую силу граждан из 2-го Икитуктуна Дензенова Б. под видом родственника. Его старший брат Кугультинов Эмке в 1931 г. раскулачен и выселен в Уральскую область. Другой брат Кугультинов Никита (отец поэта – Е. Б.) лишен избирательных прав и работает в совхозе № 107 Манычского коридора» [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 98].*

В первой половине октября 1930 г. в Дивненский район Северо-Кавказского края из национальных автономий Северного Кавказа было выселено 570 кулацких семей: из Чеченской автономной области – 98; Адыгейской автономной области – 200; Кабардино-Балкарской автономной области – 181; Осетии и Ингушетии – 91. Всего из Северо-Кавказского края в 1930 г. планировалось выселить 10 тыс. семей и 50 тыс. чел. Реально же выселили 10 595 семей и 51 577 чел. [Трагедия 2000: 412–413]. Многие зажиточные северокавказские крестьяне, опасаясь принудительного выселения и репрессий, бросали свои хозяйства, переселялись в горы или выезжали в другие области. Из Адыгейской области бежало 136 кулацких хозяйств, Кабарды – около 100, Северной Осетии – более 200 и т. д. [Трагедия 2001: 318–319].

Репрессировали и тех, кто был не был кулаком. Вот, например, выдержка из постановления президиума Ново-Ивановского сельсовета Кабардино-Балкарии от 9 февраля 1930 г. «*За то, что Литовченко производил по ночам разбазаривания корма, включить его в явно-кулацкие хозяйства»* [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 640. Л. 8]. Основное обвинение, которое предъявлялось, например, крестьянам Кабардино-Балкарии – уклонение от коллективизации. О размахе непрекращающихся репрессий на Северном Кавказе в середине 1930-х гг. свидетельствует «Справка НКВД СССР о выселении кулачества и антисоветского элемента в первой половине 1935 г.»: «*С 1 по 8 марта 1935 г. выселено из национальных районов СКК 1 553 семьи кулака в составе 7 857 чел.*».

*Таблица 1*

**Выселение крестьян на юге России в первой половине 1930-х гг.**

[Трагедия 2002: 550–551]

Регион	Семей	Человек
Выселялись из регионов		
Чечня	473	2112
Осетия	201	1110
Дагестан	446	2147
Кабарда	205	1201
Карачай и Черкесия	228	1287
Калмыкия	241	1138
Направлено в спецпоселки		
Узбекистана	837	4560
Южного Казахстана	716	3297

Выселению с конфискацией имущества на практике подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т. е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях. В автономиях юга России от 80 до 90 % крестьян-середняков были раскулачены как «подкулачники». В Чечне из общего количества раскулаченных хозяйств 25 % были некулацкими, а в Ингушетии 47 % зачисленных в списки кулаков оказались середняками и бедняками. Всего за весь период коллективизации в Чечено-Ингушетии в период 1929–1932 гг. было ликвидировано 5 300 «кулацких» хозяйств, репрессировано более 36 тыс. чел. Выселено за пределы республики в Среднюю Азию, в Сибирь и в другие отдаленные регионы страны 15 % «кулацких» семей [Бурда 2015: 501].

С 1 июля 1931 г. ответственность за надзор, устройство, хозяйственно-бытовое обслуживание и трудовое использование выселенных кулаков, в том числе десятка тысяч «репрессированных» крестьян Северного Кавказа и Калмыкии, была возложена на ГУЛАГ, входившее до 1934 г. в систему ОГПУ, а с 1934 г. – НКВД. Большая часть репрессированных крестьян Калмыкии и регионов Северного Кавказа были направлены в северные районы страны. Многим из них, привыкшим к теплему южному климату, было трудно адаптироваться к непривычным и суровым климатическим условиям. Среди выселенных крестьян юга России отмечались высокая смертность и заболеваемость, преимущественно сыпным тифом и кишечными заболеваниями. Сказывалось также плохое питание в пути и в местах поселения. Некоторые репрессированные крестьяне Северного Кавказа и других областей страны были переселены в Калмыцкую АССР, там же находились и местные «кулаки», переселенные внутри региона. По состоянию на 1 января 1940 г. в Калмыцкой АССР находилось 259 репрессированных семей, а общее количество «бывших кулаков» составляло 977 чел. В основном они жили в трудпоселках № 31 «Новая жизнь» и № 32 [Земсков 1991: 6].

Необходимость репрессий против зажиточной части крестьянства власть оправдывала идеологической угрозой, возникающей при построении основ советского общества. Но как мы знаем из работ современных историков, основная цель экспроприации имущества была экономическая – овладеть имуществом кулаков и раздать его совхозам и колхозам, беднейшей части крестьянства. Преследовалась и политическая цель – дальнейшее огосударствление экономики деревни и развитие коллективных хозяйств. Вождь советского государства И.В. Сталин в декабре 1929 г. охарактеризовал «раскулачивание» как *«один из самых мощных поворотов во всей нашей политике»* [цит. по: Карп 1990: 171].

Крестьянство и другие сельские жители автономных образований юга России подвергались массовым репрессиям и в ходе хлебозаготовительных кампаний и мясозаготовок. Насильственная конфискация

«хлебных излишков» у различных слоев крестьянства особенно рьяно стала проводиться с конца 1927 г. Государство хотело за счет экспроприированного хлеба осуществить задачу индустриализации страны, продовольственного обеспечения города, армии и др. Во время поездки по Сибири в январе 1928 г. Сталин потребовал активизации хлебозаготовок в стране и практически в открытой форме заявил о необходимости применения чрезвычайных мер в отношении крестьянства, «саботирующего сдачу хлеба государству». Тем самым большевистский лидер фактически призвал к возврату к насильственным методам экспроприации хлеба, широко применявшихся во времена продовольственной диктатуры эпохи военного коммунизма.

После его выступления стал забирать не только товарный, но и семенной хлеб. Доходило до того, что изымали даже муку, использовавшуюся для домашних нужд. В сводке Информационного отдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе от 29 декабря 1929 г. приводится такой факт: «В ст. Должанской комсод произвел обыск в отсутствие хозяина-середняка и изъял два мешка из трех имевшихся (муки)» [Трагедия 2000: 89]. Нередки были случаи, когда члены комиссии при проведении ночных обысков у крестьян отбирали облигации, носильные вещи, золотые вещи и пр. [Бадмаева 2010: 388]. Сельские жители яростно сопротивлялись принудительным хлебозаготовкам, прятали зерно, некоторые крестьяне в отчаянии и в отместку власти даже сжигали собранный урожай и припрятанные запасы. Упорствующих крестьян, не желавших отдавать хлеб, лишали избирательных прав, запугивали, сажали под арест, привлекали к уголовной ответственности, у них конфисковали имущество.

В 1929 г. в северокавказских автономиях, несмотря на все ухищрения уполномоченных по хлебозаготовкам, жесткие действия карательных отрядов, по данным наркомата торговли на 20 декабря только Адыгея и Черкессия смогли выполнить госзадания на 135,9 % и 107,3 % соответственно. Кабарда выполнила госзадание на 54,1 %, Осетия – на 74,1 %, Ингушетия – на 47 %, Чечня – на 25,1 % [Трагедия 2000: 92]. В Калмыкии, являвшейся по преимуществу скотоводческим регионом и до 1929 г. вообще не включавшейся в государственный план заготовок зерна, хлебозаготовки проводились в единственном зерновом районе области – Большедербетовском улусе. На 1929–1930 гг. региону определили государственное задание в размере 250 тысяч пудов хлеба, которое впоследствии было увеличено вдвое. Основной план заготовок Калмыкия выполнила путем насильственного изъятия хлеба у колхозов и единоличных хозяйств, а вот дополнительное задание пришлось выполнять за счет выемки семян, продовольственного и кормового запаса. Плановые задания по хлебозаготовкам умудрялись давать скотоводам неземледельческих улусов автономной области, которые свой отказ сда-

вать хлеб государству объясняли тем, что они никогда не занимались земледелием, и по этой причине у них в принципе не могло быть требуемого количества зерна.

Однако руководство обычно не принимало во внимание объективные причины невыполнения государственных планов на местах, не учитывало сложившиеся обстоятельства в сельскохозяйственном производстве. Например, то, что выполнение в сельском хозяйстве производственных планов во многом зависит от природно-климатических условий территории: погоды, плодородия почвы и т. д. И.В. Сталин в 1930 г. подчеркивал, что *«репрессии в области социалистического строительства являются составной частью наступления»* [Сталин 1949: 309]. В операциях по насильственному изъятию зерна у сельских жителей принимали участие даже военные отряды. Однако участие военных и милиции в карательных операциях, полнейшая зачистка хлебных амбаров, выемка семенных и продовольственных запасов, сильнейший нажим на крестьян и массовые репрессии против них, не могли помочь некоторым национальным автономиям Юга России справиться с ежегодными планами хлебозаготовок.

Даже страшная трагедия голода 1932–1933 гг., когда вымирали целые селения, не остановила сталинское руководство, которое по-прежнему требовало насильственного изъятия хлеба у населения и колхозов. Под угрозой репрессий председатели колхозов и руководители сельских администраций были вынуждены сдавать практически весь произведенный и запасенный хлеб. Однако «добровольная» сдача зерна колхозным и сельским руководством, крестьянами не спасала от гонений и преследований, административного и судебного наказания. В ходе и после ежегодной хлебозаготовительной кампании на Северном Кавказе был сфабрикован целый ряд дел на крестьян, колхозников, руководителей колхозов и районов. Только за ноябрь 1932 г. были арестованы 5 тыс. сельских коммунистов, обвиненные в *«преступном сочувствии»* «подрыву» кампании хлебозаготовок, а также 15 тыс. колхозников [Ивницкий 1994: 195]. 7 августа 1932 г. вышел печально известный закон «о трех колосках», по которому оказался репрессированы десятки тысяч колхозников.

Жестким репрессиям (партийным, административным, уголовным) подвергались руководители хозяйств, по воле властей менявшиеся иногда и по два раза в год. Только за 1932 г. 36 % из них были смещены с должностей, и почти всем было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности, направленной на саботаж хлебозаготовок и мясopоставок [Верт 1992: 117]. Массовая замена одних руководителей и специалистов на других в автономиях юга России в годы сплошной коллективизации практически не влияла на улучшение производственных показателей в сельском хозяйстве.

## Бадмаева Е.Н. Политические репрессии крестьян национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.

Репрессивные меры, применяемые властью, вызывали недовольство и сопротивление сельских жителей юга России в виде саботажа принятых партийно-государственных решений, гражданского неповиновения, повстанческих выступлений. О размахе репрессий свидетельствует директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения», датированная 8 мая 1933 г. В этом документе указывалось на необходимость *«навести порядок в производстве арестов... разгрузить места заключения и в течение двух месяцев уменьшить общее число заключенных с 800 до 400 тыс. чел.»* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 981. Л. 229].

Массовые репрессии против крестьянства в ходе хлебозаготовок в конце 1920-х гг. окончательно разрушили относительно хрупкий гражданский мир, установившийся в южнороссийской деревне в годы новой экономической политики, и еще больше наэлектризовали и раскололи деревенское общество, внесли сумятицу и хаос в повседневную жизнь крестьянства. Между крестьянством и властью шла настоящая война за хлеб. Победу в ней чаще всего одерживала власть, действовавшая с помощью угроз, шантажа, насилия и мощного административного ресурса. Репрессивные меры устрашения народа помогали властным структурам решать не только хлебозаготовительные вопросы, но и задачи вовлечения единоличников в колхозы.

Ликвидация единоличных хозяйств, раскулачивание проводились в ходе проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства. До ее начала в автономиях юга России прошли различные мероприятия, «прощупавшие» настроение беднейших слоев крестьянства, «готовившие» малоимущих крестьян к массовому вступлению в коллективные хозяйства. 15 января 1928 г. в Калмыцкой автономной области прошел первый областной съезд работников животноводческой кооперации и специальных видов товариществ, на котором его участники своим примером пропагандировали выгодность ведения коллективного хозяйства. Осенью 1928 г. в Грозном по решению крайкома и ЦК ВКП(б) состоялась областная конференция бедноты. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял решение о необходимости сплошной коллективизации наиболее важных районов страны. В результате осуществления политики коллективизации предполагалось провести огосударствление деревенской экономики и объединение крестьян в колхозы.

Однако зажиточные и середняцкие слои крестьянства юга России не желали лишаться экономической свободы, нажитого хозяйства, расставаться с многовековым образом жизни, с привычным семейным трудом, идти в кабалу государству. Большинство из них противились обобществлению посевных площадей, скота, сельскохозяйственного инвентаря и пр. Обеспеченные крестьяне уничтожали посевные площади, резали

скот. Таких примеров на юге России было множество. Актом несогласия и сопротивления насильственной коллективизации сельских жителей Кабардино-Балкарии явилось повсеместное уничтожение скота. Число овец в автономии сократилось на 42,2 %, коз – на 59 % [Черная книга 2001: 173]. В «Докладной записке ИНФО ОГПУ о недочетах в колхозном строительстве на Северном Кавказе по данным на 1 января 1930 г.» прямо указывается, что *«тенденция к массовой распродаже скота и инвентаря у значительных середняцких групп деревни... возникла в результате кулацкой агитации»* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 190. Л. 45]. С этим утверждением ОГПУ вряд ли можно согласиться. По нашему мнению, первопричиной распродажи и уничтожения собственного имущества, инвентаря, скота зажиточными скотоводами и земледельцами в автономных образованиях юга России стали непомерные налоги, экономические репрессии со стороны властей, нежелание крестьян идти в колхозы.

Многие южнороссийские крестьяне, свернув свои хозяйства, пополняли ряды бедняков, уезжали в города и пр. Большая часть крестьянства под сильнейшим нажимом властей все же была вынуждена вступить в колхоз. Правда, в начале 1930-х гг. они были маломощны и большинство из них существовали только на бумаге (так называемые «дутые» колхозы). Еще одной особенностью колхозного строительства можно назвать гигантоманию. Например, *«в ряде селений Кабарды были организованы большие колхозы по 300–400 хозяйств»* [Трагедия 2000: 564].

Крестьяне в короткие сроки убеждались в нецелесообразности работы в составе коллективных хозяйств, и к середине 1930 г. начался обвальное отток сельских жителей из колхозов и совхозов. Например, к 1 мая 1930 г. колхозы Кабардино-Балкарской области составляли лишь 13,6 % от всех хозяйств, тогда как тремя месяцами ранее этот показатель равнялся 70 % [Унежев 2005: 499]. В столь значительном снижении количества коллективных хозяйств и в срыве темпов коллективизации власти обвинили зажиточную часть населения и вновь обрушили на нее репрессии.

К лету 1933 г., как отмечает А. Грациози, *«сталинисты одержали над крестьянством полную победу. В деревне была установлена система, превратившая крестьян... в подчиненную, легально подвергаемую дискриминации группу, судьба которой находилась в руках государства»* [Грациози 2001: 66]. На Северном Кавказе к июлю 1933 г. Черкессия, Адыгея, Северная Осетия и Кабардино-Балкария в равнинных районах в основном завершили коллективизацию. Коллективизация горных районов в указанных автономиях закончилась чуть позднее, лидером стала Кабардино-Балкария, объявившая об этом уже в 1934 г. Гораздо сложнее проходила коллективизация в Дагестане, Карачае и Чечено-Ингушетии: в равнинных районах было от 40 до 70 % коллективных хозяйств, в гор-

**Бадмаева Е.Н. Политические репрессии крестьян  
национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.**

ных районах – от 5,6 до 26,8 %. В Калмыкии к 1937 г. процент коллективизации составил 95,5 % [История 1978: 121].

Между тем, там, где коллективизация не была доведена до своего логического конца, как в Чечне и Ингушетии, где крестьяне, как отмечает Т.У. Эльбуздукаева, *«сумели уберечь собственное хозяйство, “спрятать” его в колхозах, подавляющее большинство их сумело сохранить минимальный достаток и не вымереть от голода, как миллионы русских и украинских крестьян в 30-е гг. в тех областях, где коллективизация была проведена в полном соответствии с партийными установками»* [Эльбуздукаева 2011: 392].

Ускоренная коллективизация, насильственные хлебозаготовки принесли неисчислимы бедствия сельским жителям, привели к голоду населения на юге России в 1932–1933 гг. Коллективизация принесла непоправимый урон аграрному сектору, привела к уничтожению активных производительных сил на селе, раскрестьяниванию крестьянства, задержала естественное развитие российской деревни.

Массовый террор против крестьянства продолжался и после завершения коллективизации. Кульминацией репрессивной политики советской власти в 1920–1930-е гг. стал «Большой террор», коснувшийся и российского крестьянства. 30 июля 1937 г. был издан оперативный приказ наркома внутренних дел СССР за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов...». На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 2 июля 1937 г. были утверждены тройки и лимиты на репрессии по регионам, в том числе и автономиях юга России.

Согласно принятым по этому решению лимитам подлежали расстрелу: в Кабардино-Балкарии – 339 кулаков и 21 уголовник, в Чечено-Ингушетии – 862 кулака и 555 уголовников, в Калмыкии – 100 чел. Высылке подлежали: в Кабардино-Балкарии – 324 кулака и 143 уголовника, в Чечено-Ингушетии – 730 кулаков и 526 уголовников. В Калмыкии 300 чел. подлежали осуждению на 8–10 лет [Лубянка 2004: 273–278]. На 15 августа 1937 г. было арестовано в Кабардино-Балкарской АССР 348 чел., из них 284 бывших кулака (41 – расстрелян); в Чечено-Ингушской АССР – 2 401 чел., из них 888 бывших кулаков. По сводке ГУГБ НКВД СССР на 30 сентября 1937 г. всего по Северному Кавказу было арестовано 22 865 чел., из них 12 768 (55,8 %) бывших кулаков. Всего с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. было арестовано 33 719 кулаков [Трагедия 2004: 345–346; 353].

При этом крестьяне юга России своеобразно и неожиданным образом отреагировали на массовые репрессии государства. М.-С. Темеев, анализируя итоги исполнения оперативного приказа наркома внутренних дел СССР за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов...»,

пишет: *«Совершенно неожиданной для политической власти страны оказалась реакция на массовые репрессии со стороны колхозников. Они практически перестали участвовать в колхозном производстве, намечился массовый выход из колхозов, особенно в 1939 г. Так, в Кабардино-Балкарской АССР процент колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней, включая не выработавших ни одного трудодня, составил 12,6 %, а выбывших из колхоза – 5,8 %»* [Темеев 2010: 63].

В результате «Большого террора», осуществленного в 1937–1938 гг. сталинским руководством, окончательно было подавлено свободомыслие в крестьянском социуме, да и в обществе в целом: уже никто не мог говорить, во всяком случае, открыто, об ином пути развития российского села. Колхозный строй надолго утвердился во всем СССР. Крестьяне практически полностью подчинились власти. Сельские жители боялись в открытую критиковать власть в целом, а подвергали критике только местных руководителей — председателей колхозов, сельских советов, колхозных специалистов, выражая им свое недовольство на колхозных собраниях, в письмах в вышестоящие партийные и советские органы, редакции газет. Чертами повседневного поведения сельских и колхозных руководителей стали отказ от проявления инициативы, самостоятельности, боязнь брать на себя ответственность, слепое подчинение любым указаниям «сверху». Можно определенно сказать о том, что в колхозной деревне поселилась атмосфера страха, отчаяния, тягостного ожидания новых репрессий.

### **Источники**

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. 737 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 1007 с.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. Т. 4: 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. 1055 с.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР).

Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР).

**Бадмаева Е.Н. Политические репрессии крестьян  
национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.**

**Литература**

*Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 543 с.

*Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления и проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 182 с.

*Бурда Э.В.* Терское казачество и Российское государство XVI–XXI вв. История взаимоотношений. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2015. 592 с.

*Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

*Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.

*Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3–21.

*Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.

*Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа). М.: Прометей, 1998. 462 с.

*Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

История социалистической экономики. Т. IV. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М.: Наука, 1978. 519 с.

*Карр Э.Х.* Русская революция от Ленина до Сталина (1917–1929). М.: Интер-Версо, 1990. 208 с.

*Лаврова Н.С.* О темпах и формах коллективизации в национальных районах Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник Кабардино-Балкарского университета. Серия гуманитарные науки. Вып. 7. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. С. 28–31.

*Ленин В.И.* Сочинения. Т. 28: июль 1918 – март 1919. 4-е изд. М.: Гос. изд. полит. лит., 1950. 510 с.

*Максимов К.Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 310 с.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 т. Т. 2. 1917–1970. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967. 359 с.

*Сартикова Е.В.* Яндыко-Мочажная партийная организация в 1921–1925 гг. // Oriental Studies. 2018. № 2. С. 59–67.

*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. VIII+397 с.

*Темеев М.-С.М.* Репрессии в отношении кулаков и других антисоветских элементов на Северном Кавказе в 1937 – 1939 годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4 (158). С. 58–63.

*Унежев К.Х.* История Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 616 с.

Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Авт. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Дж.-Л. М.: Три Века Истории, 2001. 766 с.

*Эльбиздукаева Т.У.* Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930-е годы. Махачкала: АЛЕФ, 2015. 840 с.

*Эльбиздукаева Т.У.* Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011. 463 с.

## **ОТХОД ЯДРА 110-й КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ ОТ МАНЫЧА К ТЕРЕКУ В АВГУСТЕ 1942 г.\***

*Заярный С.А.<sup>1</sup>, Очиров У.Б.<sup>2</sup>*

*<sup>1</sup> независимый исследователь (г. Москва)*

*E-mail: zajarnyj@mail.ru*

*<sup>2</sup> доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).*

*E-mail: utash-ochirov@yandex.ru*

**Аннотация:** в статье освещен боевой путь основной части (боевого ядра) 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в период с конца июля до середины августа 1942 г., когда национальное соединение отступало от Маныча до Терека. В ходе отступления, которое осуществлялось в условиях неразберихи, потери управления и связи вышестоящих штабов, при ведении арьергардных боев ряд частей и групп 110-й кавдивизии были вынуждены отделиться от основной части своего соединения и прорываться к своим войскам самостоятельно. Тем не менее, боевое ядро дивизии под командованием полковника В.А. Хомутникова в ходе тяжелейшего 600-километрового марша, несмотря на полное господство люфтваффе в воздухе и постоянные атаки моторизованных колонн панцерваффе, выдержало все испытания, не поддавалось панике и не распалось в ходе отступления. Командование высоко оценивало боеспособность 110-й кавдивизии и неоднократно поручало ей осуществлять прикрытие отхода наших войск в арьергарде. Именно это ядро в дальнейшем и послужило основой для возрождения 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии.

**Ключевые слова:** Красная армия, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Битва за Кавказ, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, В.А. Хомутников.

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее – кд) являлась национальным соединением, сформированным согласно Постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. из жителей Калмыцкой АССР. К началу боев 110-я Калмыцкая кд была почти полностью вооружена (за исключением зениток, автоматических и самозарядных винто-

---

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Участники Великой Отечественной войны – уроженцы Калмыкии: поиск, составление списков, анализ» (№ госрегистрации АААА-А16-116053010033-1).

вок и некоторых видов боеприпасов, не имевших ключевого значения) и укомплектована по штату. Она имела отборный личный состав (пополненный из лучших бойцов из расформированной 111-й Калмыцкой кд), который прошел полный курс обучения, хорошо знал своих командиров (частью из местных уроженцев) и доверял им [Очиров 2017]. На 10 июля в ее составе числилось 4 579 человек личного состава и 4 825 лошадей [В годы 2003: 89].

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия состояла из следующих частей и подразделений: управления (80 чел., здесь и далее цифры приведены согласно действующим на тот момент штатам); 273, 292, 311-го кавалерийских полков (далее – кп) (по 1160 чел. в каждом); 99-го отд. конно-артиллерийского дивизиона (497 чел.); 99-го артиллерийского парка (143 чел.); зенитной батареи (80 чел., незадолго до начала боев из-за отсутствия зениток была обращена на доукомплектование артиллерийских подразделений 110-й кд); 81-го отд. полуэскадрона связи (53 чел.); 110-го отд. эскадрона химзащиты (64 чел., незадолго до начала боев был обращен на формирование заградэскадрона); 82-го продовольственного транспорта (48 чел.); 94-го медико-санитарного эскадрона (50 чел.); 374-го ветеринарного лазарета (25 чел.); военной прокуратуры (4 чел.); особого отдела НКВД (16 чел.); взвода особого отдела НКВД (36 чел.); 360-й полевой почтовой станции, с апреля – ППС1925 (5 чел.); 1028-й полевой кассы Госбанка (по штату – 3 чел.) [Заярный, Очиров 2017в: 115].

Летом 1942 г. калмыцкое кавалерийское соединение было включено в состав 51-й армии и заняло оборону вдоль берега Дона на участке длиной 58 км. Предполагалось, что кавалеристы займут эти позиции временно, до подхода стрелковых дивизий (далее – сд). К сожалению, отступившие соединения Южного фронта оказались настолько слабыми, что 110-ю кд пришлось оставить на этом участке обороны. В ходе летних операций немцы разбили войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, и спасение отступающих армий зависело от сохранности переправ через Дон, на которые обрушились удары эскадр и групп люфтваффе. Несмотря на отсутствие зениток, бойцы 110-й кд плотным огнем пулеметов, ПТР и др. сбили 5 немецких самолетов и вынудили люфтваффе уйти с малых и сверхмалых высот на более высокие, что негативно отразилось на точности их бомбометания. Все переправы на участке 110-й кд удалось сохранить вплоть до подхода немецких танков. Через них на южный берег Дона перешли более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин, 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т. д. В результате планы немецкого главного командования по окружению Южного и Юго-Западного фронтов оказались сорваны, что предопределило неудачу вермахта в достижении главной цели кампании 1942 г. [Заярный, Очиров 2017а].

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

19–26 июля калмыцкому соединению пришлось вести бой с элитной моторизованной дивизией (далее – мд) “Großdeutschland” («Великая Германия»), которая затем была усилена 16-й мд (будущей “Windhund”), артиллерийскими и саперными частями РГК 1-й танковой армии (ком. – генерал-полковник Э. фон Клейст). «Великая Германия» превосходила 110-ю кавдивизию по количеству личного состава более чем в 4 раза, по количеству орудий – более чем в 9,5 раз (а с учетом разницы калибров и веса снарядов еще больше), по количеству автомобилей – более чем в 115 раз. Новейшие немецкие танки и САУ сравнивать и вовсе не с чем. Тем не менее, необстрелянная 110-я Калмыцкая кд в своем первом сражении показала себя с наилучшей стороны и в течение нескольких дней успешно отражала атаки механизированных армд противника, продемонстрировав свою стойкость и хорошую подготовку личного состава. «Великогерманцы» так оценили действия противника: *«В обороне установлены, в основном, подразделения 110 кд. В борьбе с пехотной дивизией “Великая Германия” по меньшей мере в течение 60 часов она показала внушительную боевую мощь, о чем свидетельствуют большие кровавые потери... калмыки сражались азартно и часто очень жестко»* [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 169, 172–173]. В период с 18 по 26 июля, когда «Великая Германия» сражалась в основном со 110-й кд, средняя численность ее семи стрелковых батальонов (шести батальонов 1 и 2-го мотопехотных полков и мотоциклетного батальона) сократилась почти на четверть (с 88 до 66 %), причем наибольшие потери понес 1-й мотопехотный полк, находившийся на острие удара [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 741, 811, 848]. 110-я кд отступила с позиций на Дону за Маныч только по приказу, уже находясь фактически в окружении [Заярный, Очиров 2017б].

Расплатой за выигранные для отступающих войск дни стали тяжелейшие потери национального соединения. Зам. командира 110-й кд полковник В.А. Хомутников, который вывел основную часть соединения на Кавказ, позже писал, что дивизия в боях на Дону потеряла 600 чел. – убитыми, 700 – ранеными, около 200 – пропавшими без вести (т.е. всего 1,5 тыс. чел.) [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 13380. Д. 55. Л. 122]. Иногда встречается вариант, где вместо 200 пропавших без вести указаны около 100 пленных и около 100 утонувших при переправе. Зам. начальника политотдела 110-й кд батальонный комиссар Н.Л. Иванов в послевоенных воспоминаниях оценил потери соединения в этих боях в 2,5 тыс. чел. (более 1 тыс. убитых, 1,4 тыс. раненых, 100 пленными) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 94. Л. 8–10]. Следует заметить, что сведения о «100 пленных» подтверждаются и противником, например, документами 1-й танковой армии вермахта [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 524]. В журнале боевых действий «Великой Германии» встречаются утверждения о 1 180 пленных, но в одной из прошлых своих статей мы доказали ошибочность этой цифры [Заярный, Очиров 2017б: 67].

Согласно справке «Об укомплектованности боевых частей Донской оперативной группы СКФ на 1 августа 1942 года» 110-я кд имела 2 979 бойцов и командиров, сохранившими 2 061 винтовок, 9 полковых и дивизионных 76-мм пушек и 5 противотанковых 45-мм пушек [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 739–740], из чего можно сделать вывод, что потери 110-й кд в боях на Дону составили 1,5 тыс. чел.

Однако здесь следует учесть ряд нюансов. Раскладка потерь 110-й кд по частям и подразделениям не известна, но ее частично можно реконструировать. В 292-м кп (без 4-го эскадрона и взвода связи) после боев на Дону осталось около 300 чел. [В боях за Дон 1969: 92]. В 4-м эскадроне вряд ли могло быть больше 150 чел. Таким образом, потери 292-го кп в боях на Дону составили около 700 чел. Из 4 сабельных эскадронов 311-го кп один оказался отрезан от основных сил дивизии и отошел на соединение с кавалерийским корпусом Б.А. Погребова [НА КалмНИЦ РАН: Письма А.И. Надточия]. Он не мог учитываться в составе 110-й кд на Маныче. Численность 2-го эскадрона вряд ли превышала 150 чел. 3 и 4-й эскадроны под руководством А.К. Темирова насчитывали 250–300 чел. [В боях за Северный Кавказ 1973: 42]. Таким образом, видно, что потери 311-го кп сопоставимы с потерями 292-го кп. Потери 273-го кп точно оценить невозможно, но известно, что до 25 июля эта часть, ведшая бои против плацдармов «великогерманцев» у Раздорской и Пухляковского, несла самые большие потери в калмыцком соединении. Также следует учесть и значительные потери конно-артиллерийского дивизиона и управления дивизии, пожертвовавших собой в бою 26 июля, ради прорыва из окружения основных сил. Таким образом, потери 110-й кд в боях на Дону следует оценивать в 2–2,5 тыс. чел. Несоответствие между численностью потерь и вышеприведенной численностью калмыцкого соединения на 1 августа объясняется, на наш взгляд, тем, что в его состав влились подразделения и одиночные бойцы из других дивизий и бригад.

К утру 27 июля бóльшая часть 110-й кд вышла за Маныч и несколькими группами, не имеющими локтевой связи, заняли оборону в районе населенных пунктов Красный, Тузлуков, Свобода, Веселый. 273-й кп с приданными ему эскадронами 292 и 311-го кп сосредоточился в районе Веселого, контролируя переправу через Манычский канал (плотину). Бóльшая часть 292-го кп, прикрывавшего отход дивизии, переправились за Маныч в 12 км к востоку от Манычской (в районе Тузлукова) и заняла позиции в 4 км к западу от Веселого (видимо, в районе пос. Свобода). Отдельные позиции занимали и другие отряды, например, группа 311-го кп капитан А.К. Темирова. Кроме того, небольшие подразделения и одиночные бойцы 110-й кд продолжали переправляться через Маныч в эти и последующие дни. Командир 110-й кд полковник В.П. Панин, собирая бойцов и командиров, 27 июля находился в районе Тузлукова.

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

Выходившие из окружения подразделения и группы военнослужащих вливались в части и тут же занимали места в боевых порядках.

Несмотря на тяжелые потери, бойцы национального соединения сохранили стойкость и боевой дух. К воинам 110-й кавдивизии в полной мере относятся выводы о состоянии войск, сообщенные в донесениях политотдела 37-й армии начальнику политического управления Южного фронта бригадному комиссару И.М. Гришаеву. Так, докладывая об упорных боях на Дону и в междуречье реки Сал и Манычского канала, в которых активно участвовала 110-я кд, начальник политотдела 37-й армии подчеркнул: *«Политико-моральное состояние личного состава армии здоровое. Это подтверждается рядом героических действий подразделений, бойцов и командиров, а также, несмотря на большие трудности отхода с боями, длительные перебои с питанием и отсутствие отдыха, основная масса бойцов, командиров и политработников настойчиво дерутся с врагом»* [ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 17. Л. 43].

К тому времени положение Южного фронта было достаточно сложным. Соединения 17-й армии генерал-полковника Р. Руоффа, захватившие 24 июля Ростов-на-Дону, несмотря на сопротивление наших войск, смогли форсировать Дон и уже 27 июля заняли Батайск. По наведенной переправе немцы стали быстро перебрасывать войска, в том числе главную ударную силу 17-й армии – 57-й танковый корпус (далее – тк) генерала танковых войск Ф. Кирхнера, в состав которого входили 13-я танковая дивизия (далее – тд), мд СС «Викинг» и словацкая подвижная дивизия. Одновременно с этим три группировки панцерваффе, захватившие ранее плацдармы на южном берегу Дона, развивали свои успехи. 3-й тк (16-я мд и мд «Великая Германия») генерала кавалерии Э. фон Макензена устремился с плацдарма в районе Раздорской к Манычу (главным образом, силами 16-й мд). 40-й тк (в составе 3 и 23-й тд) генерала танковых войск барона Л. Гайра фон Швеппенбурга прорвал наши позиции в стыке 37 и 51-й армий и устремился по направлению к Пролетарской – важнейшей стратегической переправе через Маныч. 29-я мд 48-го тк (ком. – генерал танковых войск Р. Файель) вела наступление с плацдарма в районе Цимлянской. На помощь к дивизиям панцерваффе, захватившими важные плацдармы, спешили пехотные соединения.

Обескровленные в предыдущих боях войска Южного фронта (ком. – генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский), несмотря на грозные приказы Ставки, были вынуждены отходить под напором превосходящих сил противника, пытаясь зацепиться за водные преграды. Войска 18-й армии генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова и 56-й армии генерал-майора А.И. Рыжова под давлением 17-й армии вермахта отходили к Кагальнику. При этом на северном берегу Дона остались 31 и 347-я сд, которые начали спешно переправляться через реку. Большая часть 37-й армии генерал-майора П.М. Козлова после прорыва 3-го тк с плацдарма у Раздорской отошла за Маныч и попыта-

лась занять оборону вдоль берега (в то числе и части 110-й кд). Правофланговые соединения 37-й армии продолжали вести бои на северном берегу Маныча, рискуя оказаться в окружении. При этом 156-я сд, оборонявшая позиции между немецкими плацдармами у Раздорской и Николаевской, не получила приказа об отступлении, оказалась в окружении и была разгромлена. В стыке между 56 и 37-й армиями разворачивалась 12-я армия генерал-майора А.А. Гречко, также пережившая тяжелое отступление и понесшая значительные потери. 51-я армия генерал-майора Т.К. Коломийца, фактически отрезанная от главных сил Южного фронта, под давлением 4-й танковой армии вермахта начала отход на восток. Две армии Южного фронта вообще не имели вооружения и отходили в тыл на восстановление. Например, 24-я армия генерал-майора В.Н. Марцинкевича заканчивала сосредоточение в районе Пролетарская, Новый Маныч, Новый Егорлык. Безоружная 9-я армия генерал-майора Ф.А. Пархоменко, имевшая в своем составе 23 472 человека, отводилась в тыл, в район с. Богородицкое (в 8 км юго-восточнее станции Целина) для восстановления и обеспечения вооружением. Там же должен был находиться 5-й кавалерийский корпус (далее – кк), который переформировывался в кавдивизию на базе 30-й Краснознаменной кд (реально он прошел переформирование в Новороговской) [ЦАМО. Ф. 9А. Оп. 5694. Д. 8. Л. 1084].

Еще вечером 26 июля немцы смогли форсировать Маныч. Рота 156-го мотопехотного полка (далее – мп) 16-й мд, усиленная саперами, форсировала Маныч и захватила плацдарм на южном берегу в районе Свободы. Ночью здесь был наведен мост. На рассвете 27 июля 116-й танковый батальон 16-й мд и 3-й батальон 156-го мп при поддержке двух батарей тяжелых полевых гаубиц и одной минометной батареи атаковали высоты севернее Спорного, прикрывавшие плотину на Маныче. После захвата высоты 29,6 немцы пытались ворваться на плотину, но были остановлены огнем советской артиллерии из Спорного и с южного берега Маныча. После этого немцы провели мощную артподготовку, а затем бросили группу из 4 танков Pz.III с саперами на броне к плотине. Одновременно с этим 13 штурмовых лодок со 2-й ротой 165-го мотоциклетного батальона вышли из района Новоселовки к южной части плотины.

В 10.15 по приказу коменданта переправы майора Хайфица (начальника отдела боевой подготовки 37-й армии) мост, шлюз и дамбы Манычского узла в районе Веселого были взорваны бойцами 2-й роты (ком. – лейтенант Цилюрик) 9-го отд. моторизованного инженерного батальона Южного фронта [ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 43. Л. 31]. Волна прорвавшейся воды хлынула через образовавшуюся брешь, затопляя все вокруг. Десантники из штурмовых лодок захватили небольшой плацдарм у южного въезда на плотину, но вскоре оставили его после атак советских войск. С начавшимся наводнением в зоне ниже плотины, не успевшие к этому времени переправиться наши бойцы и командиры, были либо

Зярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маньчуга к Тереку в августе 1942 г.



Фрагмент военной карты с положением части войск 37-й армии на 26–27 июля

смыты водой, либо попали в плен. Мощная волна наводнения снесла и понтонный мост у Свободы, по которому переправлялся 156-й мп. 1-й батальон, уже переправившийся через Маныч, оказался отрезан от главных сил, но при поддержке батарей с северного берега отбил атаки советских войск от Малой Западенки [Тике 2005: 39–41].

В ходе этого боя был тяжело ранен и командир взвода 82-мм минометов 311-го кп Б.А. Миньковский. При отражении одной из очередных атак противника у хутора Свобода оборонявшиеся бойцы дрогнули, но находившийся поблизости у орудий комсорг Б.П. Надбитов остановил их и вернул на позицию, атака была отбита. Зам. политрука батарее 292-го кп младший политрук Х.Б.-Г. Босхомджиев в ходе боя заметил немецких автоматчиков, пытавшихся пробраться под крутым берегом реки, и, отдав приказ бойцам открыть по ним огонь, сам бросился в атаку и забросал эту группу ручными гранатами, лично уничтожив пятерых автоматчиков [ОБД «Подвиг народа»]. В ходе боя у Веселого конно-артиллерийский дивизион 110-й кд, который после гибели капитана К.Г. Дыбы возглавил старший политрук В.С. Найдин, подбил совместно с другими артиллерийскими частями 4 немецких танка, остальные повернули обратно [В боях за Северный Кавказ 1973: 52]. По воспоминаниям командира расчета 82-мм миномета батарее 273-го кп младшего сержанта З.М. Дорджи-Горяева, при отходе 27 июля к минометной батарее присоединились бойцы из артиллерийской батареи полка. Они заняли оборону в хуторе Веселом и в течение 12 часов вели огонь по врагу. После отхода минометная батарея 273-го кп влилась в группу 311-го кп капитана А.К. Темирова [НА КалмНЦ РАН. Воспоминания З.М. Дорджи-Горяева]. Вечером 27 июля части 110-й кд были окончательно смещены стрелковыми частями и начали переход в район хуторов Каракашев и Казачий Хомутец [В боях за Северный Кавказ 1973: 53].

Вот как описывал положение войск 37-й армии генерал-майора П.М. Козлов утром 27 июля штаб Южного фронта в переговорах с Генеральным штабом: *«102 и 295 сд в результате ожесточенного боя с танками до 80 шт. и мотопехотой прижаты к дамбе у Веселый. По боевым порядкам 102 и 295 сд непрерывно бомбит авиация противника. 102 сд имеет большие потери, а 295 сд насчитывает всего до 120 штыков. 74 сд двумя полками под давлением танками и мотопехотой отошла в район Павлов, Александровский для соединения с 275 сд. Два полка 230 сд, два полка 110 кд из Багаевская, Елкин отходят за Маныч на Красный (западнее Тузлуков). 156 сд по донесениям командира дивизии обходится с флангов. 347 сд переправилась через Маныч у Красный (последний полк 347 сд переправляется в районе Манычская)»*.

*Козлов принял решение отводить дивизии за Манычский канал и занять оборону. 102 сд рубеж – Набережный, (иск) Свобода. 347 сд – Свобода, Красный... 295 сд выводится на формирование район Журавлевка.*

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.**

*230 сд – [в] резерв командарма Верх[ний] Хомутец. 110 кд – [в] резерв командарма Бол. Таловая. 156, 74 и 275 сд отводятся на Пролетарская и по возможности переправляются у Бургустинская и южнее.*

*КП штаба 37 переехал [в] Верх[ний] Хомутец. Связь проволочная с дивизиями отсутствует. Попытки восстановить не дают успеха. Радио с перебоями. Надежная связь офицерами, посланных ранее. Дамба через Манычский канал решением Военного Совета 37 взорвана 10.30. Пехота 102, 295, 230 сд не задерживается на южном берегу канала и продолжает отходить. Военный Совет и штаб Козлова разослали группы для возвращения пехоты на рубеж обороны» [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1024. Л. 124–133].*

Сообщенные в Ставку Верховного Главнокомандования (далее – ВГК) решения на занятие обороны командармом-37 были скорректированы: 102-й сд и 41-й мотострелковой бригаде (далее – мсбр) поручалось оборонять Веселый и остров восточнее 12 км (здесь же действия в обороне вели и бойцы 110-й кд); 347-й сд – рубеж (иск.) Веселый – Красное Знамя (на самом деле, дивизия только закончила переправу в районе хутора Красный и лишь к вечеру смогла выдвинуться на рубеж Малая Западнка – Красная Знамя, сменив здесь 292-й кп 110-й кд. – С. З., У. О.); 110-й кд – Свобода – Тузлуков (что противоречило приказу фронта об отводе дивизии в резерв, в район Большой Таловой – С. З., У. О.). Кроме того, в этих районах уже были группы из дивизий и артиллерийских полков Южного фронта, вынужденные вести бой, но их взаимодействие не было налажено ни штабом Южного фронта, ни штабом 37-й армии.

После гибели в бою 26 июля комиссара дивизии полкового комиссара С.Ф. Заярного и начальника штаба майора А.А. Раабя, без подписи которых тогда не мог быть отдан ни один приказ или распоряжение, в хуторе Тузлуков 27 июля за подписями начдива полковника В.П. Панина, батальонного комиссара Н.Л. Иванова и майора И.А. Теврюкова вышел приказ № 1. Ни Иванова, ни Теврюкова в то время в Тузлукове не было. Скорее всего, они подписали этот приказ позже, либо приказ был оформлен «задним числом». Характерно, что приказ № 2 вышел только 16 августа. Согласно приказу № 1 от 27 июля к исполнению обязанностей допускались: начальника штаба – начальник оперативного отделения майор И.А. Теврюков; начальника 1-го (оперативного) отделения – помощник начальника 1-го отделения старший лейтенант Г.И. Бурмистров; начальника политотдела дивизии – зам. начальника политотдела батальонный комиссар Н.Л. Иванов [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 1. Д. 3. Л. 1]. Военком дивизии мог назначаться только Политуправлением РККА, поэтому место Заярного осталось вакантным. Впрочем, начальник политотдела дивизии в его отсутствие имел право подписи за комиссара.

28 июля в 2.45 директивой Ставки ВГК № 170534 войска Южного фронта объединены с войсками Северо-Кавказского фронта. Командующим Северо-Кавказским фронтом остался маршал С.М. Буденный

[ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 267]. Принимая армии Южного фронта, Буденный дал им такую характеристику: *«Армии Южного фронта в тяжелых боях понесли большие потери, были расстроены, связь поддерживалась с большими перебоями, в основном офицерами связи и радио...»* [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 35. Л. 3].

Тем временем, немцы, раздосадованные взрывом плотины, готовили новое наступление. На правом фланге 16-й мд из остатков моста саперы сделали паром и начали переправлять подмогу 1-му батальону 156-го мп, хотя вода из водохранилища все еще продолжала вытекать, создавая двухметровые волны. 60-му мп поручалось переправа через Маныч восточнее плотины с целью дальнейшего наступления на Веселый. Артиллерия была выведена из Спорного к самой реке, чтобы добиться максимальной дальности огня [Тике 2005: 42].

28 июля немцы навели паромные переправы через Маныч у хуторов Новоселовка (к востоку от плотины) и Свобода. В первой половине дня 60-й мп 16-й мд передовыми отрядами овладел Ново-Садковским и Ново-Николаевским, силою до батальона форсировал Маныч в районе кургана Острый и вышел в район Каракашева. В 11.00 3-й батальон 60-го мп захватил Каракашев и большое количество оружия, в том числе и тяжелого, которое батальон использовал при дальнейшем наступлении на высоты южнее Веселого. В первой половине этого же дня 3-й батальон 156-го мп мелкими группами пробрался через маленький, еще свободный от воды перешеек юго-восточнее Свободы. 1-й батальон 156-го мп расширил плацдарм на запад и атаковал наши части в Малой Западенке (292-й кп в этом районе уже был сменен частями 347-й сд). 1175-й стрелковый полк (далее – сп) 347-й сд отразил 6 атак противника, понес большие потери и отошел в направлении к Булочкину.

1177-й сп 347-й сд отошел на северную окраину хутора Красное Знамя, где при поддержке артиллерии вел бой. 295-я сд (которая к тому времени увеличила свою численность и вооружение до 1 063 человек, 268 винтовок, 8 пулеметов, 10 орудий), еще утром находившаяся в Позднеевке, недалеко от Красном Знамени, в 11.00 перешла в Журавлевку, чтобы к утру 29 июля занять рубеж обороны в районе Казачьего Хомутца.

Положение 1179-го сп оставалось неизвестным (утверждалось, что он якобы сохранил позиции в районе Тузлукова), но немецкие документы свидетельствуют о том, что в этот день 97-я егерская дивизия 44-го армейского корпуса (далее – ак), переправившись через Дон у станции Манычская, потеснила части 347-й сд и расширила плацдарм до Пустошкина. 101-я егерская дивизия этого корпуса, перейдя Дон по мосту в Раздорской, вышла в район Кудинов – Карповка.

Во второй половине дня на южный берег Маныча вышел и 2-й батальон 156-го мп, который вскоре при поддержке огня 146-го артиллерийского полка (далее – ап) занял Красный Кут. В 17.00 этот батальон ата-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.**

ковал Веселый. Одновременно высоты южнее этого населенного пункта атаковал 3-й батальон 60-го мп [Тике 2005: 44]. К вечеру, пользуясь активной поддержкой люфтваффе, 156-й мп захватил Веселый, Красный Кут, Позднеевку и Малую Западенку. Передовые части противника находились севернее Процикова.

Еще более опасная ситуация сложилась на правом фланге 37-й армии, который пока еще оставался на северном берегу Маныча, восточнее Веселого. 3-я тд 40-го тк, преследуя части 74 и 275-й сд, вышла на рубеж Сталинградский – Буденовская – Ганчуков. До переправы в Пролетарской немцам оставались считанные километры. Не меньшую опасность на левом фланге 37-й армии представляла 13-я тд, которая своими подвижными отрядами, резко повернув от Батайска на восток, к вечеру вышла к Орловке (в 4 км восточнее Хомутовской). Тем самым она фактически охватила левый фланг 37-й армии, пытающейся организовать оборону по южному берегу Маныча [ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196. Л. 212–215]. Это объединение снова оказалось под угрозой окружения, причем его командование этого пока еще не осознавало.

Части 37-й армии вели упорные бои на рубеже Казачий Хомутец – Проциков. В 16.30 батальон 60-го мп при поддержке 15 танков занял Казачий Хомутец. К исходу дня в результате упорного боя батальон 156-го мп овладел Проциковым. До 20 танков, 10 автомашин и до батальона пехоты противника из Процикова пытались наступать на Верхний Хомутец, но были отброшены назад. Еще 10 танков и 70 автомашин были замечены продвигающимися от Процикова к Верхним Хорулям и Раково-Таврическому [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1025. Л. 159–160].

В условиях плохой работы связи, когда приказы зачастую передавались через делегатов связи, управление частями 37-й армии стало нарушаться, начались сбои, путаница с приказами. К сожалению, это стало одной из причин разделения 110-й кд. 27 июля командование калмыцкого соединения по приказу вышестоящего командования планировало отход в тыл, в район Майкопа. 292-й кп должен был двигаться по маршруту Мечетинская – Тихорецкая – Архангельская – Выселки – Гиагинская – Майкоп. Левее, по маршруту конзавод – Егорлыкская – Новороговская и далее на юг до Майкопа должны были идти основные силы 110-й кд [В боях за Дон 1969: 91–92]. 292-й кп под командованием майора С.И. Ориночко, группа 311-го кп капитана А.К. Темирова и ряд других отдельных отрядов в ночь с 27 на 28 июля начали отход по указанным маршрутам. По всей видимости, отход от Веселого начала и основная часть 110-й кд. Представитель штаба 37-й армии майор Кузьмин сообщал, что по данным к 24.00 28 июля: *«110 кд 30% состава (без конского состава и боеприпасов) в движении южнее Веселый направлении Верх. Хомутец (то есть в сторону конзавода и Егорлыкской. – С. З., У. О.). Положение уточняется»* [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 46. Л. 663].

Однако 28 июля войска объединенных Северо-Кавказского и Южного фронтов было решено разделить на две оперативные группы: Приморскую (в составе 18, 56 и 47-й армий, 1-го отд. стрелкового корпуса, 17-го кк), которая должна была прикрывать краснодарское направление, и Донскую (в составе 12, 37 и 51-й армий), которой поручалось ставропольское направление. 110-я кд вошла в состав Донской группы Р.Я. Малиновского, поэтому направление отхода ей изменили с южного на восточное. Однако довести новый приказ до полка Ориночко, группы Темирова и других не удалось. В результате этого 110-я кд потеряла более 600 своих воинов из боевых подразделений, прошедших горнило боев с «Великой Германией». Боевой путь 292-го кп после отделения от 110-й кд освещен в одной из предыдущих статей авторов [Заярный, Очиров 2018].

Мало того, на следующий день, 29 июля калмыцкое соединение надолго потеряло своего начдива. Полковник В.П. Панин с взводом охраны (17 человек) верхом выехал в штаб 37-й армии для доклада и получения новых боевых задач. В 17.00 он прибыл в штаб в хуторе Журавлевка [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1025. Л. 161–162]. Однако в это время из штаба 37-й армии пришел приказ о немедленном выдвижении дивизии в юго-восточном направлении. Зам. командира дивизии В.А. Хомутников был вынужден отдать соответствующий приказ частям и подразделениям. Чтобы сохранить боеспособность дивизии и избежать неоправданных потерь, части отводились по указанному маршруту поэскадронно с интервалом в 2–3 км. В результате этого Панин не смог найти свою дивизию и далее отступал самостоятельно, собирая вокруг себя «окруженцев». В 110-ю кд он вернулся лишь под Моздоком, после многотысячметрового марша.

Срочность приказа была вызвана тяжелым положением, в котором оказалась 37-я армия. Немецкие атаки из Веселого были отражены, хотя части 16-й мд достигли Верхнего Хомутца. Гораздо более опасной оказалась ситуация на флангах. На правом фланге 23-я тд в 18.00 29 июля захватила Пролетарскую, окончательно разорвав связь между 51-й армией и основными силами Северо-Кавказского фронта. Немцы пытались захватить также стратегическую переправу через Маныч, но 24-й пограничный полк отбил атаки противника. На левом фланге 13-я тд, не имевшая перед собой противника, вышла в район Андропова и Новокузнецовки, то есть фактически в тыл 37-й армии. Юго-восточнее Андропова немцы разгромили крупную колонну советских войск, захватив большое количество трофеев и 700 пленных. В 20 км южнее 13-й тд наступала «свежая» мд СС «Викинг», которая, сломив сопротивление частей 12-й армии, заняла Мечетинскую, а к исходу 29 июля – Балабанов и Манжуковский. По предложению группы армий «А» Главное командование сухопутных войск (далее – ОКН) решило отказаться от плана окружения советских армий южнее Ростова и продолжать наступление в юго-восточном направлении [ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196. Л. 220–226].

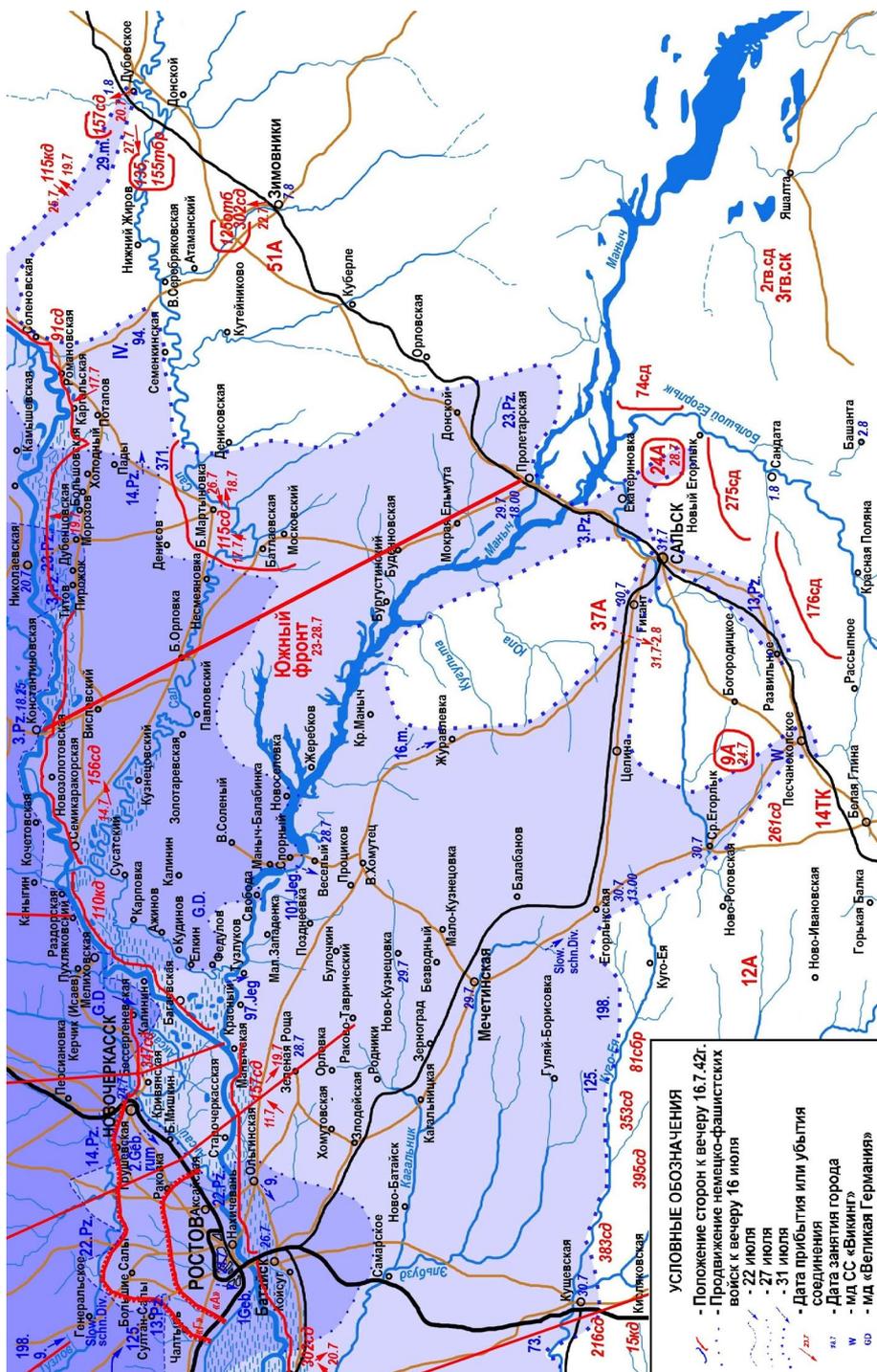
## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

Таким образом, 29 июля панцерваффе фактически рассекли Донскую оперативную группу на три части. Правифланговая 51-я армия, по-прежнему пытавшаяся удержать позиции по берегу Дона, с захватом Пролетарской оказалась отрезана от Северо-Кавказского фронта и с 1 августа ее включили в Сталинградский фронт. Бóльшая часть левофланговой 12-й армии после прорыва 13-й тд и мд СС «Викинг» повернула на юг и к исходу 5 августа переправилась на левый берег Кубани, где ее переподчинили Приморской оперативной группе. Фактически в распоряжении Малиновского осталась только 37-я армия и правифланговые части 12-й армии, охваченные танковые клиньюми с обоих флангов.

Из карты положения войск на 30 июля видно, что штаб Северо-Кавказского фронта практически не владел информацией о положении войск Донской оперативной группы. В свою очередь, Малиновский, штаб которого находился 30 июля в Новопокровской, а с 31 июля – на станции Гулькевичи (то есть фактически оказался отрезан от своих войск), не имел устойчивой радиосвязи с армейскими штабами и был не в состоянии управлять ими. Те, в свою очередь, также не получали свежей информации о действиях своих частей и не могли своевременно реагировать на новые возникающие угрозы.

В 13.00 30 июля командарм-37 принял решение отвести левый фланг армии на рубеж Манычский конезавод – Толстовка – Головановка – Прелестный – Покровка, однако части под давлением противника уже начали отход самостоятельно, не ожидая указаний сверху. Тем не менее немецкие моторизованные колонны, действующие в тылу 37-й армии, обогнали отступающие войска. 13-я тд захватила пос. Гигант, а дивизия СС «Викинг» в 13.30 – Средний Егорлык. В результате этого все дороги для отступления 37-й армии оказались перерезаны. Правда, кольцо окружения было еще не плотным, и ее войска имели возможность для прорыва.

На правом фланге в 11.00 30 июля 2-я рота 3-го мотоциклетного батальона 3-й тд при поддержке саперов форсировала Маныч (здесь ширина водного пространства достигала 1 200 м) у хутора Бургустинский. На усиление в этот район был направлен отстающий от основных сил 2-й батальон 394-го мп. Тем временем 2-я рота 3-го мотоциклетного батальона стала развивать свой успех, но у хутора Красный Маныч мотоциклисты впервые встретились с русской кавалерией [Geschichte 1967: 306–307]. Этот хутор упоминался в воспоминаниях ветеранов 110-й кд. Очевидно, что воины берлинско-бранденбургской дивизии вступили в бой с одним из подразделений калмыцкого кавалерийского соединения. К вечеру 30 июля мотопехота 16-й мд установила связь с этим батальоном. К тому времени был наведен понтонный мост через пролом в Манычской плотине, и ночью начала переправу основная часть 16-й мд. 3-я тд с боями пытается форсировать Маныч у Пролетарской [ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196. Л. 228–237].



Фрагмент карты С.А. Заярного “Оборона нижнего Дона в период с 16 по 31 июля 1942 г.”

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

Ставший теперь тыловым для 1-й танковой армии район между реками Сал и Маныч был поручен «Великой Германии» с целью зачистки небольших групп и одиночных бойцов Красной армии.

31 июля части 16-й мд, преследуя остатки дивизий 37-й армии, захватили Михайловку, Владикарс и Журавлевку. 13-я тд, создав к 13.00 отсечную позицию в районе станции Трубецкая и пос. Гигант против группировки 37-й армии, отступающей из Журавлевки на юго-восток, в 13.30 захватила Воронцово-Николаевскую и создала предмостное укрепление. После этого немцы начали наступление на станцию и город Сальск [Макензен 2004: 330]. Выделенная от 37-й армии для организации обороны Сальска группа заместителя командарма по тылу генерал-майора М.И. Дратвина не сумела организовать его оборону. Сам генерал еще до боя покинул Сальск. На юго-западной окраине города и железнодорожной станции малочисленные инженерные батальоны и несколько десятков бойцов 275-й сд пытались оказать сопротивление противнику, но долго удержать оборону не могли, и в 15.00 31 июля отошли к селению Сандата, где в это время находился штаб 275-й сд. После захвата Сальска отряды 13-й тд 3-го тк смогли установить связь с 3-й тд 40-го тк, пытавшейся форсировать Маныч южнее Пролетарской, тем самым окончательно замкнув кольцо вокруг 37-й армии [ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196. Л. 238–246].

Р.Я. Малиновский в переговорах со Ставкой ВГК в тот день сообщил, что с вечера 30 июля не имеет проволочной связи со штабом 37-й армии, который должен был переместиться из Журавлевки в Башанту. На радиogramмы штаб Козлова не отвечал, а посланные на самолетах и машинах офицеры связи пока не вернулись [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1025. Л. 268]. В сложной обстановке под натиском превосходящих сил противника, особенно его авиации и танков, войска 37-й армии, в том числе находившаяся в арьергарде 110-я кд продолжали с боями отходить на юго-восток. Днем 31 июля калмыцкая дивизия сосредоточилась в районе станции Трубецкая (Гигант), но соприкосновения с противником не имела [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73<sup>1</sup>].

31 июля в утреннем донесении штаба 40-го тк среди выявленных перед корпусом соединений Красной армии упоминается 292-й кп 110-й кд западнее станицы Буденновской перед Манычским предмостным укреплением. Поскольку полк Ориночко в этот момент был уже в Краснодарском крае, очевидно, что речь идет об эскадроне Б.Ц. Арбакова, который был отделен от 110-й кд и получил самостоятельную задачу. В последующем эскадрон Арбакова отступал самостоятельно и через территорию Калмыкии вышел к войскам 28-й армии, откуда был передан в состав 110-й кд. К 1 сентября в его составе осталось всего 60 бойцов (10 сержантов и 50 рядовых) [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 1. Д. 2. Л. 9].

<sup>1</sup> В этом деле имеется раздельная пагинация листов, поэтому ссылки на номера листов не даются.

Несколько небольших групп и одиночных бойцов 110-й кд было зачислено в состав 30-й Краснознаменной кд, восстановленной на базе 5-го кк с привлечением всех кавалеристов, оказавшихся в полосе в полосе 37-й армии. 31 июля это соединение было переподчинено 12-й армии и к 1 августа сосредоточилось в Новомихайловском (100–120 км южнее Сальска). В ее составе числилось 3 577 чел., из которых были вооружены и готовы принять бой около полутора тысяч. Остальных конников (более 2 тыс. чел.) под руководством зам. командира дивизии полковника И.В. Терентьева направили в Ворошиловск (Ставрополь) [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 46. Л. 682].

1 августа 3-я тд в ожесточенном бою заняла Сандату и Ики-Тугтун, вторгнувшись на территорию Калмыкии, после чего двумя колоннами устремилась на юг. 13-я тд установила связь с разведывательными дозорами 16-й мд и вышла к речке Рассыпная, где захватила после ожесточенного боя плацдарм у Развильного. Основные силы 16-й мд оставались под Михайловкой. 165-й мотоциклетный батальон и 156-й мп продвинулась до Рассыпной и тоже захватили плацдарм [Макензен 2004: 330].

Ставка ВГК, встревоженная положением 37-й армии – фактически единственного боеспособного объединения Донской оперативной группы, 1 августа запросила Малиновского: удалось ли ему взять управление войсками в свои руки и наладить с ними связь, их питание боеприпасами и продовольствием? [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 60. Л. 235]. В ответ Р.Я. Малиновский наконец признал, что 37-я армия и правый фланг 12-й армии окружены, а в районе Сальска противник уже завладел рубежом, указанном в приказе С.М. Буденного: *«37 А (штаб Журавлевка), оказавшаяся отрезанной в треугольнике свх. № 2 овощевод (на р. Маныч), Веселый, Целина, Сальск, 31 июля до 20.00 оставалась в районе Привольный, Прелестный, Веселый и вела бои в тылу противника. Войска 37 армии и правого фланга 12 А оказались в окружении. В 20.00 части армии начали движение для соединения со своими войсками. На рассвете 1 августа 37 А должна пробиваться на фронте Целина, ст. Трубецкая, имея очень слабенькие силы, хотя номеров дивизий у нее достаточно (295, 230, 4, 102 сд и 110 кд), но в общей сложности, каждая из этих дивизий насчитывает 250–400 штыков»* [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 60. Л. 239–240].

Отдел укомплектования штаба Северо-Кавказского фронта в соответствии с табелем отчетности подготовил справку «Об укомплектованности боевых частей Донской оперативной группы СКФ на 1 августа 1942 года». Часть справки, отражающая реальную боеспособность 37-й армии представлена в табл. 1. В ней опущены сведения о 14-м тк, числившимся в Донской оперативной группе, но фактически уже утратившим свою боеспособность [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 739–740].

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии  
от Маныча к Тереку в августе 1942 г.**

*Таблица 1*

Номер соединения	Людей	Винтовок	76 и 122-мм орудий	45-мм орудий
102-я сд	691	262	3	3
230-я сд	1 263	670	2	2
156-я сд	5 241	4 410	25	18
295-я сд	1 100	344	10	5
110-я кд	2 979	2 061	9	5
43-й гв. миномет. полк	621	257	-	-
2-я гв. сд	2 139	1 092	6	5
74-я сд	3 143	1 392	21	7
275-я сд	1 584	456	10	7

По ряду позиций сведения в таблице были явно устаревшие и неполные. Например, 156-я сд, оборонявшая позиции на Дону на участке между Семикаракорской и Николаевской и не получившая приказа об отступлении, к тому времени была окружена и уничтожена. В справке приведены последние имевшиеся сведения о ней (уже устаревшие). Данные о 110-й кд тоже приведены с учетом 292-го кп, группы А.К. Темирова и др., которые к тому времени действовали в полосе Приморской оперативной группы. Также в ней нет сведений о 347-й сд и 41-й мсбр. Тем не менее указанные цифры хорошо показывают реальную боеспособность соединений 37-й армии, оказавшихся в окружении.

Окруженные войска стали готовиться к прорыву на участке между Целиной и Гигантом, в районе платформы «147-й километр». Однако они сосредоточились в исходном районе (отделения № 1 и 2 совхоза «Гигант» – ныне Нижнеянинский и Загорье) только к 10.00 1 августа. Противник, заметив сосредоточение частей, подтянул к этому району до 10 танков и двух батальонов пехоты. В результате боя значительная часть войск не смогла прорваться, осталась в окружении и была уничтожена. По воспоминаниям жителей хуторов Загорье и Нижнеянинский немецкие танкисты со смехом ездили по полям и давили гусеницами красноармейцев, оставшихся в окружение. До 1950-х гг. в балках Булукта и Кривая стояли раздавленные и подбитые остовы наших пушек, сгоревших и разбитых автомашин. Из 230 и 295-й сд прорвались только штабы, 102-я сд вывела несколько десятков бойцов. 41-я мсбр вывезла (с учетом бойцов других подразделений) до 300 человек на 20 машинах. 347-я сд прорывалась более организованно и вывела значительную часть своего личного состава. Но поскольку штаб 37-й армии не имел с ней связи, то она армией долгое время не управлялась.

Штаб 37-й армии, не дождавшись концентрации своих войск, начал прорыв совместно с 4-й сд (соединение 12-й армии, с 31 июля переданное в состав 37-й армии), раньше (в 4–5 часов утра) и в другом районе

– западнее Целины. Он вышел к р. Средний Егорлык в районе Тацина и Нового Пути. В ночь на 2 августа штаб 37-й армии выехал в Башанту, оставив основную массу войск в окружении.

110-я кд двигалась в арьергарде 37-й армии и поэтому не участвовала в прорыве через железную дорогу. Вечером 1 августа она стала отходить из Трубецкой (Гигант) на Сальск и примерно к 22 часам достигла моста через р. Егорлык. Части 13-й тд, днем ранее захватившие город, ушли на юг, поэтому 110-я кд смогла начать переправу без особых проблем. Неожиданно появились продвигавшиеся вслед за 13-й тд танки 16-й мд, которые, развернувшись на бугре в 3–4 км от города, открыли огонь по переправе. К этому времени основные силы 110-й кд уже переправились по мосту через Егорлык и заняли оборону на северо-западной окраине Сальска, ведя артиллерийский огонь по танкам противника. Как позже вспоминал прокурор соединения Д.С. Лебедин, в результате двухчасового боя было подбито 2 танка. С нашей стороны было потеряно 2 телеги, 4 лошади и легко ранено 2 бойца. Боем *«руководил полковник Хомутников, лично проявляя стойкость и мужество»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73]. Город горел, но немцы не рискнули наступать в темноте. Благодаря этому 110-я кд смогла оторваться от противника и отступить дальше на восток, к западным улусам Калмыкии. Следует заметить, что накануне Западный и Яшалтинский улусы уже были захвачены группой К. фон Либенштайна 3-й тд [Тике 2005: 53].

Таким образом, из окружения смогли вырваться, сохранив боеспособность, только два соединения 37-й армии (без учета 347-й сд): 4-я сд и 110-я кд. За пределами кольца оказались также малочисленная 275-я сд и относительно боеспособные 2-я гв. сд с управлением 3-го гв. стрелкового корпуса (далее – ск) и 74-я сд. Других соединений РККА на всем протяжении степи от Егорлыка до Терека не было, если не считать безоружной 26-тысячной толпы солдат 9-й армии (31 июля шла по дороге от Красногвардейской к Ворошиловску) и управления 24-й армии, войск вообще не имевшей (31 июля находилось в Большой Джалге). Казалось, цель летней кампании 1942 г. вермахта начинает сбываться. Немецкие моторизованные колонны могли почти беспрепятственно продвигаться по степи к розненской и бакинской нефти. Ставка ВГК и командование Закавказского фронта спешно собирали войска, чтобы выстроить новый фронт на Тереке, но для их сбора требовалось время. По приказу командующего 37-й армии уцелевшие части и соединения начали движение к Тереку по маршруту Сальск – Башанта – Ворошиловск – Моздок.

2 августа командир 19-й сд войск НКВД по охране тыла уже не существующего Южного фронта (штаб – станица Рождественская) полковник Н.П. Подоляко в приказе № 10 указал: *«Беспрепятственно пропускать за р. Кубань и в направлении Ворошиловск – Орджоникидзе – Нальчик штабы, учреждения и тылы 56, 24 и 9 армий, артиллерию 56 армии,*

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

*пулеметно-артиллерийские батальоны 156, 69, 70, 73 УРов, 339, 349 сд, 16 и 76 бригады, не вооруженный состав 51, 296, 106, 255 сд 9 армии, 73, 218, 335 сд 24 армии.*

*Совершенно не пропускать через линию заграждения 318 сд 9 армии, вооруженных кавалеристов; 353, 383, 395, 216 и 30 сд, 68-ю бригаду 18 армии; 261, 31, 4, 176 сд и 81-ю бригаду 12 армии; 295, 230, 102, 275, 74 и 347 сд, 110 калмыцкую кавдивизию 37 армии и 3-й гв. корпус. Одиночек, подразделения и части этих соединений направлять только к линии фронта, записывая фамилию командиров, комиссаров подразделений, частей и количество военнослужащих и каких частей. Не вооруженных людей этих же соединений задерживать, фильтровать и передавать ближайшим сборным пунктам.*

*Для ориентирования сообщая: штаб 18 армии – Незамаевская, 12 армии – Белая Глина, 37 армии – Башанта (или Цорос), 3 гв. корпуса – Цорос» [РГВА. Ф. 38678. Оп. 1. Д. 12. Л. 35].*

Как раз в этот момент ОКН принимает решение о смене основного вектора наступления 1-й танковой армии: с юго-восточного на юго-западное. Немецкое командование решило после разгрома Донской оперативной группы атаковать Приморскую оперативную группу. Э. фон Клейст получил приказ направить свои подвижные соединения через линию Кропоткин – Армавир в направлении на Майкоп, с тем, чтобы одной частью своих сил отрезать войскам Северо-Кавказского фронта пути отхода к перевалам Кавказского хребта, а другой частью пробиться через Туапсе вдоль побережья на Батуми. Для прикрытия левого фланга ударной группировки необходимо было развернуть остальные соединения 1-й танковой армии на линии Ворошиловск (Ставрополь) – Петровское (Светлоград), перерезав тем самым коммуникацию советских войск, идущую через Элисту и Дивное.

В соответствии с новым планом 40-й тк Л. Гайр фон Швеппенбурга (3 и 23-я тд), переданный из 4-й танковой армии, должен был занять линию Ворошиловск – Петровское. 3-й тк Э. фон Макензена (13-я тд и 16-я мд) 1 августа, оставив небольшие отряды на путях отхода частей 37-й армии, повернул на юго-запад, к кубанской излучине в районе Армавира, чтобы отсюда наступать на Майкоп. 57-й тк Ф. Кирхнера (дивизия СС «Викинг» и словацкая мобильная дивизия) начали наступление на Кропоткин [ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 167. Л. 2–11]. Авиационные соединения 4-го воздушного флота генерал-полковника В. фон Рихтгофена в начальный период битвы за Кавказ господствовали в воздухе, нанося тяжелые потери нашим сухопутным войскам.

2 августа отряды 40-го тк продолжали движение на юг. Восточнее всех находились две колонны 3-й тд генерал-майора Х. Брайта. Вечером авангарды ее колонн стояли в Преградном и его окрестностях. 23-я тд генерал-майора Э. Мака, обеспечивая северный фланг корпуса и 1-й тан-

ковой армии, к 14.00 заняла Башанту, а затем выдвинулась по направлению к Тахте. 102-я сд, имея в своем составе около 100 штыков, вела бои в районе Башанта. 41-я мсбр, атакованная примерно 40 танками противника, отошла к с. Родыки. Штаб 37-й армии в районе Башанты был атакован танками противника и начал отход к Дмитриевскому [ЦАМО. Ф. 28(16). Оп. 1072. Д. 481ж. Л. 18–25].

Отступающая 110-я кд шла либо по пятам за колоннами Швейпленбургга, либо параллельно им, что постоянно приводило к стычкам с вражескими моторизованными патрулями. Утром 2 августа калмыцкое соединение согласно приказу 37-й армии стало отходить через Сандату и Башанту по направлению к Ворошиловску. При отходе части дивизии систематически подвергались налетам немецкой авиации, которые наносили большие потери конскому составу. В Сандате наши части провели ряд мелких стычек, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Во избежание бессмысленных потерь на марше, части и подразделения дивизии двигались разрозненно. В лесопосадках в лесных массивах Башанты был дан отдых людям и лошадям, приготовлен обед. Предварительно во всех направлениях было выдвинуто боевое охранение. После непродолжительного отдыха 110-я кд вновь стала отходить на Ворошиловск. В пути следования в безлесой и голой степи немецкая авиация систематически наносила массированные бомбовые удары [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

В этой невероятно сложной обстановке ее штабу становилось все труднее обеспечивать управление частями. Но командование и штаб сумели все же в основном организованно отвести главные силы дивизии и на ряде промежуточных рубежей оказать противнику сопротивление. Отставшие в сложных условиях боев и перемешивания при неорганизованном отходе многочисленных соединений Северо-Кавказского и бывшего Южного фронтов кавалеристы 110-й кд всеми способами пытались догнать свое соединение. Калмыцкий национальный состав и более чем полугодовое совместное обучение и сколачивание обусловили высокий корпоративный дух и спайку личного состава, который стремился вернуться именно в родную дивизию.

Вот что вспоминал о тех днях сержант 311-го кп Л.Г. Лагаев: *«где-то в начале августа сорок второго года, я отстал от своей части. Вместе с одним бойцом из Улан-Хол мы, едва волоча ноги, по проселочной дороге двигались на Башанту. Страшная усталость, изнурительный зной, жажда – все было против нас. Но страшнее всего была неизвестность: вдруг не успеем, вдруг фашистские разъезды опередят нас! Мне-то уж точно крышка – я коммунист. И тут увидели за спиной приближающийся хвост пыли. Неужели фашисты?»*

*... Догнавшая нас легковая машина резко затормозила, из нее выскочил полковник Хомутников! Василий Алексеевич ни о чем не расспрашивал – он все понял без слов.*

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.**

*– Быстро в машину – немцы на подходе к Башанте!...*

*Оказывается, полковник Хомутников, объезжая отходившие части, подразделения и просто разрозненные группы бойцов нашей дивизии, отступая едва ли не самым последним из командиров нашего соединения. Буквально перед самым носом наседавших фашистов собирал оставшие от своих частей группы бойцов...» [Илишкин, Оглаев 1988: 188].*

А вот как вспоминал об этих событиях один из шоферов 110-й кд К.И. Погребной *«В Башанте я узнал, что с нами отступает Хомутников, мы вместе были в лесополосе возле совхоза Комсомолец, завтракали вместе, а потом пошли в Дмитриевку (Дмитриевское). Забыл одно село небольшое, где нам дали команду разгрузить автомашины и посадить солдат. Мы поехали занять оборону в Сандате. Это было поздно вечером, мы доехали до Дмитриевки (Дмитриевское), а немец уже бьет по селу и через село трассирующими. И нас командир вернул назад» [НА КалмНЦ РАН. Воспоминания К.И. Погребного].*

Другой ветеран (старший сержант К. Сангилов из 311-го кп) об этих днях вспоминал так (воспоминания приводятся в записи младшего лейтенанта 292-го кп Н.В. Бадьминова): *«Сангилов пеше уходил из боев. Из окружения сошелся с двумя такими же пешеходами. На поду, когда он лежал в кустах, немецкая машина легковая стала около них, и немцы зашли в хаты собирать яички и курей. Он сел за руль и угнал машину, посадил 2-х своих товарищей и, не доходя Башанты, бензин кончился. Они добрались до хутора Бичкин-Кел. Там ему сказали, что Иванов Н.Л. здесь. Они пошли к нему. И вдруг мотоцикл немецкий подкатил. Иванов выстрелил один раз из окна кухни. Немцы укатили обратно. Иванов сел на коня, собрал всех верховых и уехал. Когда они спросили, а что мы будем делать? Найдите лошадей и езжайте за нами» [ЛАА: Письмо Н.В. Бадьминова].*

Не имея данных о продвижении в разрыве между 12 и 37-й армиями немецких 13-й тд и 16-й мд, вечером 3 августа штаб Северо-Кавказского фронта издал директиву № 077/оп, согласно которой Донской и Приморской оперативным группам следовало отойти на южный берег Кубани и Краснодарский оборонительный обвод. 37-й армии с 3-м гв. ск было приказано оторваться от противника и отходить в направлении Благодатное – Ворошиловск с целью занять оборону по южному берегу Кубани на участке от Невинномысск до Вольного (юго-восточнее Армавир). При этом предписывалось выбросить подвижные отряды на переправы Кубани для обеспечения отвода войск [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 304. Л. 15].

Тем временем 3-я тд совершила за один день (3 августа) гигантский прыжок, преодолев более 100 км от Преградного до Ворошиловска. Утром, в 8.30 передовой отряд майора Папе (созданный на базе мотоциклетного батальона) выступил из Безопасного на юг. В 10.30 в Безопасное вошли

главные силы 3-й тд, собранные в боевую группу фон Либенштайна. Восточнее продвигался слабый передовой отряд 23-й тд, испытывавший серьезные проблемы из-за нехватки горючего. Тем не менее он смог дойти до Дмитриевского, передовыми частями – до Труновского. Главные силы 23-й тд дожидались подвоза горючего в Пролетарской и Сальске.

Командующий 37-й армии приказал 110-й кд задержать продвижение панцерваффе на Ворошиловск на позициях в районе с. Донское (в 40 км севернее города). Подчеркивая значимость задачи, командарм приказал, чтобы все офицеры и политработники, не взирая на лица и ранги, сражались на передней линии. Штаб дивизии, политотдел, трибунал, Особый отдел и другие службы находились в 200 м от линии обороны. Часть подразделений 110-й кд еще утром 3 августа заблаговременно заняла оборону, чтобы успеть оборудовать его в инженерном отношении. Дивизия, заняв оборону в Донском, максимально использовала рельеф местности, каждый овраг, различные постройки, рылись окопы и позиции для минометов [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Немцы бросили на наши позиции 25 танков, БТР и мотопехоту. Однако бойцы 110-й кд не паниковали и уверенно отбили вражескую атаку. Не сумев передовым отрядом с ходу захватить село Донское, противник обошел его с фланга и устремился дальше на юг к Ворошиловску. А к селу уже подходили основные силы 3-й тд. Начались новые атаки. При этом в тыл нашим позициям пробралась группа автоматчиков, которые своим огнем пытались внести сумятицу в наши ряды. Бой за село Донское продолжался несколько часов. Артиллеристы 110-й кд под командованием майора Н.В. Боброва подбили несколько танков и БТР. Начальник артиллерии лично находился у орудий, отдавая команды и вдохновляя бойцов своей отвагой, бодростью духа и неистощимым юмором. За умелую организацию боя, стойкость обороны и военную хитрость помощник начальника оперативного отделения дивизии старший лейтенант А.М. Монахов был награжден орденом Красного Знамени [ОБД «Подвиг народа»]. Большое мужество и отвагу в бою, спасая раненых, проявили медсестры – Клава Грачева и Люба, фамилию которой ветераны не смогли вспомнить. В решающий момент боя 6 танков противника двинулись на позиции штаба 110-й кд. По ним был открыт огонь из ПТР. Особо отличились бойцы комендантского взвода под командованием старшины Б.С. Кармашева – Мучка Кокуев, Еренджиев, Олейников и др. Они подожгли бутылками с горючей смесью немецкий танк и отбили несколько атак автоматчиков. Немцы были вынуждены прекратить атаки [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Тем временем, отряд Папе захватил на станции Пелагиада стоявший под парами эшелон с танками и артиллерией. В 15.45 головные машины 1-го батальона майора Папе 6-го танкового полка (далее – тп) достигли Ворошиловска. На тот момент в городе находились лишь тылы и караулы

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

15-го запасного кавалерийского полка (далее – зкп) общей численностью 500 чел. и 26-й мотоциклетный полк – 200 чел. Гарнизон Ворошиловска был слабо вооружен и не мог противостоять танкам и мотопехоте Папе, поэтому сразу отступил, не приняв боя. Немцы, вступив в город, отметили, что повсюду были видны следы налетов немецкой авиации: разбитые машины и тяжелое вооружение на улицах, горящие товарные поезда на железнодорожном перегоне. Был захвачен элеватор с 2 500 тоннами пшеницы и аэродром со складом горючего. На уже захваченный аэродром пытались садиться советские самолеты, 8 из которых оказались сбиты. В 17.50 немецкие войска уже прочно удерживали Ворошиловск. К нему подходили остальные части 3-й тд [Тике 2005: 60].

Всего в 15-м зкп (ком. – подполковник А.И. Лисицын, военком – батальонный комиссар В.А. Максютков), занимавшим позиции к северу от Ворошиловска, по данным на 20 июля числилось 4 495 чел., включая не вооруженных [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 73]. К концу дня 3 августа 15-й зкп по приказу зам. командующего войск Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанта В.Н. Сергеева отошел по маршруту совхоз № 10 – Темнолесская – Саблинское – Георгиевск – Орджоникидзе [ЦАМО. Ф. ЗКФ. Оп. 999. Д. 64. Л. 82].

Дальнейшая оборона Донского с падением Ворошиловска потеряла смысл, и командарм приказал калмыцкому соединению отступить. Вечером 110-я кд отошла, оставив отряд прикрытия под руководством старшего политрука Д.И. Евграшева. Вот как вспоминал об этом зам. командира пулеметного эскадрона 273-го кп М.Г. Джунгуров: *«Последний серьезный бой с противником дивизия приняла северо-восточнее г. Ворошиловска. По приказу полковника Хомутникова, старший политрук Евграшев (военком 273 кп) и Джунгуров (зам. командира пулеметного эскадрона 273 кп) были оставлены со 120 бойцами для прикрытия отхода оставшихся частей и подразделений дивизии. Во второй половине дня 2 августа до позднего вечера мы вели ожесточенный бой с передовыми частями противника. Под прикрытием ночи наша группа отошла в Михайловское, где должна была соединиться с дивизией. Но в селении дивизию не нашли, и по решению Евграшева стали двигаться в направлении Пятигорска, Русский Баксан. При подходе к Русскому Баксану были задержаны заградотрядом. Рядовой и младший начальствующий состав были оставлены в обороне для пополнения одной из обороняющихся частей, а Евграшев и Джунгуров были направлены в распоряжение командования Закавказского фронта (так закончилась их служба в 110 кд)»* [НА КалмНЦ РАН. Воспоминания М.Г. Джунгурова].

110-я кд первоначально отступала по маршруту Донское – Московское – Михайловское, но на полдороге ее встретили немецкие танки. Калмыцкое соединение было вынуждено повернуть на восток, при этом оно разделилось на две группы. Первая, основу которой составили 273-й кп, подраз-

деления 292 и 311-го кп (под руководством полковника В.А. Хомутникова), начала отход левее железнодорожной линии на Моздок. Авторы книги «В годы суровых испытаний» эту группу подчеркнуто называли «боевое ядро 110-й кд», поскольку калмыцкое соединение было возрождено именно из него. Вторая группа, состоявшая из подразделений штаба дивизии со штабным имуществом и документами, прокуратуры, трибунала, особого отдела, продтранспорта и некоторых подразделений 311-го кп (под руководством комиссара штаба дивизии батальонного комиссара И.И. Белкина), стала отходить в сторону Буденновска. Обе группы двигались степными дорогами, чтобы не быть обнаруженными противником.

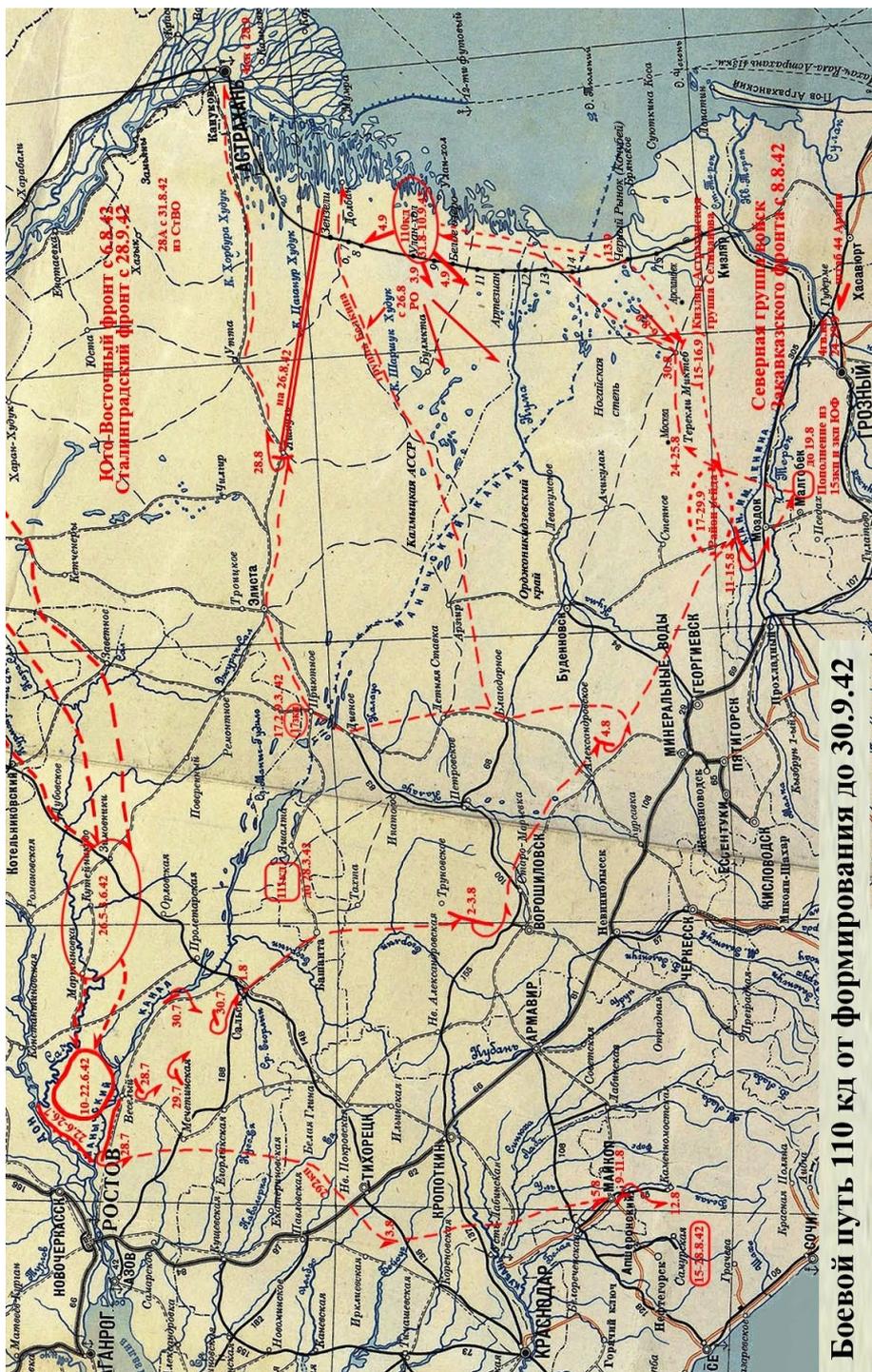
Вот как вспоминал об этом один из ветеранов 110-й кд: *«И мы, все отступающие, утром рано вошли в село Московское, стояли в огородах. С нами был Хомутников. Ставрополь горел, немцы по три самолета бомбили. В село Московское вошли танкетки и стали стрелять. Хомутников дал распоряжение отступить на Орджоникидзе, и мы пошли через Ставрополь. Здесь была большая паника. Я выехал [в] Нивенку и со мной было три автомашины, а остальные ушли левее на Петровское, Благодарное, Буденновск. Я с одним майором, фамилию не знаю, кинулся на окраину города, где мы ожидали встретиться со своими. Танки немецкие шли в город, мы заехали в центр города Ставрополь и искали своих, но их не было в городе»* [НА КалмНЦ РАН. Воспоминания К.И. Погребного].

Другой ветеран описывал этот отход так: *«За Ворошиловском немецко-фашистская авиация целыми днями висела в воздухе, нанося бомбовые удары по частям и подразделениям 110 КД. Грунтовая дорога из Ворошиловска в Минеральные Воды [и] на Буденновск и другие населенные пункты покрылась сплошными воронками... Удары авиации очень затрудняли движение войск особенно транспорта»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

Группа Белкина, численность которой одним из ее офицеров оценивалась в 200–250 чел., после Буденновска продолжила движение на восток и 10 августа вышла к Старой Кучергановке, в полосу действия 28-й армии [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 73].

В сложной обстановке приходилось принимать неординарные решения. Так, 3 августа в 10 км от Ворошиловска бухгалтер-казначей финотдела 110-й кд техник-интендант 2-го ранга П.М. Филиппов ехал на автомашине, в которой были документы и ценности соединения. Внезапно она наткнулась на немецкие танки и попыталась уйти от погони. Из-за перегрева мотора машина встала. 6 танков противника подошли к машине на дистанцию 10–15 м, но затем начали обстрел проходившего мимо поезда. Воспользовавшись этим, Филиппов вскочил в кузов машины, вскрыл несгораемый ящик, забрал документы, ценности и деньги и бросился бежать. Когда танки наконец сожгли автомашину, финансист спас документы и ценности дивизии на сумму 5 млн. руб. [ЦАМО. Ф. 110 кд (2 ф.). Оп. 1. Д. 6. Л. 28].

Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маньчжа к Тереку в августе 1942 г.



Фрагмент карты С.А. Заярного  
«Боевой путь 110 кд от формирования до 30.9.42»

4 августа 40-й тк, имея штаб в Донском, вел разведку на юг и юго-восток, достигнув частями 23-й тд линии восточнее Донского – Дмитриевское – Башанта. Не обращая внимания на растянувшиеся коммуникации и острую нехватку горючего, части 23-й тд, собранные в боевую группу Бурмайстера, 4 августа продолжили наступление и взяли Тугулак, мелкие группы вели разведку по длинному восточному флангу. 3-я тд подтягивалась к Ворошиловску.

Потеря управления командованием 37-й армии видна из утренней сводки Генерального штаба от 5 августа: «37-я армия. 102 сд и 41 мсбр по приказу командования отходили на левый берег р. Кубань для занятия обороны на участке Невинномысск, Армавир. С частями 74, 230, 275, 295 и 347 сд связь не установлена. Перед фронтом армии действует до двух–трех моторизованных дивизий и 150 танков противника. 3 гв. ск включен в состав 37-й армии» [ЦАМО. Ф. 28(16). Оп. 1072. Д. 481ж. Л. 36–44]. Под Ворошиловском штаб 37-й армии утратил связь не только практически со всеми стрелковыми дивизиями, но и с 110-й кд, поскольку дальше она отступала по степным дорогам, вдали от основных коммуникаций. Ядро калмыцкого соединения вышло в район с. Саблинское (в 40 км северо-западнее Минеральных Вод) и заняло здесь оборонительный рубеж, на котором кавалеристы оказали упорное сопротивление передовым отрядам противника, рвавшимся к Минеральным Водам.

Только 5 августа советское командование поняло, что между обороной, создаваемой войсками Закавказского фронта по р. Терек, и отходящими войсками Северо-Кавказского фронта имеется разрыв, так как левый фланг обороны Закавказского фронта упирался в Майское и далее шел по р. Урух, а правый фланг Северо-Кавказского фронта проходил по р. Кубань и упирался в Невинномысск. Этот разрыв между фронтами позволял противнику свободно развивать наступление в направлениях: а) Буденновск – Моздок; б) Буденновск – Георгиевск – Прохладный; в) Ворошиловск – Минеральные Воды – Пятигорск – Нальчик. Прикрытие этих направлений и восстановление связи между Закавказским и Северо-Кавказским фронтами было возложено на командующего 9-й армией генерал-майора Ф.А. Пархоменко, возглавившего оборону орджоникидзевского направления.

Передовые части Закавказского фронта, прикрывавшие рубеж Буденновск – Георгиевск, 5 августа вступили в бой с танковыми и моторизованными частями противника и, ведя сдерживающие бои, начали отход к основному оборонительному рубежу [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 1. Л. 36]. Группа фон Либенштайна 3-й тд (рота 6-го тп, мотоциклетный батальон 3-го мп, дивизион 75-го ап, 39-й саперный батальон, батарея 70-го ап, колонна тылового обеспечения), являясь передовым отрядом 40-го тк, начала движение в 5.00 утра и уже в 11.00 заняла Барсуковскую

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

и Невинномысск, где создала предместное укрепление на западном берегу Кубани. Передовой отряд захватил железнодорожный мост в неповрежденном виде и перерезал железную дорогу Армавир – Георгиевск. К вечеру подошли остальные части дивизии. Невинномысск имел особое значение как стратегический узел коммуникаций. Через него проходили важная железная дорога Ростов – Баку, нефтепровод Грозный – Ростов, здесь начиналась Военно-Сухумская дорога.

Части 37-й армии, штаб которой 5 августа находился в Янкуле, продолжали отходить из района Подлесное – Дмитриевское – Безопасное. При этом штаб никаких данных о положении своих войск не имел [ЦАМО. Ф. 28(16). Оп. 1072. Д. 481ж. Л. 45–53].

6 августа Закавказский фронт продолжал перевозку соединений и частей для прикрытия подступов к Закавказью с севера и заканчивал организацию обороны передовыми отрядами группы генерал-майора Тимофеева на рубеже: станция Нины – Воронцово-Александровское – Минеральные Воды – Пятигорск – Ессентуки. Одновременно с этим он выдвигал передовые отряды с задачей разведки рубежей: Херсонский – Сарапан – Селиванкин – Кириллин – Ага-Батыр – Привольный – Камово – Советская [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 57]. 5–7 августа передовые части группы генерал-майора Тимофеева вошли в соприкосновение с передовыми частями противника в районе Георгиевска и, не оказав серьезного сопротивления, дали возможность противнику отеснить их в юго-восточном направлении.

Передовая группа 23-й тд достигла р. Калаус в районе Ипатово. Части 201-го тп и 128-го мп 23-й тд в первой половине дня 6 августа предотвратили прорыв 4-й сд южнее Дмитриевской, уничтожив ее основные силы и захватив 2 400 пленных и 26 орудий, в том числе 6 орудий калибром 203 мм. К вечеру 7 августа боевая группа Бурмайстера 23-й тд (батальон 201-го тп, батальон 128-го мп, дивизион 128-го ап, саперные и противотанковые подразделения) захватила плацдарм у Сергиевского. Вечером фон Швеппенбург отдал приказ, в котором в качестве целей дальнейшего наступления для 3-й тд определялся Пятигорск, а для 23-й тд – Минеральные Воды.

8 августа 3-я тд тремя маршевыми группами выступила на восток. Путь дивизии пролегал вдоль железнодорожной магистрали Невинномысск – Георгиевск по обе стороны нефтепровода Баку – Ростов, однако перед подходом немецких войск советские арьергарды успели поджечь все насосные станции. За день, пройдя 180 км, передовая группа на ночь заняла круговую оборону в районе Канглы. В тот же день боевая группа Бурмайстера прошла 100 км от Сергиевского до горы Кинжал (в 15 км севернее Минеральных Вод). Обе дивизии 40-го тк находились перед своими целями.

В результате создавшейся обстановки на Донскую оперативную группу Малиновского была возложена задача обеспечения отвода тылов

за р. Терек. Несмотря на то, что боевые части группы (то есть 37-я армия) в предыдущих боях были разгромлены и понесли большие потери, все же отход тылов обеспечивался, и противнику не удалось их отрезать, так как части 37-й армии отходили с рубежа на рубеж и непрерывно держалиседающего противника под огневым воздействием. Необходимо признать, что Донская оперативная группа выполнила большую работу, обеспечив отход основных тылов Южного и Северо-Кавказского фронтов. С подходом этих тылов к району Прохладного, работу по управлению их дальнейшим отходом взяло на себя командование Закавказским фронтом. В результате этого основную массу тылов удалось вывести за Кавказский хребет [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 73–74].

8 августа на основании директивы Ставки ВГК № 994147 была создана Северная группа войск Закавказского фронта (далее – СВГ) за счет объединения войск 9 и 44-й армий. Командующим группой был назначен генерал-лейтенант И.И. Масленников. Полевое управление штаба этой группы было сформировано из работников штаба Донской оперативной группы, отошедшей на этот участок, частично из работников расформированного полевого управления штаба 24-й армии и было пополнено командирами резерва фронта [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 36]. В связи с расформированием управления 24-й армии (не имевшей своих войск), ее бывший командующий В.Н. Марцинкевич 8 августа вступил в командование 9-й армией, сменив Ф.А. Пархоменко, занимавшего эту должность временно с момента переправы армии на левый берег Дона. Пархоменко был назначен командиром 10-го гв. ск.

8 августа к исходу дня передовые части 40-го тк подошли к северному берегу Кума, где вступили в бой с Новочеркасским кавалерийским училищем, в 1941 г. эвакуированного в Пятигорск. Среди прочих в его составе находился и национальный курс, созданный весной из лучших и наиболее образованных бойцов 110 и 111-й Калмыцких, 114-й Чечено-Ингушской и 115-й Кабардино-Балкарской кд. Из пяти национальных взводов три были калмыцкими [ПМА: М.Э.-Г. Эрдни-Горяев]. Курсанты-кавалеристы мужественно оборонялись против танков и мотопехоты врага. Все попытки гитлеровцев форсировать Куму у Минеральных Вод успеха не имели. Полный отчет начальника Новочеркасского кавалерийского училища полковника И.П. Калюжного о действиях училища с 4 августа по 5 сентября 1942 г. [ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 305–320] можно прочитать на сайте «Дон 1942» [Сайт].

Оценивая боевые действия войск Закавказского фронта с 7 по 15 августа 1942 г. на моздокском направлении, бывший командующий Минводской группы, инспектор кавалерии Закавказского фронта генерал-майор Г.Т. Тимофеев дал такую оценку действиям Новочеркасского кавалерийского училища: *«Героически дралось кавалерийское училище у Мин. Вод (начальник кав.училища полковник Калюжный) почти в полном окружении, где нанес-*

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.**

*ло большие потери немецким войскам в танках и живой силе. В ночь на 13.8.42 г. училище прорвало кольцо окружения и вышло в направлении Возрождение, Лысогорская и 15.8.42 г. заняло оборону на 2 рубеже обороны Марьинская, Куба» [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 206. Л. 6].*

В свою очередь, полковник И.П. Калужный и военком училища батальонный комиссар Ф.А. Лагута дали такую характеристику своим курсантам-калмыкам: *«Калмыки дрались как львы. Будучи в окружении, выходили из окружения одиночками и группами, но с полным снаряжением и вооружением, не бросая ни одной мелкой детали из имеющегося у них социалистического имущества и матчасти. Характерен факт, когда был убит курсант национального эскадрона (калмык), то его товарищи поклялись тут же на поле боя над его трупом, отомстить фашистам и лихо бросились в атаку»* [ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 320]. Курсант М.Х. Борванчиков в бою 9 августа, отражая атаку, огнем из автомата уничтожил пулеметный расчет и пять автоматчиков противника, а затем, несмотря на ранение, подавил огонь еще двух пулеметов. За этот подвиг Мутул Харцхаевич был награжден орденом Красного Знамени [ОБД «Подвиг народа»].

9 августа противник продолжал наступление на Буденновск и Минеральные Воды. К утру его передовые части вышли на рубеж Благодарное – Александровское – Минеральные Воды – Суворовская – Курсавка – Эркен-Юрт. В районе Невинномысска остатки 37-й армии и группы Тимофеева вели упорные бои с немецкими танками и мотопехотой [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 79].

11 августа боевая группа 23-й тд, проведя атаку в юго-восточном направлении, захватила плацдарм у хутора Лысогорский. Донская оперативная группа Р.Я. Малиновского в составе 37, 9 и 24-й армий, прикрывающая пятигорское направление, была передана в подчинение Закавказского фронта. Наличие двух групп войск, сражающихся на одном театре боевых действий, было признано излишним. При этом действия войск оперативной группы Р.Я. Малиновского на линии Ворошиловск – Невинномысск носили разрозненный характер, так как управление войсками группы было нарушено. Большое количество частей и подразделений с боем отходили без всякого управления. Поэтому с целью принятия этих отходящих частей под единое руководство и использования их в общей системе обороны вдоль Терека командование Закавказским фронтом подчинило все войска, ведущие бой восточнее линии Невинномысск – Ворошиловск командующему СГВ И.И. Масленникову [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 79, 82].

12 августа боевая группа Либенштайна 3-й тд прорвалась к Эссентукам и, захватив позиции в горах, прикрыла правый фланг 40-го тк. Тем самым были обеспечены условия для дальнейшего немецкого наступления вдоль горного хребта.

К этому моменту 110-я кд вышла в район южнее Моздока у станицы Вознесенской, где уже находился начдив В.П. Панин со своей группой. Дивизия после тяжелейшего 600-километрового отхода, двух прорывов из окружения, непрерывных и кровопролитных боев, продолжавшихся почти месяц, получила наконец кратковременную передышку и возможность привести себя в порядок. Здесь же после боев под Ворошиловском оказался и 15-й зкп.

Однако отдых оказался недолгим. 13 августа генерал-лейтенант И.И. Масленников шифровкой № 27/ш доложил командующему Закавказским фронтом и начальнику Генштаба: *«...Подоседающую с севера в район Моздок 110 кд составе 200 сабельного эскадрона подчинил командарму-9, обязал последний на рубеж р. Кура выбросить на узлы дорог разьезды, потребовал от командарма-44 мотоотряды выбросить на север в глубину на 80 км для своевременного обнаружения появления противника перед фронтом армии, кроме того в дневное время не менее трех раз рубеж Промысловка, Петровское освещать авиаразведкой»* [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 1. Л. 133–134].

Тем временем 40-й тк продолжил наступление вдоль горного хребта, имея 3-ю тд на правом фланге, 23-ю тд – на левом. Группа Папе 3-й тд атаковала с. Малка, но была остановлена огнем советской артиллерии с гор и не смогла переправиться через р. Малка. Однако восточнее немцев ждал успех: группа Бахмана 23-й тд, преодолев ожесточенное сопротивление советских частей, в 10.00 захватила станицу Марьинскую, а 2-й батальон 128-го мп 23-й тд форсировал р. Малку и занял с. Куба. На следующий день 3-я тд вновь была отброшена от Малки, но 23-я тд начала наступление в глубь Кабардино-Балкарии. К исходу дня 14 августа она вышла на линию Баксаненок – Баксан и даже попытались захватить Кишпек, но была остановлены паводковой волной открытой плотины водохранилища у Кызбуруна.

Согласно боевому распоряжению № 0017 штаба 9-й армии от 14 августа, 110-я кд была подчинена командарму-9 и получила боевую задачу: занять оборону на рубеже Русский – Дементьевский – Эрестовский – Чернойрский и прикрыть склад наркомата обороны № 127, расположенный на разьезде Луковский в течение 15–16 августа. Дивизии предписывалось главное внимание обращать на северо-западное направление и вести там разведку. Командованию дивизии было приказано установить связи с 20-м бронепоездом и 2-м бронепоездом 19-го дивизиона бронепоездов, действующим на участке Моздок – Прохладный, а также представить сведения о боевом и численном составе дивизии к 22.00 14 августа [ЦАМО. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 77. Л. 45]. Назначенный для малочисленной кавдивизии рубеж был довольно широк – более 25 км.

15 августа из штаба стрелкового корпуса в штаб 9-й армии сообщили: *«В хозяйстве тов. Панина, которому вчера готовилось при мне рас-*

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.**

*поряжение, находится всего 196 чел. Может выделить 100 чел., которые предлагаю разместить разъезд Павлодольское, остальные пункты, согласно Вашего указания обеспечу я. Тов. Панина считаю возможным держать при себе, где он сейчас находится со своим хозяйством. Срочно прошу дать ответ по данному вопросу.*

На что штабу корпуса ответили: *Хозяйство Панина кавчасть № 110 сосредоточено в Вознесенская, имеет в своем составе людей 100 чел., лошадей 106 шт.»* (ЦАМО. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 93. Л. 21].

Штаб 9-й армии принял решение доукомплектовать 110-ю кд за счет запасных кавалерийских частей, оказавшихся в его распоряжении: зкп Южного фронта подполковника С.А. Демьяненко и 15-го зкп подполковника А.И. Лисицына.

Запасной кавалерийский полк Южного фронта еще 30 июля был передислоцирован в район Преградного из Эркетеневской и МТФ совхоза «Гигант» [ЦАМО. Ф. зкп ЮФ. Оп. 595309. Д. 3. Л. 429–431]. 16 августа Демьяненко получил из штаба 9-й армии приказ №ОУ/1/01081: *«В соответствии с приказанием генерал-лейтенанта Масленникова, переданного лично командарму 9, Вам надлежит предоставить право представителям ОК и ОУ (старший группы старший политрук Елистратов) отобрать из числа начальствующего, младшего начальствующего и рядового состава весь необходимый контингент, по их усмотрению и направить таковой в распоряжение командира 110 кд. Остальному составу запасного кавполка, который остался после отбора, немедленно выступить и следовать г. Махачкала в распоряжение генерал-лейтенанта Курдюмова»* [ЦАМО. Ф. зкп ЮФ. Оп. 595309. Д. 3. Л. 435]. Следует заметить, что во время передачи личного состава в 110-ю кд в районе х. Заманкул из зкп Южного фронта дезертировали ряд бойцов и командиров, о чем свидетельствует донесение штаба полка от 11 сентября с приложением списка на двух листах [ЦАМО. Ф. зкп ЮФ. Оп. 595309. Д. 4. Л. 22].

110-я кд получила пополнение и из 15-го зкп, причем не только в виде подчиненных, но и командования. Решением Военного Совета СГВ от 16 августа № ВС/010 командиром и комиссаром 110-й кд были назначены командир и комиссар 15-го зкп: подполковник А.И. Лисицын и батальонный комиссар В.А. Максютков. 18 августа они прибыли в Моздок и вступили в командование дивизии [ЦАМО. Ф. 3620. Оп. 1. Д. 13. Л. 48]. Возможно смена командования дивизии была произведена по ходатайству командующего 9-й армии генерал-майора В.Н. Марцинкевича. Он был знаком со 110-й кд еще с июльских боев. Тогда Марцинкевич по приказу Южного фронта должен был обеспечить силами своей 24-й армии оборону Дона на участке 110-й кд. Однако 23 июля он свалил вину «с больной головы на здоровую», обвинив командование калмыцкого соединения в плохой организации обороны. Не пройдет и трех недель, и Марцинкевича снимут с должности командарма (3 сентября),

как неспособного руководить армией. Его переведут на другой фронт с понижением в должности до командира дивизии.

В докладе 15-го зкп слияние со 110-й кд было описано так: *«К концу дня 3 августа с наступлением темноты в результате превосходства сил противника (главным образом в технике – танки, самолеты и вооружение) наш полк во главе с командиром полка подполковником Лисицыным и комиссаром полка батальонным комиссаром Максютковым по приказу зам. командующего войск СКВО генерал-лейтенанта Сергеева отошел в направлении свх. № 10, Темнолесская, Сабли, Георгиевск, Орджоникидзе. В районе г. Орджоникидзе личный состав полка в количестве 348 чел. с вооружением и конским составом 311 лошадей влился в 110 кавалерийскую дивизию. Командиром дивизии назначен подполковник Лисицын, комиссаром дивизии батальонный комиссар Максютков. Кроме того, 90 чел. было передано в пограничное училище. Оставшийся состав: 376 чел., 304 лошади, 5 автомашин 13 августа выступили из Орджоникидзе»* [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 64. Л. 82].

Тем временем, противник начал концентрировать свои соединения на центральном Кавказе. К середине августа Э. фон Клейст перебросил под Моздок 13-ю тд (из района Майкопа) и 3-ю тд (из района Нальчика). Из района Элисты туда же начали выдвигаться 111 и 370-я пд 52-го ак. На нальчикском направлении командование 1-й танковой армии оставило только 23-ю тд и 2-ю румынскую горнострелковую дивизию. В трех танковых дивизиях группы армий «А» на тот момент было 340 танков. Вечером 18 августа передовой отряд 13-й тд, захватил после короткого боя переправу через р. Кума у Воронцово-Александровского. В тот же день передовые отряды Северной группы, оборонявшиеся в районе Левокумское – Буденновск – Воронцово-Александровское, вступили в бой с частями 52-го ак. Передовые отряды были очень малочисленны, и их действия носили главным образом разведывательный характер, поэтому они не смогли сдержать наступления врага и отошли 21 августа с тяжелыми боями к Моздоку. Бои на подступах к Моздоку и Прохладному, а также на северном берегу Терека явились первым этапом активной обороны войск Закавказского фронта, причем в этих боях произошел перелом в моральном состоянии войск, и они смогли добиться некоторых успехов.

Вернемся к 110-й кд. 17 августа в 2.35 начальник оперативного отдела 9-й армии капитан Вансович запросил 11-й гв. ск: *«Вывезли ли полностью склад НКО №127, проверить, что там осталось, остальное подобрать себе... Если склад НКО №127 вывезен полностью, то разрешаю 110 кд снять Ваш резерв. Если он пустует, то и охрану там держать нечего...»* [ЦАМО. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 93. Л. 30]. В ответ начальник штаба 11-го гв. ск Усачев сообщил, что *«...Дело с вывозом боеприпасов со склада Моздок обстоит неважно, на сегодня осталось не вывезенными до 900 вагонов»*. [ЦАМО. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 93. Л. 14].

## Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г.

18 августа командарму-9 приходит новый приказ штаба СГВ (№ 012/оп) относительно 110-й кд: «...части 110 кд под командованием подполковника Лисицына немедленно направить в Кизляр в распоряжение командарма 44. Движение совершать нормальными кавалерийскими переходами. Дальнейшие задачи получить от командарма 44. Учесть, что в районе Яикуль имеется до 250 сабель, принадлежащих 110 кд, которые также присоединить к дивизии» [ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 5. Л. 13]. 19 августа в станице Вознесенской полковник В.П. Панин подписал свой последний приказ в должности командира 110-й кд: «С сего числа сдаю дивизию подполковнику Лисицыну. Убыл в распоряжение штаба Северной группы Закавказского фронта. Основание: Предписание Военного Совета Северной группы Закавказского фронта от 16.8.1942 г.» [ЦАМО. Ф. 3620. Оп. 1. Д. 3. Л. 30б.]. 24 августа Панин был назначен командиром 30-й кд.

В районе Вознесенской командование в первую очередь провело укомплектование подразделений, расставило командно-начальствующий состав на вакантные должности. Некоторых командиров и политработников, участвовавших в составе дивизии в боях на Дону, повысили в должностях, как получивших достаточный боевой опыт. Из 15-го зкп новые назначения получили: капитан В.С. Морозов – начальником разведывательного отделения штаба дивизии; старший политрук И.Ф. Богомазов – военкомом штаба; старший лейтенант И.М. Фролов – начальником строевого отделения; военврач 3-го ранга А.Б. Коган – начальником санслужбы дивизии [ЦАМО. Ф. 3620. Оп. 1. Д. 3. Л. 5].

В тот же день, 19 августа, командование Закавказского фронта сообщило, что через боевые порядки войск продолжают подходить части бывшей Донской оперативной группы генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского. При этом 30-я кд (численностью 200–300 сабель) разрозненными группами сосредотачивается в Нальчике, а 110-я кд (до 400 человек, а также пополнение в 1000 человек) направлена в район Кизляр для прикрытия железной дороги Кизляр – Астрахань [ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 144].

В истории 110-й кд наступил новый этап, она возвращалась в родные калмыцкие степи.

### Источники

В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.

Личный архив автора С.А. Заярного (ЛАА).

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

ОБД «Подвиг народа».

Полевые материалы автора У.Б. Очирова (ПМА). Информант – Манджи Эрдни-Горяевич Эрдни-Горяев, 1923 г.р., запись сделана 9 мая 2010 г.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Сайт «Дон 1942». URL: <http://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/o-boevykh-dejstviyakh-novoчеркасского-кавалерийского-училища>

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

National Archives and Records Administration (NARA).

### Литература

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

*Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 41–59.

*Заярный С.А., Очиров У.Б.* Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // Magna adsurgit: historia studiorum. 2017. № 2. С. 38–68.

*Заярный С.А., Очиров У.Б.* Отход частей 110-й ОККД после боев на Дону в июле 1942 г. // Magna adsurgit: historia studiorum. 2017. № 1. С. 111–120.

*Заярный С.А., Очиров У.Б.* 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г. // Magna adsurgit: historia studiorum. 2018. № 1. С. 111–137.

*Илишкин Н.У., Оглаев Ю.О.* Родина помнит. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 220 с.

*фон Макензен Э.* От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов // От Буга до Кавказа. М.: ООО «АСТ», 2004. С. 221–352.

*Очиров У.Б.* Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. №4 (54). С. 55–70.

*Тике В.* Марш на Кавказ: битва за нефть 1942–1943 гг. М.: ЭКСМО, 2005. 448 с.

*Geschichte der 3. Panzer-Division, Berlin-Brandenburg 1935–1945.* Berlin: Buchhandlung G. Richter, 1967. 522 s.

# Этнография кочевых народов



## ДЕКОР ВОЙЛОКА МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КАЛМЫКИИ)\*

Батырева С.Г.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)

E-mail: sargerel@mail.ru

**Аннотация.** Древнейшее искусство войлоковаления позволяет судить об орнаментальных формах организации пространства в мыслительной и творческой деятельности наших предков. Исследование образной системы художественного мышления монгольских народов позволяет выявить параметры, реконструирующие в материальной культуре этническую картину мира. Достаточно схожи орнаментальные мотивы изобразительного искусства тюркских и монгольских народов, что объясняется истоками этногенеза, единством происхождения скотоводческого хозяйства и истории традиционной культуры номадов. Вместе с тем выявлены различия в композиционной и орнаментальной трактовке декора войлочных изделий монгольских и тюркских народов.

**Ключевые слова:** культурное наследие, музей, узорный войлок, орнамент, народное декоративно-прикладное искусство, тюрко-монгольские народы, Калмыкия.

Народное творчество, обусловленное природной средой и мобильным укладом бытия и хозяйствования, сформировало искусство декора в традиционной культуре номадов. Изобразительные мотивы, сложившиеся в степях Евразии у тюрко-монгольских народов, близки древним художественным традициям культур Ноин-Улы и Пазырыка [Руденко 1968]. Представлены они южно-сибирским и саяно-алтайским типами орнамента, характеризующими регион их пограничного проживания [Иванов 1963: 374–375]. С мобильным укладом животноводческого хозяйства сопряжено мироощущение, формируемое явлениями природы и миром в целом, воспринимаемым глазами кочевника. Пространственное мышление кочевников Монголии исследователи

\* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование этнических культур монголоязычных народов в условиях социокультурного взаимодействия» (№ госрегистрации 115062510041).

связывают с концентрическим и линейным принципами освоения пространства [Тишков 2003; Пространство 2008]. Декоративная суть народного прикладного искусства состоит в художественной обработке традиционных материалов (войлока, кожи, дерева, металла и ткани), а именно в украшении их орнаментом. Традиционная форма декора обусловлена эстетическими представлениями народа, в которых орнамент выступает источником по истории художественной культуры калмыков и ойратов. Система универсальных знаков и символов орнаментики обеспечивает трансляцию культурного опыта из поколения в поколение, реализуя диалог времен в границах единой традиции. В структуре художественного мировидения калмыцкого этноса и формах его выражения орнамент выступает важнейшей частью декора в системе народного искусства. Оно рассматривается автором в контексте его художественных метаморфоз, что позволяет видеть в нем инструмент адаптации и саморегуляции традиционной культуры в меняющихся условиях среды обитания народа.

Рассматривая истоки и эволюцию художественной культуры, исследователи отмечают, что *«различные формы тюркского искусства имеют единый инвариант, связанный с архетипическими структурами мышления»* [Искусство войлока 2013: 12]. Думаем, это наблюдение вполне обоснованно можно распространить и за пределы культуры современного тюркского мира. Древнейшее в происхождении искусство монголоязычных номадов [Цултэм 1988], в частности, войлоковалание позволяет судить об орнаментальных формах организации пространства в представлениях наших предков. Изучение этой сферы позволяет выявить универсалии и закономерности, характерные в целом для художественного мышления человечества.

Народное творчество войлоковалания, переживающее сегодня повсеместно многообещающий этап развития, рассматривается в исследованиях ученых Средней Азии и России [Каримова 2005; Асанова 2008: 154–160; Мусакаев 1997: 228–230; Батырева 2013: 99–103]. Это исследования, характеризующие художественные традиции войлоковалания того или иного народа, не проводят их сравнительно-сопоставительного анализа. Нам бы хотелось, не заостряя внимания на локальных особенностях войлочной культуры того или иного этноса, исследовать композиционные принципы художественного декора у тюркских и монгольских народов.

Различие универсалий традиционной культуры можно выявить в структуре войлочного декора. Рассмотрим два узорных войлока из коллекции Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН.

1) Инв. № ПР-65/0084 ОФ (Шерсть, валяние, вкатывание, окрашивание. 1,5 x 2,3 м). Полотнище было куплено у казашки С.Т. Хайрединовой, жительницы с. Бергин Юстинского района Республики Калмыкия

**Батырева С.Г. Декор войлока монгольских и тюркских народов  
(по материалам музейных коллекций Калмыкии)**

в 2003 г. Войлок в свое время (во 2-й пол. XX в.) был свален матерью владелицы, к сожалению, не были записаны ее данные. Темно-коричневая кошма несет в лицевой части рогообразный рисунок красного цвета, образующий две квадратные формы в окружении каймы полотнища из элементов основного орнамента. Изделие характеризует некоторая расплывчатость нечетко выделяющегося на абстрактном фоне зооморфного декора. Техника исполнения (вкатывание орнамента в процессе валяния) является характерной для войлочных изделий многих тюркских народов, в том числе и казахов юга России.

2) Инв. № ПР-334/0852 ОФ (Шерсть, валяние, аппликация и обшивка шнуром. 0,68 x 0,6 см), поступивший от владельца На. Сухбаатара (г. Улангом, Западная Монголия) в 2008 г. Циновка двухслойная, ее квадратная форма украшена узором из четырех орнитозооморфных фигур, соединенных в центре крестом в целостную декоративную композицию. Эта композиция, удвоенная в трактовке, образует центральную часть войлока. Изображение, созданное накладным слоем коричневого войлока в обшивке шнуром цвета «бордо», четко выделяется на сером фоне войлочной основы. Внешняя и внутренняя прошивка узора светло-коричневой шерстяной нитью придает рельефную выразительность композиции, окаймленной по краю витым шнуром цвета «бордо». Подобная аппликативная техника наложения узора характеризует войлок казахов, большая группа которых проживает вместе с дербетским населением Убсунурского аймака Западной Монголии.

Указанные экспонаты объединяет рогообразный орнамент, характерный для традиционного узора тюркских войлоков и выполненный в первом случае техникой вкатывания узора. Стилизованный узор «бараний рог» выкладывали шерстью на войлочной основе, сбрызгивали или промачивали теплой водой, осторожно сворачивали, а затем приступали непосредственно к валянию кошмы руками или ногами. В результате исходная основа принимала в себя вкатанный узор. Казахская кошма «текемет» с подобной системой декорирования предназначена для застилания пола юрты.

В изготовлении циновки (казах. *сырмак*) использовали технику инкрустации или мозаики, при которой места соединения кусков войлока разного цвета закрываются плетеным шерстяным шнуром. *Сырмак* – это двухслойный узорный войлок, в котором кошма обязательно простегивается вместе с подкладкой по линии шнура параллельными строчками. Узор четко выделяется на фоне войлочной основы. Способы аппликации (накладывания) или инкрустации (вкладывания) войлочного узора, который можно было заменить тканью или кожей, также используются для декорирования изделий многими тюркскими народами. Еще один способ аппликации в нашивании на однотонную основу фрагментов орнамента, вырезанных из войлоков других цветов. Изделия об-

рамляются каймой из цветного шнура или бахромой из окрашенного конского волоса.

Орнамент обоих войлочных изделий, выполненный в различной технике, по существу одинаков, представляя собой трилистники с ответвлениями, соединенными в разнообразные сложные фигуры – варианты традиционного казахского узора «рога барана». Циновки прямоугольной формы дополнялись созданием и круглых панно из войлока.

Декор казахских и ойратских изделий существенно различается в трактовке и содержании орнамента, что обусловлено этническими и культурными процессами в средневековый период их истории. В это время происходит приобщение их к мировым религиям – буддизму и исламу и, по всей вероятности, формирование войлочного искусства тюркских народов Евразии. Принятие вероучений, предполагаем, обусловило впоследствии локальное своеобразие художественной культуры номадов. Различие этико-социальных установок и мировоззренческих традиций религий можно проследить в композиции орнамента, его пространственных параметрах, воплощенных в декоративной композиции войлочных изделий.

Исследователи отмечают, что в орнаменте монгольских народов, как правило, характерен четко выраженный центр с помещением-фиксацией излюбленных изобразительных элементов: рогов, круга, точки, цветка или побега [Сергеева 1977: 106–108]. Для калмыцких войлоков, сохранившихся в фондах Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН, Национального музея имени Н.Н. Пальмова Республики Калмыкия и Российского этнографического музея, свойственен, главным образом, геометрический орнамент, а также его разновидность – астральный орнамент, дополненный в войлочной культуре ойратов растительным узором, как правило, расцвеченным в колорите. Каймой ойратских изделий часто служит меандр «*алх зег*» или параллельные линии. В углах помещаются изображения плетёнок «*өлзэ утцн*» или рогов «*овр зег*» и прочие детали декора. В пространственной структуре орнамента ойратов и калмыков четко прослеживается «смысловой» центр композиции, ритм и подчеркнутая симметрия орнаментальной композиции. В такой системе упорядоченного, т. е. освоенного и обжитого пространства бытия, переносимого в войлочную композицию, выражаются в конечном итоге особенности мироощущения монгольских народов.

Графическая выразительность стеганого узора свойственна древней культуре ойратов и калмыков. Его появление в традиционной культуре, предполагаем, органично сопрягается с периодом сложения орнаментальных мотивов не только в калмыцком войлоке, но и в прикладном искусстве в целом, объясняя этническое своеобразие орнаментики, характеризуемой В. Кореняко [Кореняко 2002: 45–48]. И если изделия

**Батырева С.Г. Декор войлока монгольских и тюркских народов  
(по материалам музейных коллекций Калмыкии)**

калмыков в силу исторических обстоятельств фиксируют архаику геометрического узора, ушедшего в прошлое народного искусства, то у ойратов Западной Монголии оно продолжает развиваться, что проявляется в обретении черт локального своеобразия.

В сложной композиции эркетеневского орнамента «*намч зег*» выражено взаимообусловленное единство живой и неживой природы, свойственное народной философии. Этническое мировосприятие соединяет глубину буддийского мировидения и исторический опыт миропознания калмыков. Лаконичная выразительность геометрического орнамента наполняет строгую и в целом немногословную в деталях декора пространственную структуру калмыцких войлоков [Батырева 2006: 36, 95].

Этническая формула пространственно-временного синтеза в традиционной культуре наглядно выражается в таких, например, орнаментальных композициях калмыков, как геометрический «*шовшуурин зег*» или астральный «*үлмж зег*», символизирующих триединство бытия. Разными геометрическими формами изображения выражено традиционное для калмыцкой культуры сакральное значение числа «3», четко варьируемое в орнаментальной культуре войлока калмыков. Примером могут служить разновидности мотивов «*дөрвлжн зег*» и «*һурвлжн зег*», органично взаимосвязанных в геометрической композиции [Батырева 2010: 11–22]. Особенностью изобразительной системы монгольских народов является выделение частного из декларируемого общего, что формирует орнаментальную композицию, где тематический рисунок трактован, как правило, активнее фона. В калмыцком войлоке это прямоугольный центр, нередко подчеркнутый другим цветом в отличие от войлочной основы.

Орнамент тюркских народов тяготеет к более декоративной структуре изображения. Последнее акцентируется насыщенным цветом войлочной композиции, совмещающей, как правило, зооморфные и растительные мотивы. Это проявляется в равной активности фона и тематического рисунка узора, их своеобразном тождестве в компоновке изображения. Оно провозглашается в самом процессе изготовления войлочного *ширдака*, когда на войлоке разного цвета намечается и затем вырезается роугообразный узор, характерный для тюркской культуры. Затем этот узор вносится в прорезь войлока другого цвета и закрепляется накладываемым по краю шнуром.

Подчеркнутая нами художественная особенность мировидения тюрков, не вычлениющая части пространства, в полной мере выразилась в декоративной выразительности их войлочного искусства. Закрепившаяся в культуре, обусловленной иными историческими обстоятельствами и традициями, система изображения достаточно абстрактна. Трудно определить, что привело к появлению и развитию

декоративной композиции, взаимообратимой в трактовке орнамента и фона тюркского войлока. Возможно, потребность общего решения фона и интерьера жилого пространства казахской (кыргызской) юрты оказало влияние на декоративизм пространственного мировидения. Правильнее будет сказать, что пространственное мировидение формируется, одновременно проявляясь в большой и малой формах народной художественной культуры. Потребность в общем решении фона в войлочной циновке и жилого интерьера привела к появлению и развитию плоскостной (т. е. вместе с фоном) композиции орнамента. Рисунок с фоном сливаются, органично перетекая из одного в другое и обратно, рельефно не вычленяясь формой в пространстве изображения, декоративного в своей основе.

Подобное, отметим, совершенно несвойственно для жилого пространства, образуемого калмыцкой кибиткой *«шукэ гер»*, где обязательно выделен красный угол *«шуһу»* с обязательным расположением алтаря и предметов культового назначения. Подобное характерно и для орнаментики войлочных изделий, фиксирующей обязательное раздельное существование рисунка и фона. Исключением в народном искусстве является единственный абстрактный мотив *«аралжэна мэр зег»* («узор паучинный след»). Орнамент, легкий в техническом исполнении, используется, как правило, в заполнении только фона, а не рисунка декоративной композиции, свойственной произведению калмыцкого прикладного искусства. Техника стеганого узора войлочных циновок выразительна линейной графикой исполнения. Неслучайно основа изображения на войлоке создается строчевым швом *«хатхмр»*. Думаем, это глубоко показательно в характеристике сдержанного декора войлочных циновок *«ширдэ»* калмыков, а также для понимания этических и эстетических, различных в своей мировоззренческой основе художественных традиций кочевников. Ими определено в конечном счете различие композиционных и орнаментальных основ изобразительной системы буддизма для монгольских народов и ислама для тюрков.

Закономерности пространственного мышления монгольских народов наглядно демонстрирует рельефный и полихромный в трактовке объема калмыцкий орнамент *«зег»*, свойственный народной вышивке [Трошин 1968: 35–41]. Этот узор образуется в результате акцентирования рисунка черным контуром в сочетании со спектральной раскладкой колорита орнаментальной композиции. В структуре национальной вышивки *«зег»*, где орнамент получает всю полноту полихромного звучания в отображении *«радуги и солнца»*, следует видеть яркое выражение художественной традиции. *«Меандры, мотивы, по-видимому, очень старинные, строгие, иногда прямо напоминающие греческие, но обнаруживающие свою восточную природу хотя бы в том, что, не стесняясь,гибают и прямоугольную, и круглую, и овальную формы»*, – так образно

**Батырева С.Г. Декор войлока монгольских и тюркских народов  
(по материалам музейных коллекций Калмыкии)**

характеризовал калмыцкий народный орнамент художник В. Фаворский [Фаворский 1982: 20].

В богатейшей тональной разработке цветовой гаммы узора и волнообразном ритме орнаментальной композиции, например, джунгарского орнамента «*зунһара зег*» находим удивительное созвучие динамике кочевого бытия. В. Фаворский, будучи в творческой командировке в Калмыкии, зафиксировал изобразительное начало народной хореографии, «очень ритмичной и наглядной в отражении окружающей природы», характеризуя освоение пространства в пластике человеческого тела [Фаворский 1982: 3]. В этих зарисовках «со стороны» зафиксировано запоминающееся художественное своеобразие калмыцкой культуры. Суть его запечатлена традицией в ритмико-цветовой динамике и композиционной структуре калмыцкой орнаментики, выражающей мировосприятие в пространственных константах. В конечном счете, именно эти особенности художественного мировосприятия окрашивают философское осмысление народом бытия.

Линейный абрис войлочного узора ойратов и калмыков сравним с древней письменностью народа, имеющей первоначальную сигнальную (информационную) суть в тамгах, родовых знаках собственности, древних в происхождении, фиксирующих переход от родо-племенного общества к феодальному. Древний пласт калмыцкой орнаментики, представленной тамгами, имеет значение оберегов, тотемов или символов плодородия. Естественно он ведет происхождение из добуддийского периода истории этноса. Ряд таких орнаментов можно продолжить, назвав калмыцкий «угловой» орнамент («*өнцгин зег*»).

Отметим, что в калмыцком орнаменте, его пространственных параметрах, рассматриваемых художественной системой мировоззрения народа, человек не отделен от мира, являясь органичной и составной частью вселенной в многообразии орнаментальных мотивов, отображающих природные явления и кочевое бытие. В синкретизе художественного явления номадической культуры орнамент «*кун зег*» («человек») естественно входит частью в зооморфные композиции калмыцкого орнамента, широко комбинируется с растительными элементами изображения. Выступая в качестве тамги, родового знака собственности, описанных исследователями [Гедеева 2003: 272–275], орнамент наглядно демонстрирует экологическое равновесие составляющих бытия в мировидении народа [Батырева 2006: 90]. В искусстве тюрков изображение человека запрещено, отвечая мировоззренческим основам ислама, провозглашающим Аллаха как начало начал Бытия.

Анализ орнамента войлочных изделий тюрко-монгольских народов в ракурсе духовного мировидения обнажает и во многом объясняет механизм образования художественной формы. Сравнительно-сопоставительное исследование наглядно выявляет мировоззренческие особен-

ности историко-культурного процесса сложения уникальной изобразительной системы в ее этно-локальной выразительности. Последнее закономерно рассматривать своеобразным историко-генетическим кодом материально-художественной культуры народов.

### **Литература**

*Асанова Б.Е.* Взаимосвязи в искусстве войлока казахов и народов Центральной Азии // *Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: Мат-лы XI-й междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2008 г.)*. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна, 2008. С. 154–160.

*Батырева С.Г.* Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 160 с.

*Батырева С.Г.* Калмыцкий народный орнамент // *Калмыцкий народный орнамент*. Элиста: Герел, 2010. С. 11–22.

*Батырева С.Г.* Войлок в калмыцком быту и его художественная обработка // *Искусство войлока в тюркском мире: история и современность*. Мат-лы междунар. симпозиума (Казань, 29–30 января 2009 г.). Казань: Заман, 2013. С. 99–103.

*Гедеева Д.Б.* О знаках «тамг» и метках «им» как маркерах калмыцких родов // *Монголоведение*. 2003. № 2. С. 272–275.

*Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.). Народы Сибири и Дальнего Востока // *Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР*. Новая серия. Т. 81. М.–Л.: Наука, 1963. 500 с.

*Искусство войлока в тюркском мире: история и современность*. Мат-лы междунар. симпозиума (Казань, 29–30 января 2009 г.). Казань: Заман, 2013. 248 с.

*Каримова Р.У.* Традиционные художественные ремесла и промыслы уйгуров. Алматы: Дайк-пресс, 2005. 170 с.

*Коренько В.А.* Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Вост. литература, 2002. 327 с.

*Мусакаев И.Б.* Орнаментация ногайских войлочных ковров // *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность*. Труды междунар. конф. (Казань, 9–13 июня 1992 г.). М.: Инсан, 1997. С. 228–230.

*Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б.З. Нанзатов, Д.А. Николаева, М.М. Содномпилова, О.А. Шагланова*. М.: Восточная литература, 2008. 341 с.

*Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.: Искусство, 1968. 135 с.

*Сергеева Т.В.* Особенности монгольского орнамента и его место в современной живописи МНР // *Науч. сообщения Государственного музея искусства народов Востока*. Вып. IX. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 105–113.

*Трошин И.И.* Искусство калмыцкой вышивки // *Теегин герл*. 1968. № 2. С. 36–41.

*Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9–12 июня 2003 г.). Тезисы докладов. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 14–31.

**Батырева С.Г. Декор войлока монгольских и тюркских народов  
(по материалам музейных коллекций Калмыкии)**

*Фаворский В.А.* Как я работал над «Джангаром» // Восток в творчестве В.А. Фаворского. Сборник материалов и каталог выставки. М.: Советский художник, 1982. С. 16–21.

*Цултэм Н.* Монгол уран зургийн хөгжиж ирсэн тойм (Происхождение монгольского искусства). Улан-Батор: б. м., 1988. 16 с.

Научный журнал

**Magna adsurgit:  
historia studiorum**

Великая степь:  
исторические исследования

2018, №2

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 70x100/16.

Тираж 300 экз. Заказ 21-18. Цена свободная.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8